

ТЫСЯЧА И ОДИН СТИХ
(Поэтическая энциклопедия)

Борис Терещенко
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 20-ти томах

Борис Терещенко

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 20-ти томах

ТЫСЯЧА И ОДИН СТИХ
(Поэтическая энциклопедия)

Красноярск, 2017
Издательство «Буква Статейнова»

Гүна строения мира (90°)

Гүна строения человека (90°)

О, СОЛНЦЕ, БОГ И ОТЕЦ МОЙ!
ДАЙ МНЕ СИЛЫ, ЗДОРОВЬЕ,
ДОЛГОЛЕТИЕ, ЧТОБЫ ЗАВЕРШИТЬ
ЗАВЕЩАННОЕ ТОБОЙ!

ДАЖЬБОГЪ СЛНЦЕСЪРЪ СВАРОГОВЪ ☸

Из архива общины «Родолубие»

ББК 84 (2Рос=Рус) 64
Т-35

Борис Терещенко.

Полное собрание сочинений в 20-ти томах.

Том 1 «Тысяча и один стих (Поэтическая энциклопедия)».

— Красноярск: Издательство «Буква Статейнова», 2017. — 464 с.

© Борис Николаевич Терещенко
© Издательство «Буква Статейнова»

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Слово об авторе* 7
2. *Слово об издании в целом* 17
3. *Слово о книге* 23
4. *Мужчина и Женщина* 40
5. *Стихи о любимой* 70
6. *Любовь* 148
7. *Человек* 178
8. *Россия – любовь моя* 224
9. *Русь ведическая (этот свет)*.... 368
10. *Чужебесие (тот свет)*..... 436

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

ТЕРЕЩЕНКО Борис Николаевич — врач, учёный, философ, культуролог, педагог, поэт, драматург, режиссёр, фольклорист, художник, общественный деятель.

Родился 7 марта 1936 года в селе Мечетное Орджоникидзевского района Кустанайской области. Отец — Николай Никитович Терещенко, мать — Анна Сафоновна (урождённая Кияшко), братья — Григорий, Иван, сестра — Раиса. В 1944 году Григорий, уча-

ствовавший в освобождении Украины от фашистской оккупации, перевёл всю семью в Винницу. Здесь Борис Терещенко после окончания средней школы поступил в медицинский институт, в 1961 году окончил его и по распределению работал на курортах Забайкалья. В это же время началась его научная и творческая деятельность. Всё его творческое наследие схематично можно разделить на три части: наука и публицистика, искусство, художественное творчество.

В медицине он создал учение о рено-васкулярной (почечно-сосудистой) системе, которое по-новому объясняет болезни и их лечение, что позволило ему разработать теоретические и концептуальные положения интегральной медицины будущего (монография «Беловодье (Воспоминание о медицине будущего)» — Красноярск, «Буква», 2003 г.).

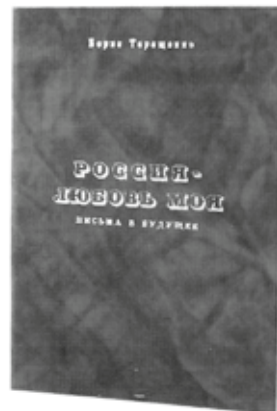
В философии он основал новую науку — биосоционику, семь положений которой способны решить жизненные проблемы как

отдельного человека, отдельного этноса, так и всего человечества в целом. «Одна из концепций создания новой цивилизации предложена Б.Н. Терещенко под названием «Биосоционика» в качестве обобщающей науки о человеке, природе и обществе». Такую оценку получил вклад Б.Н. Терещенко в философию на международном научном симпозиуме, проходившем в октябре 1999 года в Праге. А в 2000 году биосоционика стала вузовской дисциплиной в Хакасском филиале Красноярского государственного аграрного университета (директор — академик РМА Юрий Васильевич Киреев). Именно здесь старший преподаватель Борис Николаевич Терещенко разработал программу «Лекции по биосоционике». Наряду с биосоционикой он преподавал и культурологию, в которую внёс базисное понятие о первооснове культуры; её первоэлементах (язык, либидо, ритуал, мифы, знаки-символы) и её первокомпонентах (социальность, традиционность, эволюционность), что возвращает культурологии её изначальную значимость.

В век так называемой сексуальной революции, которая в перестроечные годы была привнесена и в Россию, когда развращённость и извращённость перестали считаться понятиями постыдными, порочными, недопустимыми, Б.Н. Терещенко стал активно пропагандировать своё учение о трёх составляющих любви — взаимности, верности, жертвенности, которые, с одной стороны, являются критерием понятия любви (названы впервые), с другой — способны сохранять любовь до конца жизни.

В литературе Б.Н. Терещенко выдвинул новое направление — фольклорную драматургию.

В искусстве вместе со своей супругой Валентиной Петровой, композитором, хормейстером, утвердил новый вид народной традиционной культуры — современный фольклорный театр (их театр «Лучинушка» — Народный коллектив, Лауреат Всесоюзных смотров и фестивалей, на Втором Международном музыкальном фестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона выступал на одной сцене с Китайской традиционной оперой, Индийскими танцовщицами, Японскими музыкантами).

Проблема фольклорного театра ими разработана всеобъемлюще: подготовлена монография «Листья и корни народного творчества (Истоки и перспективы фольклорного театра. Собственный опыт.)», написано двенадцать народных драм, и все они поставлены авторами на сцене.

Глубокое познание Б.Н. Терещенко фольклора, традиционной культуры дало возможность разработать новую программу эстетического воспитания детей на их основе.

В живописи он разрабатывает темы ведической Руси.

Впервые в Красноярье Борис Терещенко вместе с композитором Дмитрием Можиным создаёт сложные вокально-симфонические произведения — ораторию, кантату. Кантата «Рассвет над Караульной горой» (слова Бориса Терещенко, музыка Дмитрия Можина) впервые опубликована в сборнике «Уходил на войну сибиряк» в 1984 году в Красноярском издательстве.

Всё сказанное о Б.Н. Терещенко реализовано в его книгах. «Россия — любовь моя (Письма в будущее)» — Красноярск, 1996 и 1997 годы. В книге впервые изложены его собственные учения: о биосоционике, о рено-васкулярной системе, о трёх составляющих любви, о микрорайоне самообслуживания, о новой программе эстетического воспитания детей на основе традиционной культуры. «Беловодье (Воспоминания о медицине будущего)» — Красноярск, «Буква», 2003 г. Книга содержит реминисценции велико-

го прошлого Руси, целительский опыт человечества, теоретические и концептуальные положения интегральной медицины будущего.

«Его Величество — Человек (Путь к себе)» — Красноярск, 2006 г. Это фундаментальный научно-публицистический труд, который многие читатели окрестили «Книгой пророка», видимо, имея в виду его «библиичность» (864 страницы) и особую значимость для России и русичей, десятилетиями историю которых автор отображает. Книга явилась естественной реакцией русского интеллигента на систематические беды России. Необыкновенная эрудиция, глубочайшие знания в гуманитарных науках, яркий полемический и художественный дар позволили автору убедительно ответить на извечные вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?».

«Мужчина и Женщина» — Красноярск, «Буква-С», 2009 г. Это красочное (в чёрном и красном цветах), объёмное (864 страницы) издание с цветными репродукциями картин (34 в общей сложности), с нотной графикой (70 песен, романсов, гимнов), с поэтическим, научным и драматургическим материалом; это избранные произведения Бориса Терещенко: письма, стихи, песни, поэмы, роман в стихах, научная и художественная проза, драматургия, живопись.

«Мужчина и Женщина» — уникальнейшее явление в издательской практике, когда в одной книге под рубриками «ПОЭЗИЯ», «МУЗЫКА», «ЖИВОПИСЬ», «НАУКА», «ПРОЗА», «ДРАМА-

ТУРГИЯ», «ИСКУССТВО» публикуются произведения одного автора, достигшего совершенства в самых разных областях творчества, которому нет аналогов в мире; речь идёт, с одной стороны, об учениях и концепциях новой духовно-творческой цивилизации, с другой — о практической и творческой деятельности в её рамках, когда СЛОВО не расходится с ДЕЛОМ.

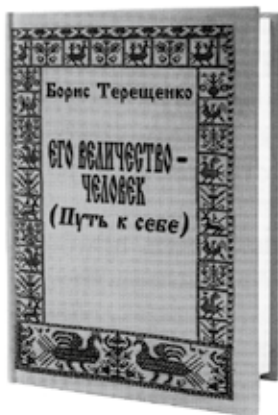
Следует подчеркнуть масштабность и виртуозность поэтического мастерства Бориса Терещенко, в избранные произведения вошли: циклы стихов, девять поэм, в том числе пять венков сонетов («Мужчина и Женщина», «Любовь», «Любимая», «Женщина», «Человек», «Мыс Доброй Надежды», «Песня про янтарный дворец», «С шальной Россией лучше в мире жить», «Тридцать шестая»), а также роман в стихах «Мужчина и Женщина (Вечерние беседы наедине)».

В разделе художественная и научная проза помещены романтическая «Юношеская повесть» и «Тюремный монолог в письмах». Пока не опубликована «Документальная повесть».

В разделе драматургии помещены три народные драмы: «Иван да Марья», «Зимние святки», «Цвет папоротника» (фольк-опера).

Если первые книги Бориса Терещенко несут публицистический и профессиональный характер, то «Мужчина и Женщина» является избранным его многостороннего творчества в поэзии, музыке, живописи, прозе, драматургии; если «Его Величество — Человек (Путь к себе)» явился пиком деятельности Терещенко как публициста, то «Мужчина и Женщина» является вершиной его деятельности как творца.

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения)» вышла в 2010 году в Крас-

ноярске в издательстве «Буква С», в неё вошли: монография Бориса и Валентины Терещенко «Листья и корни народного творчества (Истоки и перспективы фольклорного театра. Собственный опыт)», состоящей из теоретической части и практической — народных драм: «Иван да Марья», «Зимние святки», «Цвет папоротника», «Горница», «Горница-2» (детский вариант), «Женихи», «Неверность», «Солдатки» «Енисеева судьба», «Артисты приехали», «Амурное вещество», «Житие козака Омэлька» (на украинском языке).

Таким образом, создано новое литературное направление — фольклорная драматургия, утверждён новый вид традиционного искусства — современный фольклорный театр.

С написанием народной драмы работа над ней продолжалась уже на сцене; так появилось более десятка фольклорных спектаклей, в которых всё было впервые: и общая режиссура, и мизансценирование, и формирование образов, и костюмы, и хореография, и хормейстерская работа, а также декорации и реквизит. С «Лучинушкой» в нашей стране появился современный фольклорный театр, имеющий собственную драматургию.

Отличие фольклорного театра «Лучинушка» от других народных коллективов, прибегающих к театрализации фольклорных программ, в том, что они используют этнографические действия (свадебные обряды, святки, посиделки и т. п.), а «Лучинушка» использует собственный драматургический материал, для создания которого необходим драматургический талант, умение привести к общему знаменателю и фольклорный материал (песенный, музыкальный, поэтический, хореографический), и авторский, без чего невозможно добиться цельного, однородного, художественно убедительного сценического произведения.

В названной книге помещены также иные драматические произведения — пьесы Бориса Терещенко: «Рябина-рябинушка», «О чём молчит каменная баба», «Недописанный портрет», «Семьдесят два в минуту», а также культовая программа в трёх картинах «Семейные игры».

В 2013 году в издательстве «Буква Статейнова» вышел красочный альбом Бориса Терещенко — «На крыльях любви и творчества».

Подытоживая информацию о творческом багаже Бориса Терещенко, следует подчеркнуть, что он весьма разносторонен и богат: монография о народном художнике России В.И. Мешкове, монография об интегральной медицине будущего, монография о современном фольклорном театре; его учения о биосоционике, о рено-васкулярной системе, о трёх составляющих любви, о микрорайоне самообслуживания, о новой программе эстетического воспитания детей на основе традиционной культуры; роман в стихах «Мужчина и Женщина», девять поэм, среди которых пять венков сонетов; несколько сотен стихов, песен; двенадцать народных драм, около десятка пьес; повести, эссе, каталоги, научные статьи, публицистика; несколько десятков картин (состоялось восемь персональных выставок), Терещенко — Лауреат Республиканской выставки, посвящённой 200-летию А.С. Пушкина; опыт работы старшим преподавателем ХФ КрасГАУ обобщён им в методическом пособии «Лекции по биосоционике».

Идеи Терещенко весьма плодотворны; его «правило треугольника» позволяет объективно и глубоко судить как об явлениях культуры (и не только), так и о творчестве индивидуальном.

За долгую историю своей эволюции культура усложнилась настолько, что для многих (если не для большинства) ускользает истинный смысл культуры, её сущность, первооснова, которая состоит из первоэлементов (язык, либидо, ритуал, миф, знак-символ) и первокомпонентов (социальность, традиционность, эволюционность), от которых зависит жизнеспособность этноса, ведь с утратой первоосновы культуры (архетипов) народ деградирует, вот почему враги человечества (явные или тайные) прежде всего стараются разрушить традиционную, народную культуру. Примером могут служить попытки иудобольшевиков Пролеткульта зачать и родить но-

вую, «пролетарскую» культуру на обломках традиционной русской культуры; жалкие потуги РАППа создать новую, «пролетарскую» литературу; те же попытки прыгнуть выше себя предпринимают идеологи рок-рэп-поп-бизнеса.

Вот почему традиционность — это основа основ и в общественной жизни, и в индивидуальной творческой деятельности. В «правиле треугольника» Терещенко традиционность составляет основание его, середина треугольника определяет персональность, вершина — элитность. С переворотом Девяностых годов, как и после Октябрьского путча, с экранов и сценических площадок прежде всего исчезли традиционные коллективы и исполнители, в том числе единственный в мире танцевальный коллектив Игоря Моисеева, полностью соответствующий «правилу треугольника»: в основе — народные танцы мира, творческая обработка, доведение до виртуозного мастерства. То же можно сказать и о творчестве Пушкина, творческий треугольник которого заполнен полностью: традиционность (сказки), ярчайшая индивидуальность и элитность. Творчество Лермонтова, не менее гениального, чем Пушкин, занимает только середину и вершину треугольника, у Ершова, Кольцова — только основание, у Маяковского, Мандельштама, Высоцкого, Бродского — творчество занимает лишь середину треугольника, без традиционности и элитности.

Что касается творчества Бориса Терещенко, то его творческий треугольник забит до отказа — традиционность (народные драмы), персональность и элитность (венки сонетов).

Творчество во многом зависит от мировоззрения и жизненной позиции автора, в конце концов они и определяют судьбу произведений. Многие в погоне за материальной выгодой или карьерным успехом идут на сделку со своей совестью; в советские годы к известности приходили через членство в партии, через демонстрацию преданности ей. Б.Н. Терещенко, будучи главврачом на курортах Забайкалья, трижды отказывался от предложений вступить в КПСС. Независимость в суждениях и в поведении — одна из главных черт характера Бориса

Николаевича, что с очень активной жизненной позицией и неукротимой натурой всегда выделяло его в любом коллективе. В школьные годы Борис Терещенко — знаменосец школы,

спортсмен-перворазрядник, судья по спорту, тренер по гребле на байдарке. В семидесятые годы он подвергался жестокой травле со стороны партийно-номенклатурного аппарата: его пытались засадить в тюрьму, но защищаясь лично, он выиграл судебный марафон (всего состоялось девять судов), его пытались насильно упрятать в психбольницу на принудительное «лечение», но тут его выручила верная супруга силой своей любви и не без помощи прессы (о Б.Н. Терещенко имеется более сотни публикаций в изданиях всех уровней).

Постоянные отказы в издании его произведений за 30–40 лет творчества так и не смогли отбить у него желания творить, а его творчество принимало всё более разносторонний характер: нельзя выпускать книги — он создавал Литературные объединения (в Шушенском, в Шира), отказали Минусинскому театру ставить его пьесу «Рябина-рябинушка» — он создал свой собственный театр «Лучинушка», где поставил

12 народных драм, подготовленных вместе с супругой. Он десять лет скрупулёзно работал над монографией о народном художнике России В.И. Мешкове — Красноярский крайком партии запретил публиковать её, потому что — «Терещенко».

И тем не менее отдушины и в советские годы имели место: публикации стихов, статей, очерков в газетах

и журналах, исполнение песен на различных сценах, правда, и здесь был случай, когда диетсестра, будучи парторгом, запретила исполнять авторскую песню.

С крахом идейного тоталитаризма пришёл материально-финансовый беспредел, линия фронта оказалась на противоположном рубеже. Поневоле вспомнишь слова классика: «И вечный бой! Покой нам только снится!».

И Терещенко снова на передовой, со своим мощным оружием — новой книгой. Стремление к вершине человеческого духа продолжается...

В 2014 году вышел в Красноярском книжном издательстве «Буква Статейнова» поэтический сборник Бориса Терещенко «Счастье — это любовь». К 80-летию Б.Н. Терещенко вышла книга «80 лет в пути (К юбилею мастера)». Особое место в творчестве Бориса Николаевича занял труд «Птичья книга», который восстанавливает исконную, изначальную веру русичей — ведизм. В «Птичьей книге» многотысячелетняя ведическая история изложена и в поэтическом, и в историко-археологическом вариантах. Истинным русичам «Птичья книга» способна заменить «Библию».

В 2016 году вышла в том же издательстве книга Бориса и Валентины Терещенко, «По солнечному кругу», посвящённая главным традиционным славянским праздникам — Зимнему и Летнему солнцестояниям, Весеннему и Осеннему равноденствиям.

В 2016 году вышел уникальный поэтический сборник «Тысяча и один стих (Поэтическая энциклопедия)».

СЛОВО ОБ ИЗДАНИИ В ЦЕЛОМ

Полное собрание сочинений в 20-ти томах Б.Н. Терещенко, рассчитанное на 8 тысяч страниц, выходящее в Красноярском издательстве «Буква Статейнова» — уникальнейшее явление в мировой издательской практике и по объёму, и по тематике, поскольку охватывает сферу творчества в самых разных областях культуры: ПОЭЗИИ, МУЗЫКЕ, ЖИВОПИСИ, ДРАМАТУРГИИ, МЕДИЦИНЕ, ФИЛОСОФИИ, НАУКЕ со многими новыми учениями и начинаниями.

Б.Н. Терещенко — автор монографий: о современном фольклорном театре, о жизни и творчестве народного художника России В.И. Мешкова, об интегральной медицине будущего.

Б.Н. Терещенко — автор учения о биосоционике/преподавал в университете/, учения о рено-васкулярной/почечно-сосудистой/ системе, учения о трёх составляющих любви, учения о микрорайоне самообслуживания.

Все свои идеи он изложил в многочисленных книгах: «Россия любовь моя», «Беловодье/Воспоминание о медицине будущего/, «Его Величество — Человек /Путь к себе/», «Со сцены — как с трибуны», «Птичья книга» и др.

Естественно, с годами появилась необходимость всё наследию Б.Н. Терещенко собрать в единое издание, которое должно продемонстрировать необъятные возможности человеческого гения.

Первый том Полного собрания сочинений Б.Н. Терещенко представлен исторической и философской поэзией с широчайшей тематикой — «Тысяча и один стих. (Поэтическая энциклопедия)».

Второй том включает живописные работы Бориса Терещенко и его монографию о народном художнике России В.И. Мешкове.

Третий том посвящён драматургической и театральной деятельности Бориса и Валентины Терещенко, создавших

первый в России современный фольклорный театр. Их театр «Лучинушка» — Народный коллектив, Лауреат Всесоюзных смотров и фестивалей, участник Второго международного фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона, выступавший на одной сцене с Китайской традиционной оперой, Индийскими танцовщицами, Японскими музыкантами. Супруги Терещенко создали новый вид традиционного искусства — современный фольклорный театр, подготовили и поставили на сцене двенадцать народных драм, основывая таким образом новое литературное направление — фольклорную драматургию.

Четвёртый том является монографией о новой медицине будущего — интегральной, объединяющей изначальную ведическую медицину (главный принцип её — ВЫВЕДЕНИЕ — очищение организма) с научными достижениями современной медицины, которая, к сожалению, перешла на противоположный принцип лечения — ВВЕДЕНИЕ (накачка организма фармакохимией).

В основе пятого и шестого томов заложен фундаментальный научно-публицистический труд Б.Н. Терещенко «Его Величество — Человек /Путь к себе/», который многие читатели окрестили «Книгой пророка», видимо, имея в виду его «библиичность»/864 страницы/ и особую значимость для России и русичей, десятилетиями историю которых автор отображает. В пятый том вошли две первые книги «Путь в будущее» и «Путь в никуда», в шестой том — «Путь к России» и «Путь к себе».

Седьмой том содержит «Птичью книгу», в первой части которой представлена поэтическая история ведической Руси, во второй части даются историко-археологические подтверждения многотысячелетней истории руссов — бо-реалов, носителей ведической цивилизации. В восьмом томе подана совместная работа супругов Терещенко «По солнечному кругу», рассказывающая о главных праздниках русичей — солнцеклонников, связанных с основными солнечными циклами: Зимним и Летним солнцестояниями,

и Весенним и Осенним равноденствиями, которые, увы, вытеснены ныне христианскими праздниками.

В девятом томе /Поэзия/ помещены поэтические циклы, девять поэм, роман в стихах — «Мужчина и Женщина/ Вечерние беседы наедине/».

Десятый том содержит музыкальное наследие супругов Терещенко.

В одиннадцатый том включены повести Б.Н. Терещенко: «Юношеская повесть», «Тюремный монолог в письмах» и «Документальная повесть».

В двенадцатом томе — эссе и очерки автора. В тринадцатом — публицистика, в четырнадцатом — юмор и сатира. Пятнадцатый том содержит исторические материалы под общим названием «Авгиевы конюшни истории», что и объясняет их содержание. В шестнадцатый том включены научные статьи и доклады Б.Н. Терещенко на Международных научных конгрессах. Семнадцатый том посвящён дневниковым записям и переписке Б.Н. Терещенко, восемнадцатый том содержит отзывы и рецензии, связанные с деятельностью Б.Н. Терещенко, в девятнадцатом томе собрана многочисленная пресса на его творчество, двадцатый том, можно сказать, итоговый — «80 лет в пути /К юбилею Мастера/».

История общечеловеческой культуры полна примерами мировой славы как единичных произведений /«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Овод» Войнич, «Конёк-горбунок» Ершова, «Грачи прилетели» Саврасова/, так и множества произведений весьма плодовитых авторов /Шекспир, Бальзак, Рубенс/. В Сибири имеются свои примеры творчества талантливых авторов. Астафьев, например, при финансовой помощи президента Ельцина смог издать пятнадцатитомник своих прозаических произведений.

Что касается Терещенко, то психотип его всегда обрекал на сопротивление, с одной стороны, — «Служить бы рад, прислуживаться тошно», а с другой — «Караюсь мучаюсь, алэ не каюсь», поэтому в системе «Кто не с нами, тот против

нас» Терещенко никогда не был «своим», а следовательно, и не мог быть в фаворе у властимущих ни при иудокommунистах, ни при иудодемократах. Русская земля всегда рождала людей, как Радищев, Аввакум, Мирон, и будет рожать и впредь.

Всё огромное наследие Б.Н. Терещенко — 8 тысяч страниц — посвящено России: в его произведениях сформулирована национальная идея русичей, дан общий план возрождения России в философском плане, социальном, культурном, нравственном и моральном.

Все беды России связаны с тем, что на протяжении тысячи лет ею правят чужаки-русофобы: триста лет — хазарское иго, триста лет — татаро-монгольское иго, триста лет — Романовское иго, сто лет — чужебесие иудобольшевиков и иудодемократов. Вот почему самая великая и богатая страна в мире до сих пор не может обеспечить достойную жизнь самому духовному народу планеты.

Подытоживая сведения о творчестве Б.Н. Терещенко, само собой напрашивается ключевое слово — ВПЕРВЫЕ. Впервые в истории медицины Терещенко разработал учение о рено-васкулярной/почечно-сосудистой/ системе, объясняющее истинность принципа многотысячелетней ведической медицины /ВЫВЕДЕНИЯ — очищения организма от шлаков и токсинов/ и порочность ортодоксальной медицины с её принципом лечения — ВВЕДЕНИЕ/ накачка организма фармакохимией/, что приводит к симптоматическому лечению и стремлению даже здоровых людей охватить своей продукцией, расширяя медикобизнес до общечеловеческой химизации. Вот почему Терещенко впервые основал теоретические, концептуальные, организационные, практические положения новой медицины будущего — интегральной, изложенные в книге «Беловодье (Воспоминание о медицине будущего)», в первой и единственной монографии на эту тему.

Впервые Терещенко основал новое учение в философии — биосоционику как главный принцип духовно-

творческой цивилизации, которая должна сменить олергахическую цивилизацию безудержного потребительства. Впервые Терещенко предложил учение о трёх составляющих любви, дав её определение и противопоставив своё учение так называемой сексуальной революции.

Впервые Терещенко открыл новое направление в литературе — фольклорную драматургию, написав двенадцать народных драм, на основании которых он вместе со своей супругой Валентиной Петровной, композитором, хормейстером создал новый вид традиционного искусства — современный фольклорный театр.

Эти и многие другие учения и разработки Б.Н. Терещенко подробно изложены в его многочисленных книгах, вошедших в Полное собрание сочинений в 20-ти томах, которое несомненно войдёт в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

СПИСОК ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Б.Н. ТЕРЩЕНКО

1. **Том 1.** Тысяча и один стих (Поэтическая энциклопедия)
2. **Том 2.** Живопись. Искусствоведение.
3. **Том 3.** Драматургия. Театр.
4. **Том 4.** Беловодье (Воспоминание о медицине будущего).
5. **Том 5.** Его Величество — Человек. Часть первая:
Путь в будущее. Путь в никуда.
6. **Том 6.** Его Величество — Человек. Часть вторая:
Путь к России. Путь к себе.
7. **Том 7.** Птичья книга.
8. **Том 8.** По солнечному кругу.
9. **Том 9.** Поэзия.
10. **Том 10.** Музыка.
11. **Том 11.** Повести.
12. **Том 12.** Эссе. Очерки.
13. **Том 13.** Публицистика.
14. **Том 14.** Юмор. Сатира.
15. **Том 15.** Авгиевы конюшни истории.
16. **Том 16.** Наука.
17. **Том 17.** Дневниковые записи. Переписка.
18. **Том 18.** Отзывы. Рецензии.
19. **Том 19.** Пресса о Б.Н. Терещенко.
20. **Том 20.** 80 лет в пути (К юбилею Мастера).

СЛОВО О КНИГЕ.

«Тысяча и один стих /Поэтическая энциклопедия/» — уникальнейшее явление в мировой поэзии, в чём можно убедиться, познакомившись с необычайно обширной тематикой сборника. Перечисление глав говорит само за себя: «Мужчина и Женщина», «Стихи о любимой», «Любовь», «Человек», «Россия — любовь моя», «Русь ведическая /этот свет/», «Чужебесие /тот свет/». Содержание любой из этих глав это уже отдельная книга, можно себе представить, какой объём тем, проблем, вопросов, вобрал в себя сборник поэзии Бориса Терещенко, ведь не зря он назван «Поэтической энциклопедией», где поэзия представлена, с одной стороны, образцами высочайшей поэтической техники /Венки сонетов, катрены/, с другой стороны, яркими художественными образами, тонкой эмоциональностью и глубокими историческими и философскими обобщениями.

Четыре первые главы начинаются Венками сонетов, самой виртуозной формой поэтического мастерства. Венок сонетов состоит из 15 сонетов, причём при его создании сначала пишется пятнадцатый сонет /магистрал/, каждые строки которого становятся началом и концом предыдущих четырнадцати сонетов, так что при чтении первых и последних строк этих сонетов получается магистрал.

Сам сонет это твёрдо установившаяся форма стиха в 14 строк с двумя катренами /четверостишиями/ и с двумя терцетами /трёхстишиями/ в идеале с рифмой — абба, бааб, вгг, вгг (или ввг. ввг.) Если строки с четырьмя рифмами используются в предыдущих четырнадцати сонетах, то для некоторых рифм приводится подбирать два-три десятка слов. Наряду с этой технической сложностью стихосложения, надо автору выдержать и тематическое, и художественно-образное единство. Поэтов, справившимися с этой чрезвычайно сложной формой поэмы, существуют единицы, Борис Николаевич создал пять Венков сонетов, в том числе в переводе с белорусского языка, что является запредельной сложностью.

Из Венка сонетов «ЛЮБИМАЯ»

Стать навсегда кумиром женских грёз —
что может быть достойнее мужчины?!
Любовь — найвысочайшая вершина,
любимым быть — найвысший в жизни пост.

Чиновников, как тараканов, ныне
так много повсеместно развелось,
что снизился на честь мужскую спрос —
на мерзости готовы ради чина.

Я не завидую удачникам лукавым,
купающимся в роскоши и славе,
кого Всевышний надо мной вознѣс,

ведь всяк из нас свой выбор делать вправе,
моё предназначенье мне по нраву —
купаться в неге на волнах волос.

Из Венка сонетов «Мужчина и Женщина».

Он и Она — как ветви меж собой,
две пары рук — как лебеди, плывущих,
две пары ног, пружинистых, зовущих
и попадающих вдруг в ритм шальной!

Уста — к устам, в безмолвии поющих!
Глаза — в глаза, сверкающих слезой!
Всеобжигающий душевный зной!
Жар тел, между собой преграды рвущих!

Остановись, прекрасное мгновенье!
О, нет, теперь уже в ином спасенье —
исторгнись облегчающей грозой!

Тела безмолвны.. Души в упоеньи
ещё творят высокое паренье...
Свети ж им День, надёжно, Ночь, укрой.

Кто-то может усомниться, к чему поэтическая эквилибристика, ведь ни Пушкин, ни Есенин к ней не прибегали, что не помешало им занять высоты русской и мировой поэзии, но кто оспорит, что в XXI-м веке поэты не должны добиваться большего.

Венки сонетов Бориса Терещенко сотканы нетленной серебряной вязью, наделены чётким ритмом и звучными рифмами, обладают лёгкостью поэтического стиля, яркой образностью и глубиной мыслей и чувств. В этом может убедиться каждый, кто читается в Венки сонетов Бориса Терещенко.

Другим поэтическим полюсом творческого мастерства являются малые формы поэзии. В Японии, например, глубокой традиционной формой поэзии считаются пятистишие /танка/ и трёхстишие /хокку/, в российской народной традиции — частушка. На Востоке в божественный сан возведён Омар Хаям, мастер четверостиший, хотя диапазон тем в его коротких стихах не очень велик: жизнь-смерть-любовь-человеческие утхи-брренность жизни.

Поэтический багаж Бориса Терещенко весьма велик: роман в стихах, девять поэм, в том числе пять Венков сонетов, поэтические циклы, песни, романсы, гимны, но особое место у него занимают катрены /четверостишия/, которым ни по количеству /более пятисот/, ни по тематике нет равных. В сборнике «Тысяча и один стих /Поэтическая энциклопедия/» можно подобрать катрены на любую тему. Короткая форма стиха требует особого поэтического таланта — умения в четыре строки вложить или яркий отточенный художественный образ, или неподдельное искреннее чувство, или глубокую философскую мысль. Всё это можно найти в катренах Бориса Терещенко.

667.

Чудо, печальнее всех чудес,
когда Солнце по небу — горючей слезой,
и там, куда скатится Солнце с небес,
расплавится горизонт.

678.

Рыжие листвянки, словно лисёнки,
вышли на опушку, ушки наострив,
сильно прохутились жёлтые шубёнки.
Кто же вас, родные, на зиму постриг?

679.

О чём печалится берёза, знаю —
содрали шкуру люди у берёзы.
Её не только у берёз сдирают
не только у берёз не высыхают слёзы.

669.

Человек — не парь Природы,
Человек — её дитя,
с плачем громким он приходит,
плачет тихо, уходя.

675.

Готов хоть в пекло, лишь бы снова,
шагая, мерить километры,
чтоб просветили меня звёзды,
чтоб просквозили меня ветры!

681.

Я снова — один. Одиночество — горе.
Один — лишь песчинка в безбрежном просторе.
Но может песчинка у мира в глазу
выжать однажды скупую слезу.

831.

Юность глянуть в будущее хочет,
зрелость озирается вокруг,
старость прикрывает, жмурясь очи,
замыкая неизменный круг.

514.

На взрослых молодёжь взирает свысока,
отжили, мол, пора угомониться.
Откуда знать подростку, что творится
в глубинах чувств и мыслей старика?!

994.

У властелинов мира — паранойя,
«Талмуд» — история болезни,
как высоко во власть бы ни залезли,
оттуда путь один — вниз головою.

Тема любви — одна из глубочайших в творчестве Бориса Терешенко. Он — автор учения о трёх составляющих любви — взаимности, верности, жертвенности /названы впервые/. В рассматриваемом сборнике теме любви посвящены две главы: «Стихи о любимой», «Любовь». Терешенко не только в своём творчестве воспевает любовь, но и в жизни служит верой и правдой своей возлюбленной — супруге Валентине, которую не устаёт воспевать почти полвека. Ей посвящён роман в стихах «Мужчина и Женщина /Вечерние беседы наедине/», а также два Венка сонетов /«Мужчина и Женщина», «Любимая/», поэтический цикл «Стихи о любимой», почти половина которого стала песнями, романсами, гимнами; образ своей неизменной музы Борис Терешенко воплотил в своих живописных работах, так что получается, что Валентина — самая воспеваемая женщина на планете. Только в одном поэтическом сборнике «Тысяча и один стих» в главе «Стихи о любимой» имеется полторы сотни стихов Бориса Терешенко о своей музе — любимой супруге Валентине.

163.

Сонет.

Как самый светлый образ мироздания,
навеянный восторженной мечтой,
ты предстаёшь в сиянии предо мной,
жизнь согревая мне своим дыханьем.

Но я не узнаю себя порой,
слабеет вдруг высокое сознание
от необузданных земных желаний,
такое же творится и с тобой.

И я, и ты тогда совсем иные,
пусть нависают тучи гроззовые,
и ты, и я — как грешники в аду.

И пусть с тобой мы вовсе не святые,
взглянув при свете на черты родные,
к твоим коленям свято припаду.

Пресловутая западная цивилизация, основанная на рабстве, что давало ей роскошествовать за чужой счёт, всегда привлекала россиян своей мишурой, а если учесть, что среди российской романовской элиты кровнорусских было не более пяти процентов, то не удивительно, что романовская интеллигенция то шпехала по-немецки, то гундосила по-французеки, а нынешняя перестроечная элита полностью пришла к консенсусу со своими забугорными хозяевами.

Ныне Запад прямой дорогой пришёл к библейским Содому и Гоморре, гей-парады стали символом западной цивилизации, развращённость и извращённость дерьмо-краты-ельциноиды привнесли и в Россию, в результате чего рахдониты /еврейские торговцы секс-рабынями/ в девяностые годы уводили за рубеж по 50 тысяч русских красавиц, у которых желание занять всё

и сразу замутило им честь и разум. А творческий бомонд /поэты, художники, композиторы/, назвав себя секс-символами, пытаются убедить себя и народ, что им без блядства ну никак нельзя, для творческого вдохновения им каждый раз необходима всё новая и новая муза. И действительно, большинство творческого бомонда состоит из истероидов-психопатов, которые имеют подвижную, но неустойчивую психику /по типу Германа из «Пиковой дамы»/. Постоянство для них — пытка, поэтому в принципе они не способны к верности, а любовь это взаимность, верность, жертвенность, к чему способны лишь сангвиники и флегматики.

О какой любви может идти речь среди нынешней обдемократизованной элиты, которая романтизированным словечком секс-символ одаривает любую шлюху, чтобы на расстоянии вытянутой руки в любой момент иметь секс-товар для себя.

На Руси же издревле ворота так называемым секс-символам мазали дёгтем.

Россия, Русь ведическая — заглавная тема творчества Бориса Терещенко.

Россия обделена, более тысячи лет чужаки правят русичами: триста лет — хазарское иго, триста лет — татаро-монгольское иго, триста лет — Романовское иго, более семидесяти лет — иудобольшевицкое, ныне — иудодемократское...

Захватив славянские земли и города, истребив славянские племена, германцы, чтобы оправдать геноцид славяно-русов, пытались и пытаются представить их низшей расой, появившейся позже всех во II-IV в.в. н.э. невесть откуда. Но что делать с фактами, которые говорят об обратном; что именно русы-бореалы принесли миру первописьмо, что именно русы-бореалы предложили миру перворелигию /ведизм/, что именно русы-бореалы дали миру цивилизацию.

Западная историческая лженаука сделала ход конём — «Не было никаких русов в древней истории, а были «индоевропейцы», которые принесли и письмо, и религию, и цивилизацию». Так была выкрадена десятитысячелетняя история русов-бореалов. До сих пор никто не ус-

мнился в абсурдности термина «ндоевропеец», это всё равно, что «еврокитаец». Где Индия и Китай, а где Европа, и что общего может быть между ними. А между тем давно наукой доказано, что славянской цивилизации Триполье — 7–5 тысяч лет, что самому мощному сакральному центру русичей Аркаиму /возникшему во II тысячелетии до н.э./ уже четыре тысячи лет. Его основатель Богумир /Бог Йима, Яма, Кимер, Гомер/ — абсолютно реальная личность, воспет почти во всех эпосах и священных писаниях/ «Индийские Веды», «Авеста», «Славянские Веды», «Велесова книгами др./ В начале н.э. империя Словена (Словения) и пророка Буса /Русколань/ простиралась от Карпат до Урала. И тем не менее академик Д. Лихачёв заявляет: «Сама по себе культура не имеет первоначальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты вглубь времён? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полутора тысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности.» / «Новый мир», №8, с.257/.

По Лихачёву, славянская культура вторична и представляет некоторую ценность лишь как византийско-христианская разновидность, не зря лихачёвцы являются яркими противниками признания подлинности «Велесовой книги», Священного писания славян.

Борис Терешенко аргументами и фактами отмечает лживые русофобские сентенции лихачёвцев, засевших в коридорах российской науки. В главе «Русь ведическая» он не только поэтическим слогом описывает многотысячелетнюю историю русичей, но и подтверждает это историческими и археологическими материалами.

885.

Москва — России всей столица,
Москвою надобно гордиться,
но вместе с тем и должно знать,
что на Руси /Гардарике/ всегда
древнейшие имелись города.
Асгард — один из первых, город Асов,
то есть богов, владевших всею Асией великой,
они пришли из Гипербореи затонувшей
и принесли письмо, ведизм, культуру,
а их потомки — русы-бореалы
несли их дальше через тысячи годов
тропюю Прави — Совести и Правды.
В тысячелетии во втором до нашей эры
царь Богумир, всех русичей правитель,
земли Киммерской управитель
и многих прочих стран властитель
создал сакральный центр великий —
Священный Аркаим среди долины дикой.
На Западе, в Прибалтике Словен
воздвиг Словенск совместно с братом Русом
столицу всей империи своей
от Мутной и Невы до самой до Оби.
Словенск в Европе был древнейшим градом.
Ещё до нашей эры на Кавказе
возник Кияр Великий, ставший сразу
столицей Русколани, ею позже
преславно правил Бус, шестой пророк России.
А после были Новгород и Киев,
а уж потом Москва, России всей столица.
Да, есть чем русичам гордиться.

Последняя глава сборника «Тысяча и один стих» называется «Чужебесие /тот свет/» в противовес предпоследней главе — «Русь ведическая /этот свет/».

Ранее уже говорилось, что русичи подвергаются планомерной системной травле на протяжении тысячи лет. Психология Запада — рабовладельческая, русичи не знали рабства в своей стране, ведические жрецы /волхвы/ вели их по пути Прави — Правды и Совести, поэтому за много тысяч лет у русичей сформировалось высоко-нравственное, духовное мировоззрение. В своём развитии русичи не знали, что такое коварство и ложь, и поэтому не были защищены от них, чем постоянно пользуются враги России.

Принизить русича, возвыситься над ним можно только с помощью наглой лжи, в чём и заключается задача чужебесия.

947.

Немцы всегда звали нас — «русский свинья»,
но разбив их, мы обошлись не по-свински,
не забрали обратно свои города:
Бранибор, Берло, Старгород и Липск,
Межибор и Дроздяны, и Мишны —
славянорусские изначально,
их немцы бандитски у нас захватили,
применяя в бою вид атаки — «свинью».

970.

Америка — лишь жалкое подобье Рима,
и как бы не гордилась своей силой,
своим богатством, ловкостью, экстримом
и даже извращенцами своими,
ей не достичь античной высоты,
не допонять, не довобрать, не дорасти.
И всё ж сравниться она с Римом может —
лишь в крахе судьбы их похожи.

984.

Не Магадан, не Соловки и не Освенцим
в Европе были созданы сначала,

в Америке впервые англичане
создали лагерь смерти для индейцев.

В заключении обзора по страницам книги Бориса Терещенко «Тысяча и один стих /Поэтическая энциклопедия/» с полным правом можно утверждать, что поэтических аналогов ей в мире не существует как по техническому мастерству /Венки сонетов, катрены/, так и по художественности, по глубине мыслей и чувств, по широте социальных проблем, по историзму и философии, а потому и называется «Поэтической энциклопедией», создать которую мог лишь истинный поэт-патриот, поэт-историк, поэт-философ. Нельзя не привести под конец несколько предсказаний Бориса Терещенко.

661.

Не век же доллару царить
и властвовать, и пузыриться,
крах неминуем, краху быть,
крах в скором времени случится.

989.

Я вижу крах Америки воочию:
вот Мексика обрушивает стену,
и вот Аляска связи рвёт непрочные,
вот чернокожие стоят за перемены,
вот в резервациях индейцы вдруг поднялись...
Что ж от Америки в конце осталось?

791.

Довольно близок тот заветный час,
когда Россия воссияет над планетой,
когда услышан будет глас
Богодуховной Русской Веды.

507.

Я знаю, год тот недалёк,
когда Россией русич будет править,
когда объявится седьмой пророк,
чтобы народ от чужебесия избавить.

880.

Сквозь годы вижу, как Россия,
расправив плечи, восстаёт
из униженья и презренья,
царит во всей красе и силе,
как возрождается народ
из поколенья в поколенья.

К сожалению, провидческий дар невозможно измерить
сегодняшним днём, поэтому судить о предсказаниях Бориса
Терещенко нет смысла. Время покажет.

Редакция.

1.

Гимн любви

Слова Бориса Терещенко,
музыка Валентины Терещенко

Проходят лета чередою,
как в небе осенняя стая,
любое веселье земное,
любая тоска роковая,
любой день в потоке унылом —
уйдут в никуда непреложно,
вернуть даже миг невозможно,
как время его бы ни длило.

В сомнениях некуда деться,
но вдруг (может быть, не случайно) —
на помощь холодной печали
приходит горячее сердце,
и вот уже снова и снова
рождается вечное слово,
с которым отрадней и легче
по жизни идти скоротечной.

Любовь — первородное слово,
любовь — необъятное чувство,
великое в жизни искусство —
навек сродниться с любовью,
пускай же годов вереница
к любовным высотам стремится,
любимых крылом осеняя,
от бед и тоски укрывая.

Музыкальная партитура песни «Гимн любви». Песня написана в тональности ми-бемоль мажор (два flats) и 6/8 такта. Музыкальная запись состоит из четырех систем нот. Под каждой системой нот приведены русские слова, соответствующие мелодии. В начале и в конце каждой системы нот есть символы, обозначающие изменения ритма или темпа (например, 6/8, 3/4, 6/8, 3/4).

Про - ход-ят ле-та че-ре - до-ю, как вне-бе о - сен-ни-е ста-и, лю -
бо-е вес-ель-е зем - но-е, лю-ба-я тос - ка ро-ко-ва-я, лю - бой день в по-то-ке у -
ны - лом - уй - дут в ни-ку - да не-пре-лож-но, вер - нуть да-же миг не-воз -
мож-но, как вре-мя е - го бы ни дли-ло.

2.

МОЛЕНЬЕ О ЛЮБВИ

Слова Бориса Терещенко,
музыка Валентины Терещенко

Поднимаясь всё выше в зенит,
отливая всё менее медью,
словно колокол, солнце звенит,
как звонарь, созывая к обедне.

Для моления час наступил,
поспешим же на гору крутую
или к старому дубу в степи,
или в светлую рощу святую.

О Царь-Солнце, о Бог наш живой,
просвети наши тёмные души,
чтобы солнечный лик огневой
согревал нас не только снаружи —

изнутри чтоб любовью сиял
взором солнечным, ясным и светлым.
О, Царь-Солнце, услышь россиян
и внемли их желаньям заветным!

Музыкальная партитура для песни «Моленье о любви». Она состоит из трёх строк нот на пятилинейных скрипках. Первая строка начинается с такта, содержащего паузу, и заканчивается на слове «Отли». Вторая строка начинается с такта, содержащего паузу, и заканчивается на слове «медью». Третья строка заканчивается на слове «не». Под нотами указаны соответствующие слова: «Под-ни - ма - ясь все вы - ше взо-нит, От - ли - ва - я все мень - ше медь - ю, Слов - но ко - ло-кол, сол - нце зве-нит, как зво-нарь, со - зы - ва - я ко - бел - не.»

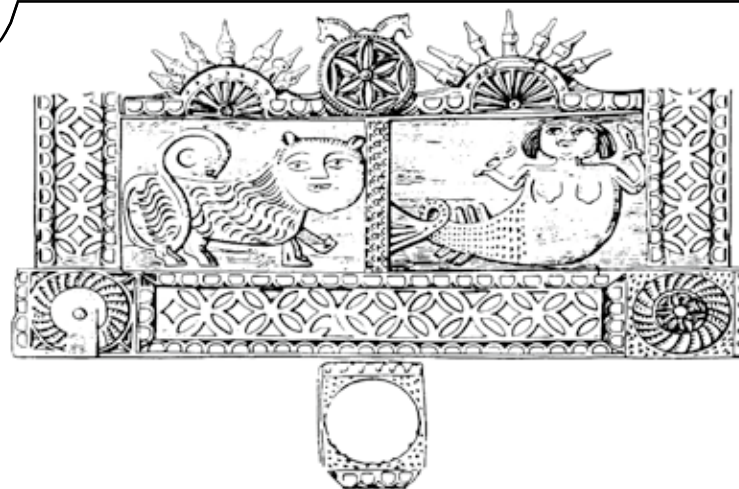

Борис Терещенко.
Солнце — Бог и Отец наш.
Масло, ДВП, 125x60 см, 2009 г.

Борис Терещенко.
Свет неугасимый.
Масло, картон, 68x50 см, 1991 год

Мужчина и Женщина

Венок сонетов.

3.

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок
и гибок, как лоза, как тополь, строен,
красив, но не иконной красотой —
обыкновенный человек — не Бог.

Хоть ладно, верно и надёжно скроен,
но вечно укреплял себя, как мог,
в работе же к себе бывал он строг,
преграды на дороге брал он с боем!

Не потому ль, что в меру просвещён,
и что в делах и в жизни умудрён,
ни богом он, ни чёртом не обижен;

быть первым среди первых испокон
дано ему не потому ль, что он
пытлив и лёгок на подъём, подвижен...

4.

Пытлив и лёгок на подъём, подвижен
не каждый ведь... Инертность — та же лень.
В преодолениях — проходит день.
Преодолеть — ведь это значит выжить!

Ведь это значит: на одну ступень
суметь подняться над другими выше
(никто, наверно, никогда не взыщет,
что к Солнцу устремляешься — не в тень!)

Кому себя преодолеть дано,
быть лидером тому не мудрено,
тот не уронит своего престижа.

И пусть что будет — знает он одно:
лакействовать не станет всё равно,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим!

5.

На «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим
и сам готов выслушивать на «ты»,
по разуменью мудрой простоты
никто в таком общении не унижен.

Увы! Накинут на людские рты
платок, чтоб не слышать, чем дышат...
За всех начальство думает и пишет,
считая, что «виднее с высоты».

Но может ли мужчина настоящий
лакействовать смиренно, как приказчик,
иль повторять зазубренный урок?!

Ему не быть уж — безмятежно спящим,
руке, сжимаемой в кулак — быть чаще;
от лун бессонных — серебрист висок.

6.

От лун бессонных — серебрист висок,
и в комнате окно — заиндевело...
И всё ж душа его не охладела —
для встречи с Женщиной себя сберёт.

Она взглянула на окно несмело,
не смея перейти через порог;
дыханием, огнём девичьих щёк
окно оттаять для него сумела б.

Ему бы догадаться самому,
ведь сразу видно было по всему:
она надеялась сойтись с ним ближе...

Сперва значенья не придал тому,
всё, что запомнилось тогда ему:
она — бела, стройна и ростом ниже.

7.

Она — бела, стройна и ростом ниже
настолько, чтобы женственно быть.
Дано ей под мужской защитой жить —
но и без опеки может выжить

и даже — будущее защитить,
лишившись даже очага и пищи! —
хоть нежен, хрупок цвет у вишен,
ему — плод с твёрдой косточкой родить!

Её надежда — пара рук, готовых
унять и усмирить любого,
её опора — пара скорых ног.

Сильней меча порой бывает слово!
Не потому ль у Женщины медовый,
певуч и нежен вещий голосок.

8.

Певуч и нежен вещей голосок
одну и ту же истину вещает:
в любви одной лишь счастье расцветает!
Семья одна — большой любви росток!

Мужчина этой истины не знает,
и не идёт ему наука впрок;
его — то носит вдоль, то поперёк,
судьба то вверх, то вниз его бросает...

Но Женщина в один прекрасный вечер
шатром волос укроет его плечи —
и вот Мужчина уже — сам не свой...

В шатре волос — не гаснет жар сердечный,
не потому ли Женщина извечно,
как жизнью, дорожит своей косою?!

9.

Как жизнью, дорожит своей косою
она в противовес красотам мнимым
и в прелести своей неповторимой
она блистает девственной красой.

Её лицо не знает пудры, грима;
ей нравится порой пройтись босой,
омыть подошвы утренней росой,
что, впрочем, жизненно необходимо.

Следы на росных травах — как узор;
узорами следов — соткёт ковёр;
поднявшись, солнышко узоры слижет,

а Женщина застынет до тех пор,
пока горит над ней корона гор —
как волны, чувства грудь её колыхат!

10.

Как волны, чувства грудь её колыхат,
приметен трепет пальцев, губ и век...
Как хорошо, что может человек
глядеть в глаза и говорить, и слышать,

и, досыта вдвоём наговорившись,
смиривши мыслей напряжённый бег,
почувствовать обязанным навек
друг с другом встретиться, едва простившись...

Так бабочка к цветку всегда стремится,
так в небо синее взмывает птица,
так к морю волны катятся рекой!

И что задумано — тому и сбыться!
Ведь всё равно должны соединиться
две половины красоты земной!

11.

Две половины красоты земной,
Он и Она — как два крыла над бездной,
удерживать от риска бесполезно!
Чтоб воспарить, им нужен взлёт крутой.

Он и Она — подобны крыльям песни,
звнящей над притихшею толпой!
Они — как два крыла любви самой,
царящей над живыми повсеместно!

Он и Она — далёкие сначала,
к великой радости или печали
вступают меж собой в союз святой,

в один поток вливаются ручьями...
Он и Она — два жизненных начала,
рождающие бурю и покой!

12.

Рождающие бурю и покой,
Любовь и Нежность — два высоких чувства.
Иметь талант к ним надо, как в искусстве,
познать их силу может — не любой.

Хоть не отметить меркою Прокруста,
где есть Любовь, а где Инстинкт слепой,
подсказывает опыт нам порой,
встречается Любовь, увы, не густо.

И всё же — быть Любви, сомнений нет,
где личности друг с другом — наравне,
где и беда от верности не сдвинет!

Они — один другому — всё нужней,
и чтобы совершенней стать вдвойне,
в Любви стремятся слиться воедино!

13.

В любви стремятся слиться воедино
Высокое Сознание и Инстинкт.
Кто их сумеет верно совместить,
тот смысл и глубину Любви постигнет.

Без либидо — Любви не расцвести:
оно её движитель, сердцевина.
Но и без красот Души — Любовь остынет:
в мечтах сперва Любовь нужно взрастить.

Он и Она должны познать друг друга,
себя готовя — не в цари, а в слуги,
и Ханжеству — решительный дать бой!

Когда ж сплетутся — и не в час досуга,
а навсегда — их интересы туго,
Он и Она — как ветви меж собой!

14.

Он и Она — как ветви меж собой:
две пары рук — как лебеди, плывущих!
Две пары ног — пружинистых, зовущих
и попадающих вдруг в ритм шальной!

Уста — к устам, в безмолвии поющих!
Глаза — в глаза, сверкающих слезой!
Всеобжигающий душевный зной!
Жар тел, между собой преграды рвущих!

Остановись, Прекрасное мгновенье!
О нет, теперь уже в ином — спасенье:
исторгнись облегчающей грозой!

Тела безмолвны... Души в упоенье
ещё творят высокое паренье...
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.

15.

Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой
и сохрани от бед-болезней разных,
от слов-наветов мелочных и грязных,
от чёрной злобы-зависти людской.

И пусть Любовь их будет для несчастных
лучом Надежды — ледяной зимой,
прохладным дуновением — весной:
нет ничего безверия ужасней...

И хоть Любовь несёт немало бед,
но всяк живущий с самых юных лет
всё грезит страстной, сладостной картиной.

Красивее влюблённых — в мире нет!
И с завистью глядят все им вослед...
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

16.

Да будет вечно Женщина с Мужчиной!
И время пусть Любовь их сбережёт.
Да здравствует и множится их род
повсюду на Земле навек отныне!

Над ними пусть летит за годом год,
но пусть не горбит, не сгибает спины
и пусть избавит их от страха и гордыни,
но только от трудов пусть не спасёт

и честь свою, как стяг, нести обяжет,
чтоб дети жизнь сумели строить так же,
перешагнув родительский порог...

У матери на сердце камень ляжет,
но с гордостью о сыне своём скажет:
он — в меру смугл, широкоплеч, высок.

17.

Магистрал

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок,
пытлив и лёгок на подъём, подвижен,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим,
от лун бессонных — серебрист висок.

Она — бела, стройна и ростом ниже,
певуч и нежен вещей голосок,
как жизнью, дорожит своей косой,
как волны, чувства грудь её колышат.

Две половины красоты земной,
рождающие бурю и покой,
в Любви стремятся слиться воедино!

Он и Она — как ветви меж собой!
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

Борис Терещенко.

Глоксинии.

Акварель, бумага, 42x51 см, 1978 год

18.

Немало было на Руси достойнейших мужчин:
Бус Белояр и Александр Невский,
и Ломоносов, Менделеев и Вавилов...
Всех не охватишь оком, мыслью не осилишь,
у всех был разный нрав,
у всех был разный чин,
но в каждом до сих пор живёт Россия.

В знаменитом селе
я не вдруг оказался,
широко намечался
вековой юбилей,
и на конкурсе вышел
победителем я,
мои песни спел хор,
село сделалось ближе
и дороже с тех пор,
а когда хор послушал,
увидал Енисей,
знаменитый музей,
рассудил: здесь я нужен.
Как скворцу по весне,
комнатёнку больница

19.

предоставила мне.
Был в больнице — полдня,
после — вольный козак —
с кинокамерой я
не далече, не близко
на рысях по стезям
историческим рыскал.
В конце дня — к старожилам
на беседы спешил,
рассказать их просил,
как живут и как жили.
Так — словечко к словечку
то с улыбкой, то с болью
познавал человечью
с енисеевой долю.

20.

Русь будет прирастать Сибирью
в своём могуществе в веках,
мечта и сказка станет былью,
судьба её — у нас в руках.

21.

Солнечные зайчики прыгают в лесу,
скачут, словно мячики, жадно пьют росу.
Я сгребу в охапку маленьких зайчат,
будет милой шапка, праздничный наряд.

22.

День рожденья праздновать светлячки сошлись,
в небе лампы разные празднично зажглись.
Кажется, уж поздно, тише, детвора,
выключите звёзды, спать давно пора.

23.

Держит свой обход Месяц, сторож вечный,
с фонарём идёт по дороге Млечной,
слышит Месяц, говорят про любовь на круче,
чтоб любви не помешать, завернул за тучу.

24.

Было счастье, любовь, встречи,
было море тепла, света,
только ветер нагнал тучи,
счастье скрылось с тех пор где-то.

25.

Где-то бродит моё счастье
по дорогам судьбы слепо,
нет над счастьем моей власти,
нету дружбы огня с пеплом.

26.

Годы, быстрокрылые птицы,
где вы?
Жизнь — слезой на ресницах белых,
не мигая, гляжу я вдаль.

27.

Не до любви было в годы тревоги,
снились о ней только сны,
годы водили меня по дорогам,
тяжким дорогам войны.

28.

Грустно при встрече с девчонкой иной,
бреду одиноко сторонкой,
шепчу я порой, тоску затая:
«Девчонка, девчонка, но не моя».

29.

Мимо проходит девчонка чужая,
в грёзах девичьих — не я,
славная, милая, но не родная,
но не судьба ты моя.

30.

С пылью придорожною первый снег порошит,
может быть, хорошего и не будет больше,
пролетают месяцы, время не догонишь,
доля моя просится на твои ладони.

31.

Проступила изморозь на моём оконце,
повелось так исстари, в нём всё наше солнце.
Стужу могут вытеснить доброта и ласка,
приходи же, витязь мой, в быль из доброй сказки.

32.

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

33.

Как в реке большой вода поднималася,
замуж девка молода собиралася.
— На чём будет милый спать?
— На правой руке.
— А чем будешь укрывать?
— Рукой левою.
Туча по небу плывёт, тяжелеючи,
бьёт гроза над головой, не жалеючи.
— Чем милого защитить?
— Рукой правою.
— А беду чем отвести?
— Да другой рукой.

34.

Кто идёт по земле, как хозяин,
с юных лет обживает «Столбы»,
с юных лет к высоте привыкает,
поднимаясь к вершинам судьбы?
Краснояры,
краснояры.
Вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.

35.

Девушки, подружки дорогие,
перед вами — тысячи дорог,
зимы не страшны в пути любые,
если в сердце вспыхнет огонёк.

36.

В девушку влюбились два дружка однажды,
будто сговорились, будто на заказ,
никому невесту не уступит каждый,
на свиданье вместе ходят всякий раз.

37.

Работайте, нам всюду говорят,
жизнь человека в этом заключается.
Какая чушь! Какой отсталый взгляд!
Ведь жизнь — одна и вновь не повторяется.

Пусть труд вознаграждается,
пускай трудяги славятся,
а мне смешно, ха-ха-ха, смешно!

38.

По Земле идёт большой Художник,
в жизни наши входит и сердца,
без него, наверно, невозможно
красоту постигнуть до конца.

39.

Открою, может, не большой секрет,
что русский мужичонка измелчал,
хоть и встречаются, как прежде, исполины.
Так кто же в этом могут быть повинны?
На протяжении многих сотен лет
в России лучшие из лучших
уничтожались властью русофобной,
и русский генофонд могучий
под вражеской атакой злобной
гнобился, размывался и дичал.

40.

Любовь особый статус придаёт
в духовности и в биологии, наверно,
взаимность, верность, жертвенность — безмерны,
Любовь — и воспаренье, и полёт.

41.

Наши чувства — как реки,
силу их не унять,
если даже навеки
их плотиной сковать.
По реке — и судьба,
и вся жизнь человека.

42.

Где-то плачет мужчина /или плакал уже/,
есть на свете причина, что заставит мужей
разрыдаться навзрыд и в слезах захлебнуться,
лишь мгновение взрыв — век следы остаются.

43.

Столько лет отшумело
за плечами не зря.
Наступившая зрелость —
золотая пора.

44.

Человек видеть должен
обожающий взгляд,
это главная, может,
из земных всех наград.

45.

Философия — мудрость,
с ней рифмуется глупость,
они рядом всегда,
как со счастьем — беда;
и несчастье, и счастье
почти рядом идут,
за побитого часто
двух небитых дают.

46.

Нет — Вчера и нет — Завтра,
есть — Сегодня,сейчас,
всё Сегодня — для нас.
Не вчерашним, не затхлым
и не завтрашним жить —
нам в сегодняшнем быть.

47.

Над ушком локон свесился небрежно
и что-то шепчет ушку горячо,
и к локону готов приревновать.
Ждёт всех нас в жизни жребий
неизбежный,
мне прядью быть бы над твоим плечом,
чтоб день и ночь шептать и целовать.

48.

Когда ночью по улицам дремлющим
от любимой счастливый иду,
вновь и вновь звёздный мир
всеобъемлющий
хочет выкрасть из сердца звезду,
ведь сияет она даже днём.
Равной ей ни в одном созвездьи
не найдёшь, если даже с огнём
Млечный путь взад-вперёд весь
изъездишь

Небо пусть не мигает во мгле,
не грозит постоянно бедою,
самому мне звезда по плечу.
Для меня ей сиять на Земле.
Когда ж вспыхнет на небе звездою,
я за ней в звёздный мир полечу.

49.

О самом главном так и не сказав,
уходишь ты, на что-то намекая,
идёшь к другому, вижу по глазам,
что ж, уходи, ко мне придёт другая.
Я не жалею о былом ничуть,
и с плеч, как будто вдруг гора
свалилась,
и снова петь, смеяться я хочу,
такое счастье мне во сне лишь
снилось.

50.

Пылал любовью у колен твоих,
и мне казалось — от тебя сгораю,
когда ж огонь немного приутих,
увидел, как на угольях в огне
шипит твоё сердечко, не пылая,
и вот уходишь ты — жалеть не мне.

51.

Весною ранней, размечтавшись, я
о милой пел, не хуже соловья.
Открой мне, Солнце, тайну моей милой,
не ты ль ей щёчки, ножки позлатило?
Вы, Звёзды в небе — сёстры её глаз,
но только её глазки лучше вас,
уста нежнее лепестков у розы,
росы прозрачней влага губ и слёзы.
О, ручеек, без усталости поёшь ты,
петляешь, падаешь, бежишь, звеня,
как капли две, на милую похож ты.
Так говоря, расшибся я о камень,
постой, не ты ль по сердцу ей родня?
Над камнем стал я, развея руками.

52.

Глядишь ты раздражённо на меня,
и дышит взгляд холодной неприязнью,
ты снова подвергаешь меня казни,
всё светлое былое хороня.

Однажды испытав, я не боюсь
ни казни, ни угроз твоих, ни плача,
когда смотрю я на тебя иначе,
я над своей влюблённостью смеюсь.

Когда мой ум пред чувством не слабеет,
я вижу слабое и злое существо,
какими так богат наш белый свет.

Смешон самовлюблённый взгляд твой,
такая мысль печаль мою развеет,
и в голове уже готов сонет.

53.

Весна ли, локоны ль моей любимой
все мысли перепутали мои.
Скажу «весна» — улыбку вижу милой,
а милой грудь — весной в глазах стоит.

54.

Что в голову весною не взбрeдёт,
когда владеть не можешь сам собою,
от грёз и сновидений нет покоя,
и я брожу все ночи напролёт.

55.

Хочу обидным словом уколоть,
хочу быть равнодушным, сердце ж ноет...
Смогу ли, наконец, вдвоём с весною
у девушки упрямство побороть?

56.

Начал верить я нынче в приметы,
в схемы линий руки, в гороскоп,
стал бояться я злостных наветов,
мне преграда в пути — чёрный кот,
стал он оборотнем между нами
и условностей горы воздвиг,
их разрушить лишь можно сердцами,
воспылавшими жаром любви.

57.

Первой буквой от слова «Любовь»
схемы рук у нас оказались,
не простившись, мы с Вами расстались —
верный признак, что встретимся вновь.

58.

Сон-печаль, тяжелее
чувства все придави,
чтоб затихла быстрее
память первой любви...
Унеси белой птицей
вдаль обратно меня,
дай мне светом умыться
беспечального дня.

59.

В то морозное утро, ты помнишь,
в то морозное утро я умер,
умирать не хотел, но был скручен
леденящей рукой отчужденья,
и не ты ль помогла ей в то утро;

каблучков твоих стук по асфальту —
вот последнее, что ещё слышал,
а потом всё исчезло в то утро:
и любовь, и мечты, и желанья —
под морозным дыханьем увяло,
сердце биться тогда перестало...

Думал я, начинается вечность,
и не знал, что даже страданья,
и страдания — скоротечны.
И, живой окроплённый водой,
из студёной моей колыбели
я был поднят весенней капелью...

Сердце в клетке грудной
встрепенулось,
аромат весны захлебнулось
и забилося вновь,
потому что проснулась
во мне снова любовь.

60.

Нет, взгляд Ваш лукавый меня не обманет,
в душе моей вольной, как камень, он канет.
Очей глубина мне страшна, да не очень,
я знал не такие — коварнее очи.

Нектарную влагу с губ Ваших добуду.
а высохнут губки, я Вас позабуду.
Не думал, что шутка бедой обернётся,
смеётся ведь тот, кто последним смеётся.

Взглянули Вы — камнем упал взгляд на душу,
и начал тонуть вдруг я даже на суше.
Не смейтесь, не мучьте, молю Вас, спасайте!
Скорее на помощь мне сердце бросайте!

61.

Ты влюблён без памяти в меня,
без меня прожить не можешь дня,
глаз своих не сводишь,
вслед за мною ходишь,
знай же: мой любимый ждёт меня.

Глупенький, не хочешь ты понять,
чувства безответного унять,
ходишь ты напрасно,
с ним шутить опасно,
он буйней и пламенной огня!

Спорить с ним не смею даже я,
ведь я знаю: он судьба моя,
согласись со мною
и не спорь с судьбою,
притаилась где-то и твоя.

62.

От жены убежал я от первой недаром,
потому что женился в любовном угаре,
первый опыт сорвался, знаю в чём просчитался —
вознамерился сдуру
переделать натуру.

63.

Убеждаюсь я в главном:
истероидность явно
для семьи не подходит,
монотонность семьи для истериков —
пытка,
хватит пороха им на одну только
вспышку.

64.

Кто такой истероид, всем известно в народе,
и для всех не секрет, какой внешний
портрет истероидов —
броский,
с людьми сходится быстро,
на ходу, на бегу, но скандальны —
как выстрел,
дым пускают и лгут,
их сердца — как авоська,
наготове всегда на любом
перекрёстке
полюбить и предать,
носы правят по моде,

нет иных важных дел,
разговоры заводят,
в чём и как кто одет,
лишь бы быть на виду, наступают на горло,
не колеблясь пойдут на подлог и на подлость,
злость срывают на близких,
дарят ласки чужим,
с истероидом жизнь не получится
чистой.

65.

Чтобы в счастье любить,
надо выбрать героя,
лишь бы это не был
психопат-истероид.

66.

Миллиарды людей
миллиардами жизней
подтверждают лишь мысли
о суетности дел их и чувств, и идей.

67.

Вслед за Сенекой я к суду зываю,
насильников не надобно щадить,
они злодейство могут повторить,
от всепрощенства честные страдают.

68.

Чом погаслы очи, чом воны нэ сплять,
чом больть сэрдэнько, начэ рана,
чом воно рыдае, начэ нэмовля?
Дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?

69.

Не уповать на чьё-либо наследство,
не грезить тщетно призрачной карьерой,
жить лишь на имеющиеся средства —
всё это есть мой символ веры.

70.

«Не лапай — не купишь», — нам дружно
девчонки незло говорили;
лета, как листва, отлетели,
нам лапать и даром не нужно.

71.

Чем старше и взрослей становятся супруги,
тем меньше любования друг другом,
провоцирует упрёки скучный быт,
упрёками любовь не сохранить,
приходится искать любовь на стороне,
а это пагубней вдвойне.

72.

Любовь — не либидо, не секс,
любовь — духовное понятие,
где верность, жертвенность, взаимность —
служить должны — все без изъятия.

73.

Душа стремится в песне обновиться,
чтоб песней встретить алую зарю;
тебе я эту песню, как Жар-птицу,
в надежде на взаимность подарю.

74.

Для мэнэ зирваты зирку обицяв,
ой, нэ трэба рваты, бо краса завьянэ,
свитла мэни досыть з твоего лыця,
дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?

75.

О боже! Фу, чёрт, нету бога,
но всё же, кто-нибудь, уйми
мою болтунюю хоть немного,
скорей кошмар с меняними!

Она назойливей, чем муха, скучней осеннего дождя, Зависла, как комар, над ухом, беседу бабью заведя.	Смотрю я в глупые глаза, злорадно про себя мечтаю, сложу экспромтом этот стих и ей с восторгом прочитаю.
---	---

76.

Хвхлямы бурхливо Днепр вночи гуркочэ,
смутнэ дивча вин знай журбыть,
нащо воно ходыть тута сэрэд ночи,
що надумало з собой зробыть?
И була снытлыва одповідь дивоча,
я шукаю щастя тут,
тут я загубыла рутяный виночок,
запашнэ зиллячко в цвиту.
Ой, вы бэрэжэчкы, квитамы повыти,
прытуга, прынада молодым,
хто ж тут в барвиночку, в рути, в оксамыти
в запашнии дыва нэ ходыв.
Нэ бурчы, Днипро, ты в свои сыви вуса,
бо заплисние твоя вода,
нэ жэны вид сэбэ, всэ одно ты мусыш
запашнэ зиллячко виддаты.

77.

Настала ночь, пора бы спать ложиться,
а я хожу по улицам в тиши,
в уме стихов листаются страницы,
а фонари советуют: пиши.

78.

Тревога за тебя, быть может, и смешна,
быть может, опасения нелепы,
но милая, жизнь наша так сложна,
а сердце /им ведь чаще мыслят/ слепо.
Чтоб видеть мог тебя я день и ночь,
хотел бы под окном твоим быть клёном,
я всей листвою старался бы помочь,
иначе сгинуть мне в тоске зелёной.

79.

Люблю тебя я страстно, беззаветно,
но не унижусь я, обиды не стерплю,
и если ты любовь оставишь без ответа,
то в гордости её я утоплю.

80.

Поэт не может не любить стихи,
они уносят от земных стихий
к его стихни вымысла чудесной,
и он парит на крыльях звонкой песни.

81.

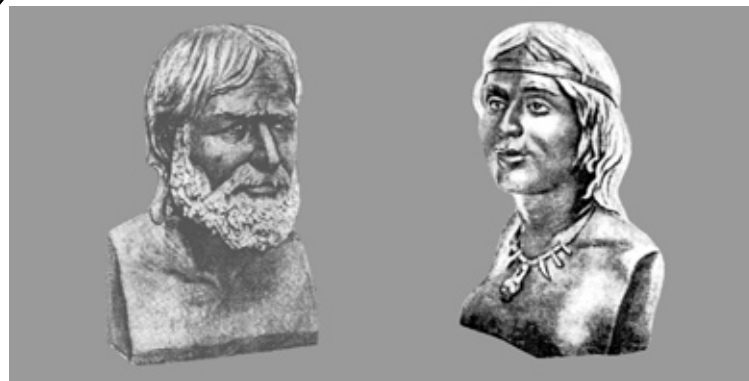
Поэт, направив над Землёй полёт,
о сокровенном сладостно поёт
и страстно к Солнцу, к свету призывает;
но вот, спустившись вниз на землю, он
всеобщим равнодушием смущён
и, оглянувшись, скорбно умолкает.

82.

Ты нэ лякайсь мэнэ, квитко-дивчиночко,
сонячна, ясна волошка моя,
прошу побуты зи мной хоч хвхлыночку —
вичнисть чэкав тэбэ я.

Скифский праздник. Пластина из Сахновки (р. Рось). Геродот называл русичей «скифами-пахарями».

*Русы-кроманьонцы.
Реконструкция облика
зрелого мужчины*

*Русы-кроманьонцы.
Реконструкция
облика девушки*

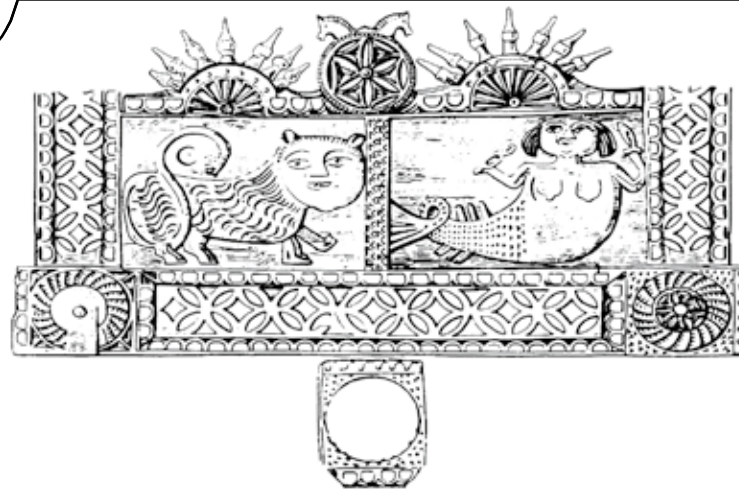
Позднепалеолитическое поселение русов-бореалов в Пушкарях на Десне. 30–26 тыс. до н. э.

Русы-бореалы /гипербореи/ являются прямыми наследниками кроманьонцев, то есть первонародом, давшим человечеству первописьменность, перво религию /ведизм/, первоцивилизацию. В VI–I тысячелетиях до н. э. русы-бореалы /гипербореи, арии, пеласги/, будучи народом-гегемоном полностью владели Евразией, Передней Азией, Средиземноморьем. Западные историки под надуманным словом «индоевропейцы» вычеркнули славяно-русов из мировой истории на несколько тысячелетий, выкрав у них первородство и всю цивилизаторскую роль, более того, они объявили, что славянорусы — самый молодой народ, неведь откуда появившийся в IV–VII вв. н. э.

**СТИХИ
О ЛЮБИМОЙ**

Любимая

Венок сонетов

83.

Любимую узнаю за пять вёрст —
она на женщин прочих не похожа:
изящней силуэт её и строже,
хоть не ярчайшая, но лучшая из звёзд.

Лишь для меня её сиянье, может,
и в это верить хочется всерьёз,
вопрос о верности всегда непрост,
однако в принципе решаем всё же.

Я верую в супружеский союз,
взаимностью и верностью горжусь,
и в этом — обоюдная заслуга.

И пусть нелёгкок обязательств груз,
и круг желаний ограничен пусть —
легка её походка и упруга.

84.

Легка её походка и упруга,
идём по жизни мы плечо в плечо,
любой крутой подъём нам нипочём,
лишь только крепче держимся за руки.

Пускай ладоням влажно, горячо,
но на вершину не взойти безруким,
высоты покоряют не от скуки —
чтоб повстречаться первыми с лучом.

Не только ведь в трудах проходит жизнь,
и если свои песни петь решит
она под настроенье на досуге,

все замирают благостно в тиши —
своим талантом всех заморозит:
нет голосистее её в округе.

85.

Нет голосистее её в округе,
недюжинный талант стихийно рос,
в сокровищницу песен он принёс
органные пленительные звуки.

Кому её послушать довелось,
готов из благодарности к услугам.
Признание — всеобщая порука
и смеха неподдельного, и слёз.

Эффектом внешним мир не завоеешь,
когда имеешь красоту земную,
нужды нет наводить дешёвый лоск.

Когда веду я под руку родную,
от гордости мужской всегда ликую:
пышнее и длиннее нету кос.

86.

Пышнее и длиннее нету кос —
любви стихия, свёрнутая туго,
способная взорваться знойной вьюгой,
зависнуть, словно ветви у берёз,

и зазвенеть высоким строем фуги...
И я, как виноградарь среди лоз,
снимающий пылающую гроздь,
готов идти по замкнутому кругу

одной любви к возлюбленной одной,
быть преданным и телом, и душой,
с готовностью служить своей подруге.

Воздастся мне сторицею святой:
она умеет жертвовать собой.
Какое счастье быть её супругом!

87.

Какое счастье быть её супругом,
уютное гнездо неспешно вить,
себя для новой жизни обновить,
вовек не знать душевного недуга.

Почувствовав волнение в крови,
подставить тело дуновенью юга,
среди запахов некошеного луга
внимать вселенской музыке любви.

Познав любовь, твердить я не устану:
обязанность влюблённых непроста —
беречь любовь свою от бед и гроз.

Чем глубже и отчаянней влюбляюсь,
тем всё упорней, искренней стараюсь
стать навсегда кумиром женских грёз.

88.

Стать навсегда кумиром женских грёз —
что может быть достойнее мужчины?!
Любовь — наивысочайшая вершина,
любимым быть — наивысший в жизни пост.

Чиновников, как тараканов, ныне
так много повсеместно развелось,
что снизился на честь мужскую спрос —
на мерзости готовы ради чина.

Я не завидую удачникам лукавым,
купающимся в роскоши и славе,
кого Всевышний надо мной вознёс,

ведь всяк из нас свой выбор делать вправе,
моё предназначенье мне по нраву —
купаться в неге на волнах волос.

89.

Купаться в неге на волнах волос
и вседозволенностью тайной упиваться,
и на качелях нежности качаться,
и трепетать, как крылья у стрекоз.

Как много в каждом звуке интонаций,
их понимает сердце, а не мозг.
И если слово от любви зажглось,
одним лишь словом можно наслаждаться.

Без нежных, страстных слов любовь нема,
от них она зависит и сама,
особенно важны они в разлуке.

От жарких слов отступит и зима,
они помогут любящим весьма
с годами всё сильнее любить друг друга.

90.

С годами всё сильнее любить друг друга,
быть трогательней, ласковей, нежней,
всё снисходительней и всё дружней —
мудрейшая, труднейшая наука.

Прожить в согласьи до последних дней,
не причинив один другому муки...
Муж и жена, как други и как слуги,
обязаны по сути быть своей.

Желаннее, красивее, нужнее,
незаменимое и всё милее
для мужа может стать тогда жена,

когда достоинств множество имея,
когда и мужу угодить умея,
и искренна, и женственна она.

91.

И искренна, и женственна она,
не в этом ли секрет очарованья
и прелести её необычайной,
стремленья выразить себя сполна.

Быть мужу в лёгкость, а не в наказание,
послушной так же, как ветрам волна,
не твёрдостью ведь женщина сильна —
податливостью мудрой изначальной.

Не сразу вдруг, а после испытаний,
в час радости большой и в час печальный
покажется натуры глубина.

Предела нету для её познания,
и в возрасте любом, и в состояньи
её любовь красот не лишена.

92.

Её любовь красот не лишена
и ритуальности, и вдохновенья,
а потому она меня мгновенно
пьянит и будоражит без вина.

И доверяясь в самом сокровенном,
стремясь любовь до глубины познать,
вдруг понимаешь: в чувствах нету дна,
предела нет идущим вверх ступеням.

Не оттого ли с каждым новым днём
мы с новой жаждой час свиданья ждём,
стремимся к наслажденью ежечасно,

хотя вдвоём семью мы создаём,
семьи очаг всегда силён огнём
глубокой женской мудрости и страсти.

93.

Глубокой женской мудрости и страсти
нельзя ни научиться, ни занять,
с таким приданым, следует признать,
встречаются любимые нечасто.

Не блещет щедростью природа-мать,
корить в несправедливости напрасно,
всё меньше княжеских натур прекрасных
ей удаётся ныне создавать.

Моя родная отстоять сумела
свой сан княгини истинной на деле
из многих сотен, может быть, одна.

Она для доли княжеской созрела:
одновременно с гармоничным телом
гармонией души наделена.

94.

Гармонией души наделена,
и потому, как солнышко, лучится,
улыбчива, румяна, круглолица,
и доброты, и нежности полна.

Моя кудесница и мастерица
прекрасна и желанна, как весна,
хоть кое-где уже и седина
в отдельных её прядях серебрится.

И пусть морщинок больше год от года,
мне кажется, что так и надо вроде,
в них — не моя и не её вина.

Морщинки прятать — не её забота,
не угодить ей эфемерной моде —
она для высшей жизни рождена.

95.

Она для высшей жизни рождена,
чтобы для многих стать живым примером,
чтоб научить любви, надежде, вере,
духовности посеять семена.

У нас в морали велики потери,
картина бездуховности грустна,
привилась прочно безыдейность к нам,
как в джинсы, влезли в чуждые манеры.

Проста наука — ближнему служить,
с ответной благодарностью ловить
в движеньях, в чувствах, в мыслях соучастье.

Тогда не будет рваться связей нить,
в союзе двух сердец лишь можно жить
для вечной неги, для любви, для счастья.

96.

Для вечной неги, для любви, для счастья
рождается, наверно, человек,
однако на его короткий век
не много ли случается напастей?

Не в том, что выпадет неожиданный снег,
беда для нас таится от ненастья,
а в том, что ждём свой рок мы безучастно
и не готовим тщательно ночлег.

Ведь никому путь к счастью не заказан,
но тот, кто выберет его, обязан
входить в жизнь, как хозяин, а не гость.

Хозяин же с хозяйкой тесно связан,
и потому я сердцем своим сразу
любимую узнаю за пять вёрст.

97.

Магистрал

Любимую узнаю за пять вёрст,
легка её походка и упруга,
нет голосистее её в округе,
пышнее и длиннее нету кос.

Какое счастье быть её супругом,
стать навсегда кумиром женских грёз,
купаться в неге на волнах волос,
с годами всё сильнее любить друг друга.

И искренна, и женственна она,
её любовь красот не лишена,
глубокой женской мудрости и страсти.

Гармонией души наделена,
она для высшей жизни рождена —
для вечной неги, для любви, для счастья.

98.

С первой, кажется, встречи ты свой выбор на мне
задержала навечно, но прошло много дней,
пока смог я понять, что достойней тебя
никого нет на свете, и что ты для меня —
не случайность — судьба.

99.

Очень много по свету я бродил
и встречал разных женщин немало,
но пять лет я один неженатым ходил,
потому что всегда
ты была где-то рядом
и светила мне взглядом,
как маяк, как звезда.

100.

Тебе было трудней и намного, чем мне,
но старалась меня
подбодрить ты, обняв:
«Мы любовь сбережём,
будет всё хорошо».

101.

Я готова идти
за тобой, лишь бы ты
не боялся людей
и любовь смог спасти
и от подлых наветов,
и от гаденьких сплетен.
Знаю я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет.

*Первый бал
(город Минусинск, музей имени Н.М. Мартьянова, 2004 год)*

102.

Мы Новый Год встречаем в январе,
а на Руси когда-то — в сентябре,
а также в марте, так что всё весьма
условно у народов.
Так пусть же каждый Завтра
будет Новым Годом!

103.

Одно мгновение — и Новый Год
приходит,
петарды, фейерверки, звон бокалов;
всех, как снежинки, крутит в хороводе,
и всех несчастий и проблем — как будто
не бывало

104.

Как говорится, дал нам бог —
и девочку, и мальчика на счастье,
и тут же их отнял в несчастьи...
Да как же он такое сделать мог!?

105.

Я о Хозяине своём забочусь,
нередко даже им горжусь,
но ежели он трудится не очень,
я на него остервенело злюсь.

106.

Скулит, повизгивает ветер за окном,
а в наших комнатах уютно и тепло,
почти полвека рядом мы вдвоём,
и снега на висках немало намело.

107.

Когда женою восторгаюсь вновь и вновь,
когда лицо её улыбкою играет,
когда глаза сияньем озаряют,
когда лучится в них сама любовь,
я у жены секрет стремлюсь узнать,
как в семьдесят иметь лишь тридцать пять.

108.

Не ждут и птицы так весну,
как жду тебя всегда в томленьи,
приди — прильну к твоим коленям
и беззаботно я засну!

109.

Пускай за окнами — жара иль вьюга,
девиз один — прекрасному служи,
ведь это счастье — в творчестве прожить,
и если рядом — нежная подруга.

110.

Хоть влюблённые верят,
что скрывают искусно
от людей свои тайны —
как на блюде их чувства.

111.

Помню я, как сейчас,
когда в первый же раз
в холостяцкий мой дом ты пришла
и с собой принесла
навсегда и мечту, и любовь.

112.

Клином — весь белый свет,
и лечу я на свет, словно бабочка, слепо.
Как знать, будет иль нет
для меня конец света.
Не боюсь я огня
и ничто в целом свете
не удержит меня.

113.

Так бывает порой человеку
тревожно,
что почти не возможно
в стенах сладить с собой,
и тогда он стремится
воскрылиться, как птица.

114.

Наше чувство любви в нашем
будущем скрыто,
с этой вечною мыслью
о любви и о жизни,
о семье, об Отчизне
не мог долго заснуть я
в тёплом доме, в селе
на пути-перепутьи
на планете-Земле

115.

Не боюсь я угроз, драк любых не страшусь,
в драках с детства я рос;
травят нас, ну и пусть,
если драчка начнётся опять,
за себя, за любовь я смогу постоять.

116.

Льды реку заковали не в единый момент,
в енисейской воде, в злой, лихой кутерьме
их крутило немало, но мороз был сильней,
и затих Енисей.

117.

Как могла ты измерить
первым взглядом меня?
Как могла ты поверить
сердцу с первого дня?
До мизерности мало
было пиши мечте,
как любовь сохраняла
ты в мирской суете?

118.

Я мечтала о счастье большом,
повстречала его на пути,
полюбила его всей душой, всей душой,
от себя никуда не уйти.

119.

Знаю, нравятся косы ему,
у меня — золотая коса.
Почему же тогда до сих пор, почему
о любви ничего не сказал?

120.

Знаю, нравятся песни ему,
нет девчат, голосистей, чем я.
Почему же тогда до сих пор, почему
безответная песня моя?

121.

Для тебя моё сердце стучит,
для тебя мои песни звенят,
только ты не молчи, только ты не молчи,
что живёшь на земле для меня!

122.

Ты посмотри, мой милый, как я нарядна, правда?
Ты посмотри, любимый, как я красива, да?
Как выступаю гордо, ведь ты меня любишь?
Как взгляд мой глубок и ясен, ведь
я тебя так люблю!

123.

Уж я ли не красива, уж я ли не умна,
глаза — как небо синее, как сосенка стройна.
Уж я ли не способна походкою завлечь,
и реченьке подобна, журчит девичья речь.
Всё к солнцу устремилось, чтоб громче прозвенеть,
уж мне ли не судилось дружка, как солнце, греть?

124.

Чтоб невеста наверно
идеал нашла свой,
надо быть ей самой,
если и не царевной,
то хотя бы княжной:
неподкупной и стойкой,
верной, нежной, достойной.

125.

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала,
любовью меня называл он,
его я судьбою звала.
Могла ли подумать я разве,

что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.
С другой он выходит из дома,
под руку с ней мимо идёт,
взгляд женщины той незнакомой
позёмкой по сердцу метёт.
Взглянул он, как солнце в ненастье,
и мимо прошёл стороной,
и жалкое, тихое "Здравствуй"
хлестнуло, как плеть, надо мной.
Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала,
любовью меня называл он,
его я судьбою звала.

126.

Мой веночек дорогой из жарков сплетён,
говорил мне милый мой, лишь в меня влюблён,
и дарил цветы-жарки он мне каждый раз,
их так много у реки расцвело сейчас.
Енисей, моя судьба, Енисеюшка,
как сниму веночек со лба да слева ушка,
в руку правую возьму веночек девичий,
кину в встречную волну, напеваючи:
«Если верен мне жених, то веночек мой верни».

127.

Мой кувшин круг привета за столом оббежал,
в каждой рюмке луч света засиял, задрожал;
я сквозь рюмку смотрел на тебя, на гостей,
в ней огонь, как в костре, разгорался сильней,
и я вдруг произнёс неожиданный тост:
«Всё плохое во мне пусть сгорит, как в огне».

128.

Говорят, не цветут на морозе цветы,
что и сны, и мечты, как туман, уплывут.

Я не верю не зря, ведь среди сентября
пышно ты расцвела, и нежна, и мила.

И ты тоже не верь, что мечты уплывут,
лишь открой ты им дверь, и они — наяву

129.

Я люблюсь ночами небом,
сколько звёзд там, а сколько чудес!
Не увидев тебя на земле бы,
я на небо давно б полез.

130.

За казённым столом при свечах
просидели с тобой до рассвета,
соскользнула бретелька с плеча,
только ты не заметила это;
и мерцал перед нами хрусталь,
и на дне его капли искрились,
увлажняли с тобой мы уста,
но всё суше они становились.
Не унять за казённым столом
сумасшедшие пьяные грёзы,
неужели с рассветом уйдём
в суету, в повседневную прозу.

131.

Много лет тебе нынче, родная,
до краёв я бокалы налью,
ещё больше тебя я желаю,
ещё больше тебя я люблю.

132.

Мне запомнился случай,
как в шахтёнке одной
самородок могучий
найден был золотой
и не в штреке — у входа
среди честного народа,
с ним замка там не знали —
в копру дверь подпирали...
Он был очень тяжёл,
и служил хорошо,
но чудак объявился,
пнул легонько ногой,
колупнул раз-другой —
самородок открылся...

133.

Мы ели ягоды, и руки торили свой привычный путь,
и было некогда взглянуть в глаза друг друга;
на стол луч солнца падал круто,
и ваза с ягодой на нём
искрилась девственным огнём, как угли будто,
и каждый пальчик твой при этом
высвечивал себя насквозь,
пылал, как винограда гроздь, при ярком свете.
Коснулись пальцы наши в вазе —
спешили к ягодке одной,
и между мною и тобой — как искра сразу.
И я почувствовал упруго
биенье сердца своего,
и тотчас силой и теплом
налились руки.

134.

Наряжу я тебя, как невесту,
и за праздничный стол усажу,
лёгкий ужин подать поспешу,
блюда все мы готовили вместе.
Перед тем, как фарфор нас согреет,
как хрусталь свою песню споёт,
проследим гладиолусов взлёт,
полнобуемся розой своею.
При свечах запоют бриллианты,
на твоей лишь руке в них краса,
сразу виден твой княжеский сан,
для меня же — богиня всегда ты.

135.

Мне тревожат душу думы разные,
помоги же сердцу моему,
почему сегодня ты не ласковый,
на меня не смотришь почему?

136.

Быть смогу тебе всегда полезно
в радостях и горестях твоих
и навек хочу с тобою вместе я
всё делить, что будет, на двоих.

137.

Пусть морщинки все на лбу расправятся,
узелок в надбровье развяжи,
подскажи, что больше тебе нравится,
я умею чувством дорожить,
хочешь сына или дочь красавицу,
будет так, лишь только ты скажи

138.

Встречаясь с Солнцем за беседой жаркой,
коньяк с ним пил я, отгоняя мух,
чуть-чуть кружилась голова от чарки,
а от жары захватывало дух.
Меня похлопав по плечу лучом,
/от излиятий жарких мне досталось —
не мог от боли шевельнуть плечом/,
в любви к Венере Солнце мне призналось,
и я не скрыл, что от любви сгораю
к одной девчонке, юной, но бедовой,
что от сомнений тяжких мне невмочь.
Сказало Солнце, сердце озаряя,
«Скрестив лучи и руки, мы готовы
друг другу всюду в всегда помочь!»

139.

Моя любимая, с каким восторгом
ловлю в слова я каждый шум в тиши,
и все те звуки, что душа исторгнет,
пойдут на светлый памятник души.
То будет песня радости и счастья,
восторженный, самозабвенный крик.
Так пусть же, пусть он возвеличит миг
любви счастливой и безумной страсти!

140.

Из всех времён в году милей мне лето,
за вольность шаловливую твою
люблю тебя я, лето, и пою,
в дар принося тебе свои сонеты.

141.

Люблю весной барахтаться в реке
и любоваться небом, рощей, ножкой,
вон промелькнуло платье вдалеке,
не разойтись на узенькой дорожке.

142.

О, здравствуй, здравствуй, первый день зимы,
сверкайте, среброкрылые снежинки,
от белизны деревья смущены,
замлели со снежинками в обнимку.

143.

Ты, только ты живёшь в мечтах моих,
ты, только ты душой моей владеешь,
тебе одной служить мой будет стих.
Ты, словно роза, над толпою рдеешь,
цвети же буйно и собой затми
весь этот скучный, суетливый мир!

144.

Вокруг всё превратилась в мир иной,
кристально чистый, свежий, как снежинки,
и всё в нём — тайна, всё вокруг — новинка,
пойдём, любимая, в него со мной!

145.

Ты слышишь, с крыш упало по слезинке,
безмерно жаль листочки на ветвях,
они во льду и грустно так звенят;
но посмотри, как кружатся снежинки
и тают быстро на твоих губах,
как сердце, что встречает милой
взгляд.

146.

Любимая, скорей дай руку мне,
мы тоже станем в хоровод снежинок,
закружимся, и не жалей ботинок,
забудемся с тобою в сладком сне.

147.

Не бойся, что устанешь в буйной пляске,
перину приготовят нам из снега,
ты не гляди, любимая, с опаской,
ведь это ложе радости и неги.

148.

Недаром снег так густо повалил
и мир весь занавескою прикрыл,
быстрее же в вихре страсти понесёмся,
а после, переглядываясь жадно,
словами, словно снежками, играясь,
из снега бабу вылепим мы, ладно?

149.

Как теперь я считаю,
жизнь свою в сорок лет
сознавать начинал я,
столько ж зрел как поэт.
Если б Лермонтов, Пушкин точно так созрели,
мы б о них никогда
ничего не узнали.

150.

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.

Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой, и сладенькой.

И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!

151.

Ах, зачем я его полюбила
и зачем его взгляды ловлю,
знаю ведь наперёд, что мой милый
никогда мне не скажет: люблю.
Почему же его я люблю?

И напрасно о нём я мечтаю,
не приходит он даже во сне,
к сожаленью, ему не нужна я,
и не думает он обо мне,
моя жизнь от его — в стороне.

Как былинка, живу неприметной,
как же трудно вечерней порой,
когда мимо тропинкой заветной
он спешит на свиданье к другой...
Как вернуть мне свой сон и покой?

Та, другая, любовью играя,
не способна быть верной ему,
и когда он об этом узнает,
то придётся страдать самому.
Почему ж к ней спешит, почему?

152.

Ах, любовь,
ах, любовь — неусыпные ноченьки,
что ни день, то сомнения вновь,
ох, любовь,
нету сил моих, нету моченьки,
всё тобой лишь одной озабочена
очень я.
На меня,
на меня — все оглядки, все шёпоты,
все подряд — и корят, и бранят,
и меня
за любовь мою травят с хохотом,
только в книгах любовь не запретная,
светлая.
Милый мой,
ты приходи, моё солнышко красное,
отогрей, приласкай, успокой,
мой родной,
на любые заботы согласна я,
лишь бы ты перед ними выстоял,
я — с тобой!

153.

Я помню зал, зелёные обои,
горели свечи среди кромешной тьмы...
Здесь в первый раз мы встретились с тобою
и здесь впервые целовались мы.

От поцелуев, сорванных украдкой,
бросало в жар, кружилась голова,
и было упоительно и сладко,
слетали с губ безумные слова...

Минули годы, мы с тобой поныне
не забываем встречи при свечах,
и стали свечи нашей святыней,
романтика не гаснет в их лучах.

Я помню зал, зелёные обои,
горели свечи среди кромешной тьмы,
здесь в первый раз мы встретились с тобою
и здесь впервые целовались мы.

154.

Проводил ты, и молча
мы расстались той ночью,
а она быть могла
для меня — и последней.
Дверь открыла. Вошла.
Раздеваюсь в передней.
Вдруг вопрос: «Где была?»
«Где? На улице». «С кем?»
«Ты же знаешь и сам»
«Что вы делали там?»
«Говорили о жизни...»
Надо мною зависли
кулаки, а затем
в ванну он уволок,
стад душить в темноте,
но до смерти не смог:
когда я, задыхаясь,
вдруг обмякла в руках,
обуял его страх,
принялся тормошить
и пытался дать пить...

Мне же не было страшно
и не жаль ничего —
жил в душе образ твой
и свидание наше.
А когда в горле спёрло
мне дыханье совсем,
холодком пронеслась
мысль, что утром уж мёртвой
буду я, и что все
с облегчением вздохнут,
кроме сына, конечно,
и тебя, может быть...

Я в комок собралась,
даже думать сумела:
«Буду жить... Буду жить...»
Смогло выскользнуть тело
из объятий смертельных...
Через пару минут
полегчало немного,
может, с помощью бога
я осилила вечность?

Если мне помог бог,
значит бог тот — Любовь.

155.

Дэсь шляхамы Вкраины
ходыць доля мая,
в нэи облик дивчыны,
а душа соловья.
Занэдужав писнямы
я про ридни край,
сумовав до нэстямы
всэ по вас, соловьи.
Сумовав по дибровам,
по вышнэвым садкам,
ще й по хвылям днiproвым,
матэрынськым рукам,
по очам тым дивочым,
що свитылы мэни
и в безмовний пивночи,
и в чужий сторони.
Я нэ знаю, як сталось,
моя мрия збулась,
уви сни не гадав я,
алэ доля знайшлась.
Я почув ридну мову,
глянув в очи твои —
загулы у диброви
соловьи, соловьи.

156.

На краю ойкумены
я тебя не искал,
образ твой сокровенный
не считал я с листка,
не списал с Рафаэля,
не привидел в толпе —
я всю жизнь к своей цели
приближался — к тебе.
Примечталось раздолье,
мне родное до слёз —
сарафаны берёз,
вихрь ромашек на поле...
И твой след на траве
среди бусинок росных...
Золотились в листве
лучей солнечных космы...
По земле босиком
ты прошла вешней ранью,
но была далеко
от меня — как в тумане...
Не примята трава,
солнце след целовало —
потерял я немало:
мне б твой след целовать!
С первым робким букетом
не к тебе я спешил,
своим первым сонетом
не тебя одарил,
свою первую нежность
не донёс до тебя,
не скажу, что — судьба,
лишь — слепая поспешность:
слишком дерзко в ночи
каблучки простучали...
Я к тебе не спешил —
повстречался с печалью.

*Борис Терещенко.
Вилина вода.
Масло, картон, 50x36 см, 1986 г.*

157.

Когда ко мне пришла впервые
ты на свиданье в поздний час,
две свечи блики огневые
бросали трепетно на нас.

И с парусами наш подсвечник
горел над нами в тишине...
С тех пор донине и навечно
святыней стал тебе и мне.

Пришлось пройти такие смерчи
и нам, и алым парусам,
что жизни, а не только свечи,
могли погаснуть в полчаса.

Но мы живём, и алый парус,
как в первый вечер в первый раз,
своей горящей свечной парой
ласкает и лелеет нас.

158.

Закатом красен день, не потому ли
я каждый день читаю текст небес,
и если небо тучи затянули,
становится порой не по себе.

Привычно мне ночное бденье,
хоть в наших комнатах — покой,
лежу часами без движенья,
а мысли кружат над тобой.

Хочу проникнуть в сон заветный,
опередить твои мечты,
ведь если счастье есть на свете,
то для меня — лишь только ты!

А если дрогнет бровь пугливо,
дыхание займётся вдруг,
я помогу тебе, друг милый,
прикосновеньем тёплых рук.

И хоть закат не пламенеет,
не улыбается тебе —
руками нежными сумею
рассвет зажечь в твоей судьбе!

159.

Любишь ты моих глаз синеву,
с южным небом сравнить их спешишь,
я же — морем твой взгляд назову,
ты в себе краски моря таишь.

Если небо нахмурится вдруг —
заволнуется море тотчас,
и застонет волна на ветру,
нет печальней тогда твоих глаз.

А когда в заметельную стынь
застучит деловито весна,
прояснится небесная синь —
и заплещет от счастья волна.

И опять мы — глаза в глаза —
наглядеться не можем с тобой...
Синевою горят небеса
над зелёно-жёлтой волной!

160.

Назад к природе — пеший переход.
Мы шли с тобой, куда глядят глаза,
а за душой — ни горя, ни забот,
а за спиной — покладистый рюкзак.
Как тискал он в объятиях своих,
дыша над ухом часто, горячо...
Ты говорила: ноша — на двоих,
и подставляла верное плечо.
Осталось сколько сопков позади?
Но где же та, единственная, где?
А сердцу — всё тесней, тесней в груди...
«Откель гребёте!?» — вдруг трубит студент.
Тьфу, леший бородатый! Напугал...
Ведь нам казалось — мы совсем одни.
И тесной вмиг становится тайга
и неспособной таинства хранить...
Возврат к природе — предков наших зов.
Осточертел нам каменный уют!
Вся жизнь — клаксонов вой, визг тормозов,
во сне и то забыться не дают!
Мой прародитель был поэт душой,
иначе б глух я рос к родным местам,
иначе б слеп я был к красе лесной,
не знал сеченья золотого тайн.
И мне открылся как особый знак
в цветеньи буйном редкостный цветок!
Не зря мы шли (я чувствовал, я знал)
в лесную чащу — Марьин корень влёл...
Горел на склоне сопки алый цвет,
как маленькое солнце, нёс тепло,
он не случайно смог здесь уцелеть —
вокруг него колосось всё и жгло...
И у подножья сопки я спешу
освободиться ото всех ремней,

припасть к траве и слушать, слушать шум,
зелёный шум родной земли моей...
А мысли все — к тебе одной спешат,
навек я верен чувству одному,
всем телом ощутив твой нежный взгляд,
навстречу потянулся я к нему...
Ты выпрямилась, встала во весь рост,
неторопливо косу расплела...
Стоишь в шатре густых своих волос,
величественна, ясна и светла.
Воссоздаёт луч солнца твой портрет:
волна волос бежит к ногам с плеча,
играет ветер прядью на бедре...
Ты — Женщина — начало всех начал,
источник счастья и причина зла,
в тебе одной — и буря, и покой!
И чтобы ты с собой ни принесла,
с любовью я склоняюсь пред тобой
и взгляд ловлю, которым ты меня
всегда зовёшь и говоришь «твоя».
Да, ты — моя! — шепчу, тебя обняв,
и поцелуи-тамги ставлю я.
Да, ты моя... Желанна, как вода,
как ключевой родник чиста.
А без тебя я счастья не видал,
в возможность счастья верить перестал.
И Марьины коренья, словно жар,
я голыми руками выгребал,
жалючек и колючек не страшась,
кусавших тело, словно сто собак...
И Марьины коренья я сложил
к твоим ногам... Их память береги!
Хотя букет цветов недолго жил,
но вечна память мне даров тайги!

161.

Окончен день. Постель. Покой.
Но стоит смежить мне глаза,
я вижу — мы в пути с тобой,
как лыжи медленно скользят
(нелёгко путь по целине!),
всё жарче кровь, всё гуще пар,
ресницы иней склеил мне...
Я — как из снежной сказки царь.
Украсил и тебя мороз:
червонным золотом — лицо,
а серебром — венец волос,
а ноги он налил — свинцом,
но ты со мною — наравне,
и также пар валит густой,
а где лопатки, на спине,
там иней, словно пух, растёт.
Крылато руки — взад, вперёд,
толчок — скольженье, вновь толчок...
Лыжня всё дальше нас ведёт,
с моим плечом — твоё плечо...
Хочу по виду я узнать,
о чём ты думаешь в пути,
наверно, только б не отстать,
не подкачать, не подвести.
Ты думаешь, что я могуч,
что я и вправду — царь тайги,
а мне из-под нависших туч
не выйти без твоей руки.
В пути мне грезился уют,
как мягко стелишь ты постель,
как руки нежные снуют
в той белоснежной чистоте,
которая укроет нас
и уведёт от груды дел,
и нам сторицею воздаст

за долгий путь, за трудный день...
Окончен день. Постель. Покой.
Но стоит смежить мне глаза,
я вижу, мы в пути с тобой,
а лыжи всё скользят, скользят...
Встают в душе картины дня
и счастье щедро дарят мне,
две наши жизни — как лыжня
в простынно-снежной целине!

162.

Сонет

Ты — как берёзка, дочь моей России,
меня всегда смущаешь новизной
и девственной своею белизной,
готов на всё, что б ты не попросила.

Умеешь быть простой ты и земной
и перевозанной в чистоте и силе,
а бездна глаз твоих, как небо, синих,
куда б ни шёл — как небо предо мной!

Извечно в небо человек стремится,
и лебедь белый в небе ему снится,
а ты со мной ведь рядом — не во сне.

Ты рядом, белолица, круглолица,
моя чудесница и мастерица,
в моей ты жизни — словно первый снег

163.

Сонет

Как самый светлый образ мироздания,
навеванный восторженной мечтой,
ты предстаёшь в сиянии предо мной,
жизнь согревая мне своим дыханьем.

Но я не узнаю себя порой,
слабеет вдруг высокое сознание
от необузданных, земных желаний,
такое же творится и с тобой.

И ты, и я тогда совсем иные,
пусть нависают тучи грозовые,
и я, и ты — как грешники в аду.

И пусть с тобой мы вовсе не святые,
взглянув при свете на черты родные,
к твоим коленям свято припаду!

164.

Сонет

Моя любимая во сне смеётся,
поёт всё звонче песни наяву,
я этим смехом, песнями живу,
но счастье в жизни нелегко даётся.

Когда я прошлое невольно призову,
толпа ханжей вдруг предо мной сомкнётся,
рекою вспененной от злобы разольётся,
и я по этой пене поплыву...

Плыву не по течению, а против,
живу не в услужении — в работе,
как талисман, храню любовь свою,

и потому жена во сне смеётся,
и потому всё звонче ей поётся,
и в счастья я внимаю соловью!

165.

Тяжёлым серопепельным кремплениом
мороз зашторил окна у меня,
не выпуская из ночного плена,
он нагло выкрал половину дня.
Я знаю, за окном, как и вчера,
туманом придавило всё живое,
но шастает весёлою гурьбою
освобождённая от школы детвора.
А солнце растопить туман не может,
а птицы замерзают на лету,
и лёгкою рысцой спешит прохожий,
скрипит снег под ногами за версту.
Твоих шагов я весь январь не слышу,
с сольфеджио ведя неравный бой,
ты даже письма нынче реже пишешь,
хоть мыслями и сердцем вся — со мной.
И весь январь, тревожась и тоскуя,
с минутой каждой всё сильнее любя,
готовлю я подарок для тебя —
гладиолусы я трепетно рисую!

166.

Не надо, друг мой, с тайною печалью
на худобу мою и бледность лицезреть;
привычка давняя работать и ночами
спать не даёт — не даст и умереть!

Я познавать смысл смерти не берусь —
постиг я жизни трудную науку:
переплавляю в образы и звуки
свою любовь и ненависть, и грусть.

Ты не страдай, родная, за меня,
весь белый свет и всех людей кляня,
когда на тесной жизненной дороге

мне иногда оттаптывают ноги,
когда побитый возвращаюсь в дом,
не плачь — я отплачу врагам потом!

167.

Между нами опять — расстояние,
серпантин подтаёжных дорог,
всё острее печаль расставанья,
и всё выше родимый порог.

Он надёжней любого щита,
это счастье даётся немногим,
но горит над порогом звезда
и уводит порой от порога.

Оттого-то в очах и не гаснут
огонёчки, что звёздам сродни,
освящая поэзией счастье,
вычитая из счастья дни.

168.

Сонет

Побед немного было, бед немало
в моей неизбалованной судьбе,
но сила и уверенность в себе
меня в любые дни не оставляла.

Когда же стал принадлежать тебе,
в любви открылся стимул небывалый,
душе неведомы сомненья и усталость,
а мыслям дан стремительный разбег.

Приходят чередой ко мне прозренья,
наитье, ясность, вдохновенье,
и я в священнодействии горю

и вновь спешу услышать твоё мнение,
в твоих глазах я вижу одобренье
и снова о любви я говорю.

169.

Жалею ли о том, что жизнь не вечна,
что думы, а не страсти, правят бал?
Нет, не жалею, ведь ещё не вечер,
ещё благоволит ко мне судьба.

И каждый день ещё ласкает солнце,
я и сквозь тучи чувствую его,
и сквозь заиндевевшее оконце
уютного жилища моего.

И хоть являюсь я Дажьбожьим внуком,
и сродность к солнцу есть в моей крови,
не в этом счастья моего порука,
она — в моей негаснущей любви.

170.

Я счастлив, потому что я люблю,
влюбляясь с каждым годом всё сильней,
тобой любясь, нежный взгляд ловлю —
твоей любовью счастлив я вдвойне!

Все тайны женские — в тебе заключены,
и ты вверяешь мне от них ключи...
И тайны у нас общие, и сны,
твоё сердечко в такт с моим стучит.

Как кузнецы, сердца наши стучат
и счастье первозданное куют...
А жизнь горит и светит, как свеча,
чтоб не оставили сердца свой труд.

171.

Ты помнишь, тебя с первой встречи,
любя, я Жар-птицей назвал,
пером я Жар-птицы, конечно,
с тех пор свою жизнь освещал.

Всегда после наших свиданий
искал паутинки волос,
и жар первых встреч наших давних
в душе сохранить довелось.

Коса твоя стала короче,
увы, и не так уж пышна,
и всё ж я тоскую не очень —
как перья Жар-птицы она!

172.

Благословляю седину,
украшившую милое лицо
пронзительнейшей нежностью своей,
люблю я лишь тебя одну.
Венчая женское чело венцом
из верных рук моих,
в потоке дней,
в тиши ночей
я восхожу
к источнику желаний и страстей,
к великим таинствам любви твоей.
Судьбой я обручён с тобой,
моя религия — любовь,
и счастье, и бессмертие — лишь в ней,
и смысл, и назначенье жизни всей!

173.

Любуясь птичьим опереньем
и птиц самозабвенным пеньем,
постигнем мы, в конце концов,
что это — хитрости самцов.
Чем ярче жениха наряд,
тем благосклонней милой взгляд,
чем звонче песни он поёт,
тем больше шансов наберёт.
У нас же — всё наоборот:
моя любимая поёт,
а я, хотя совсем не прост,
довольно сер и безголос;
и всё же, к счастью, я любим,
любовью вечною храним.
Нарушен брачный тут закон?
Нет, лишний раз лишь подтверждён!
Нашёлся песни я писать
и акварелью рисовать!

174.

Когда разлучаюсь с тобою,
одинок бродю над рекою,
косы я у берёз расплетаю,
так разлуку с тобой коротаю.

Размечтаюсь о радостной встрече
и несусь к тебе в мыслях навстречу;
опрокинется облачко в речку —
и занует от счастья сердечко.

Пусть шатром твои волосы будут,
время пусть твоих ласк не остудит,
тихо в трепетных листьях берёзы
отзываются страстные грёзы.

175.

Себя я помню в белокипельном наряде
со школьным знаменем на праздничном параде.

Но белый цвет и красный цвет, увы,
сменились серым в сутолоке дней;
всё ж к серому я так и не привык,
мне белый с красным — ближе и родней.

И ты явилась со своей любовью,
и стал я знаменосцем снова;
и снова белый цвет и красный цвет —
со мной, как символ и залог побед,
как оберег и как залог любви,
я с ними жизнь в основе обновил.

176.

Цвета морской волны —
твои глаза,
о мере их глубины
судить нельзя.
Как звёзды они горят,
к себе влекут,
и я отправиться рад
в свой звёздный путь.
Стремиться вглубь и ввысь — судьба моя;
глаза в глаза всю жизнь —
с тобою я.

177.

В далеке от любимой
я досуг коротаю,
как, разлукой томимый,
с грустью сладить, я знаю.
У торговцев тбилисских
поспешу заказать я
тканей видных заморских
для любимой на платье,
под цвет глаз моей милой
возьму бархат зелёный,
чтоб на счастье носила,
чтоб быть вечно влюблённой;
а ещё по заказу
перстенёк с изумрудом
с бриллиантовой вязью
ей на пальчик добуду;
для волос её дивных,
до колен достающих,
украшений старинных
подберу самых лучших;
а для маленьких ножек —
туфли, словно игрушки;
пару ярких серёжек —
в её нежные ушки.
Наряжу мою милую,
пусть посмотрят другие,
чем она не красивая,
чем она не княгиня!

178.

В твоей нежности, в твоей верности
я нуждаюсь больше всего;
в первоснежности, в бесконечности —
настоящей любви естество.

Не расписаны наперёд судьбой
круги жизненных наших орбит,
каждый день с тобой, каждый год с тобой
раздвигает границы любви.
Жизнь — лишь в данном мгновении длится,
её смысл — лишь в сегодняшнем дне,
день сегодняшний не повторится,
и его ничего нет ценней,

потому, что он — счастья частица,
и лишь в нём пребывает любовь,
только в нём может вечность родиться,
нашу жизнь увести за собой.

И лишь только окна зашторятся,
неподвластны и времени мы,
в неге наши сердца успокоятся;
нам светло среди тьмы и тепло средь зимы.

179.

Юность-непоседа многого не знает,
молодость не ценит уходящий миг,
многое имея, многое теряет;
служит жизнь тому, кто зрелости достиг.
Осень золотая, сытость и отрада,
неторопкий пир, общение без слов;
осень нам готовит счастье и усладу,
если сохранились дружба и любовь.
Нашей жизни осень наш союз венчает
несказанной райской благодатью любви;
эту пору жизни я назвал бы раем,
если бы Господь изгнать не норовил.

180.

Я в твой золотой день рожденья,
как, впрочем, в любой день в году,
хочу отвести непременно
от нас и болезнь, и беду.

Всегда — в единении с тобою
в намоленном храме любви,
а время годов чередою
оставить свой след норовит.

Идём в направлении в вечность,
где только любовь и покой,
вне чувств — минут скоротечность,
вне чувств — затаённость веков.

Пускай в сентябре — день рожденья,
пусть песнь свою осень поёт,
в сердцах наших дух обновленья
любовью извечной живёт.

181.

Почтенные мудрейшие индусы
в древнейших храмах испокон веков
науку за наукой познавали,
сил не жалея, не щадя себя.
За много сотен лет до наших дней
свод начертали они твёрдых правил
одной из самых сладостных наук,
которую назвали Кама-сутра.
Я с юных лет сжигаем жаждой был
познания в науках и делах;
из всех познаний я в конце концов
дал предпочтение науке о любви,
в чём преуспел, я думаю, немало,
ведь всё, что оценённым быть должно,
в сравнении находит свою силу,
так я себе позволю Кама-сутру
сравнить с моим ученьем о любви.
Индусы предпочтенье отдавали
любовной технике, приёмам в ласках,
я — в суть любви проникнуть постарался
и дать определение любви.
В лирических сказаньях и талмудах
всегда подразумевались под любовью
любые связи женщины с мужчиной,
а равно и готовность к этим связям...
Сгорающий в желании юнец
и Дон-Жуан, и похотливый старец —
все, все твердят одно и то же слово,
но могут ли сравниться чувства их!?
А может быть, любовь — бесплотный призрак?
Так почему тогда во все века
на всех наречиях,
у всех народов
не сходит с уст родное это слово?
Любовь — вполне конкретное понятие,

она подобна электрической дуге
меж электродами
при их сближеньи.
Любовь возможна в жизни, но лишь там,
где есть взаимность, верность и готовность
друг друга усладить, пожертвовав собой.
Без этих признаков все чувства — не любовь!

182.

Мой Храм любви воздвигнут на вершине Дружбы,
туманы не поднимутся к нему,
и не страшны ему порывы ветра
и даже грозные облака.
Он — видный отовсюду —
стоять будет века —
Восьмое чудо света.

183.

Навсегда я запомню, как почти в сорок лет
вдруг пришёл мне на помощь
наш родной женсовет.
Сколько выслушал я, посчитать бы,
сердец,
сколько сделал добра, сколько спас
я людей...
Жил, как знал, не таясь, и вот вдруг,
не спросясь, кто-то должен решать
скопом сходу за нас, какой делать
нам шаг.
Матюгованы, биты, бабы с жалкой судьбой
стали вдруг деловито рыться в жизни чужой,
словно свиньи в корыте...
С иступленьем кликуш поносили меня,
с губ слетала слюна, лезла всякая чушь,
отбиваю, мол, жён у рабочего класса,
в огород, мол, чужой я залез — и попался,

жаль, что с пёсьей любовью невредимым остался.
Если б не в поссовете всё было — в лесу
или на пустыре, иль у речки,
женский кончился б суд не словами, конечно,
нас сожгли б, утопили, забросали б камнями...
Это есть, это было, это будет веками.
Если б только дать власть женсоветам убогим,
вновь бы вспыхнула страсть инквизиторских оргий.

184.

Пролегает путь-дорога
вдоль России у меня,
словно струны у гитары,
провода над ней звенят.
Вместе с песней и гитарой
мне в дороге веселей,
вторит нам оркестр берёзок
струнами своих ветвей.
Преодо мною вдруг преграда —
речка путь пересекала,
у воды сидит дивчина,
свои косы расплела.
Косы девичьи — загадка:
то ли пенная волна,
то ли струны у гитары,
то ль мелодия сама.
Неприветлива дивчина,
как холодная вода,
мне, признаться, горя мало,
пусть красавица горда.
И пускай передо мною
речка бурная течёт,
вместе с песней и гитарой
все преграды — нипочём!

185.

— Я завтра отвечу, —
сказала она, покраснев,
на миг опустились у ней
головка и плечи.
Слова повторяя в бреду,
бесцельно куда-то иду,
мне ветер навстречу.
— Дай, ветер, скорее ответ,
она меня любит иль нет?
— Я завтра отвечу.
Настал уже вечер,
на небе весеннем — луна.
— Не любит, — скажи, а она:
— Я завтра отвечу.

186.

Не каждому дано судить о счастье,
не каждому дано его познать,
встречается оно, увы, нечасто,
так что же надо, чтоб счастливым стать?
Во-первых, вырасти вполне здоровым,
а во-вторых, любить и быть любимым,
а в-третьих, на работе быть толковым,
чтоб в коллективе быть ценным,
ведь есть свои у счастья этажи,
без них до счастья можно не дожить.

187.

Любовь одна способна жизнь украсить
и к вечности влюблённых приобщить,
перед ней бессильны время и ненастье,
ведь счастье — быть любимым и любить!

188.

Спит не спит хуторок опечаленный,
там, где песни звучали — молчание,
а где милый мой лихо отплясывал,
там хохлатка гуляет опасливо.

К пяточку, где сходились мы парами
со своими нескладными парнями,
новых тропок с тех пор не проторено,
резлетелись все в разные стороны.

Только мы с хуторком неразлучные.
Хоть я знаю, места и получше есть —
но хохлатка гуляет здесь весело,
да малыш напевает мне песенки.

189.

Шёл по улице Новый год,
встретил девицу у ворот.
Соскользнула шаль с чёрных кос,
очи карие полны слёз.
— Почему ты здесь и одна,
грусть в глазах твоих?
А она
зарыдала вдруг и на грудь
его пала вдруг: «Добрым будь».

190.

Ноктюрн Шопена отзвучит в тиши,
и комната живёт на полузвучах,
священнодействуют недрёмно руки,
они — язык восторженной души.
Он каждому понятен и без слов,
и с ним приходят из далёких снов
на холст, на дерево миры иные —
и слышен шёпот листьев, шум лесов
и шорох облаков, и ветра зов,
и слышатся раскаты громовые!

191.

Неусыхающая, вечная криница,
ты полная всегда — не перепьёшь.
Но жажде никогда не утолиться...
Так где ж спасенье? Сразу не поймёшь.

192.

Отослал в Женсовет на открытке красивой
свой сердечный привет — всего несколько строк:
"Женсовету спасибо, что жениться помог!"
Только эта открытка стала больно уж приткой,
промелькнув в поссовете, а потом в райсовете,
полетела в райком, а оттуда тайком
ещё дальше и выше...
О себе вскоре слышу, мол, над властью советской
издевается он. Этим доводом веским
был под корень сражён.
Враз не стало друзей, будто их подменили,
сразу стал я обузой в Литиздате, в Союзе,
и в редакциях всех меня сразу забыли,
без улыбки встречали, вроде вовсе не знали,
перед носом моим
дверь закрылась сим-сим.

193.

Шёл к тебе очень долго и трудно,
просто в мыслях моих червь сомненья подспудно
не давал мне покоя,
мне казалось порою, что не создана ты
для духовного взлёта, не способна к крутым
на пути поворотам, что не сможешь уйти
от житейских расчётов.
Мне казалось, что сам не смогу возродиться,
одно дело — влюбиться, измеряя в часах

встречи, ласки, беседы, разойдясь напоследок,
а другое — к упряжке быть пристёгнутым в паре,
когда мысли и тело, когда слово и дело
пред тобой — нараспашку.
Не остынет ли жар, не померкнут ли чары?

194.

И классик, и пророк, и гений —
возможны ли в лице одном?
Вполне возможны, нет сомнений,
я в зеркале надёжно убеждаюсь в том.

195.

Слава — ложь и туман, слава — самообман.
Обитает она не во мне, не в тебе,
а в безликой толпе, хоть и выдана нам,
вроде б наша она, да живёт не у нас,
и мы ей — не указ.
Ну и чёрт с ней, и пусть,
без неё обойдусь.

196.

Думал, счастье возможно в самом творчестве лишь,
холостяцкие годы между пальцев текли,
как песок из ладони, и не жалко их вроде,
только где ж оно, счастье, без семьи и без дома?

197.

Аполлона и Марса
от себя не гони,
при любви ежедневно
пусть дежурят они.

198.

Не заглядывай в очи, они лживы всегда,
и на складки у рта ты надейся не очень,
лишь ладонь лгать не может,
зорко к ней присмотришься,
коль с твоей будет схожа,
за неё и держись.

199.

Успокойся, родной,
я навеки – с тобой,
и любимое слово
для меня вспомни снова,
не страдать тебе впредь,
для тебя я готова
хоть на жизнь, хоть на смерть!
Меня в завтра веди,
всё ещё – повторится,
всё ещё – впереди,
прошлое не приснится...
Если сына родного
заиметь ты не прочь
иль красавицу-дочь,
лишь скажи ты мне слово...

200.

Не беда, что мы поздно
повстречались с тобой,
допустить невозможно,
какой было б бедой,
если б встретиться после
не пришлось бы нам вовсе,
ведь не хлебом единым
человек должен жить,
ему надо любить,
а ещё быть любимым.

201.

Как всё в сущности просто,
когда смотришь назад,
не туманит глаза
добротой или злостью,
не тиранят, как бури,
страх и ревность в любви,
и нет всплесков в крови
ни от дум, ни от дури.

202.

Человека портрет —
не в лице и не в стати,
и не в модном наряде;
он красив или нет,
не узнаешь при взгляде,
но лишь только в труде,
ещё больше в бореньи,
ещё больше — в беде.

203.

По понятиям чести,
кто кого выбирает:
жениха ли невеста,
иль невесту жених,
кому больше из них
в том любовь доверяет?
Идеальный пример,
хоть и взятый из сказки,
когда ломятся в дверь
претенденты — к царевне,
гнев смиряя и ревность,
уповая на ласку,
на любовь и на счастье
(заодно на полцарства!)

204.

Тени ль гениев пали,
прочертив резко путь,
мы идём их стопами,
не пытаюсь свернуть...
Вот свою Натали
кто-то вновь ублажает,
та ж на бал вновь пылит,
на балу и рожает.
Кто-то вновь Натали
всё пышной наряжает,
а её то и дело
кобели окружают.
И вот лавой вскипает
в сердце буйная кровь —
выгорает любовь,
стынет брэнное тело...
Снова кто-то Марию,
(богом данные крылья!)
ради денег, чинов
от себя отрывает
и в огонь их бросает
(сквозь толпу лезть мешают!)
Без любовных оков
свою цель достигает
для себя, наконец,
пышный строит дворец...

205.

Зародилась причина
для моих беспокойств
деликатнейших свойств;
и однажды открылась,
вдруг сказав нарочито
безразличнейшим тоном:
«Знаешь, я ведь мордва»,

и поникла смущённо,
моё сердце застыло,
я дышала едва...
Вот сейчас резко встанешь
и презрительно взглянешь
на меня, как на грош,
и на веки уйдёшь...

Ты ж меня – отругал,
мол, зазорно стыдиться
нам своих матерей,
ими надо гордиться...

И моя вдруг рука
оказалась в твоей.
И поведал ты мне,
что, наверное, редко
встретить можно в стране
такой древности предков,
как у мокши-мордвы,
стойких и боевых...

На безбрежных просторах
меж Уралом и морем
жило племя лихое,
но, увы! – не мужское,
там воительниц стаи
проносились, как птицы,
после боя устало

плели косы девицы...
Эти женщины были
амазонки-мордва,
и по свету ходила
о них слава-молва...

И опять ты счастливой
сразу сделал меня,
будто, взяв рукой сильной,
подсадил на коня.

Мчись быстрее, конь шальной,
я теперь – в твоей воле!

И ковыльное поле
пусть гудит подо мной!

Пусть со свистом в ушах
улюлюкает ветер,
и слеза на глазах
пусть слепит знойным спектром –
безоглядно любя,
я домчусь до тебя!

206.

Мне порой страшно станет,
когда вдруг представлю,
что тогда иль потом
не пришла б к тебе в дом,
что могла свою жизнь
в суете я прожить
без высокого чувства,
вне красот, вне искусства,
не горя, не любя,
без познания тебя...

207.

В саду срезав последнюю розу,
я принёс в дом отогреть,
ведь в Сибири уже в сентябре
ночью могут ударить морозы.

От заботы моей и вниманья,
с моей лёгкой и доброй руки
вновь расправит она лепестки –
отодвинется день увяданья.

Своей розой любуясь с улыбкой,
я пойму, не отцвёл ещё сад,
и, быть может, воспряну и сам,
всё ведь в жизни условно и зыбко.

208.

Вёснами шальными,
душными ночами
«Выбери подругу!» —
юность мне кричала.
«Выбери подругу,
уведи под руку,
юную, шальную,
судьбинушку хмельную!».
Осенью холодной
в слякоть, дождь и серость
«Выбери подругу», —
мне шептала зрелость.
«Выбери подругу
из равного круга,
ласковую, верную,
мастерицу первую».
Но пройдёт и осень,
и тогда мы спросим:

«Где была ты, мудрость,
почему молчала,
как кричала юность,
зрелость как шептала...»

209.

От первого свиданья со свечами
наш свечный ритуал прижился навсегда,
с любовным тостом всякий раз звучало:
«Мы будем жить, бороться, побеждать!».

210.

С годами красота увянет,
талант не вянет никогда,
краса со временем обманет,
талант украсит жизнь всегда.

211.

Потерянный рай, потерянный рай...
Полнее, мой друг, бокал наливай,
на дне ли бокала, в глазах ли твоих
отыщем свой рай, один на двоих.
Мы с детства о рае слышали немало,
мы грезили раем не только во сне,
взрослея из гнёзд мы родных улетали
вослед за мечтами о райском житье.
Но жизнь не щадила нас, может, по праву,
остались ни с чем мы совсем невзначай,
ушли в никуда и мечты, и забавы,
осталась тоска да потерянный рай.
Потерянный рай, потерянный рай,
полнее, мой друг, бокал наливай,
на дне ли бокала, в глазах ли твоих
отыщем свой рай, один на двоих.
Развеется грусть, уймётся тоска,
с души тяжкий груз твоя снимет рука,
как в детстве, опять мы сможем мечтать,

потерянный рай обретём невзначай.
Потерянный рай, потерянный рай,
полнее, мой друг, бокал наливай,
на дне ли бокала, в глазах ли твоих
отыщем свой рай, один на двоих.

212.

Прости, что сдружился я с ветром,
прости, что я вечно в пути,
прости, что живу звёздным светом...
За это за всё ты прости.

Я слышу, опять позывные
тревожно мне шлют журавли,
я вижу, как шлейфы шальные
оставили вновь корабли.

Прости, что всегда неустанно
глазами я небо сверлю,
прости, но другим я не стану,
тебя, как умею, люблю.

И ты огорчайся не очень
насчёт моих ветреных грёз,
люблю твои синие очи
и волны душистых волос,

люблю также синее море
и синее небо над ним,
и синие дали, и горы,
и синие ночи, и дни.

Навечно сдружился я с ветром,
быть вечно в дороге мне с ним.
Прости, но и нынче с рассветом
уйду я в туманную синь.

213.

Хотя ещё кругом снега,
хотя ещё река под льдом,
и не покрылись берега
зелёным бархатным ковром,
хотя ручьи и не журчат,
и солнце не играет в них,
хотя, поля ещё молчат,
и лес стоит угрюм и тих,
но ветер мне уже принёс
дыханье свежее весны;
оно – в дыхании твоём,
в твоих речах, в твоих глазах,
в улыбке на твоих губах,
в моих восторженных мечтах.

214.

Благоуханье ночи разливалось,
поля, деревья, рощи в нём купались,
и свежий с речки веял ветерок,
рассвет уже был недалёк.
Я руки твои, как счастье, держал,
признанья сердечного ждал.

«Люблю», – ты тихо сказала,
«люблю», слышалось? Нет!
«Люблю», а зорька пылала,
«люблю», наступал рассвет!

215.

По мичуринской моде
поначалу я жил,
«переделать природу»
я спешил в меру сил.
Блажь на сердце нашла
или спала завеса —
сказка вдруг ожила
о невесте-принцессе.
Лишь к одной к ней на свете
прикипели мечты.
Я дарил ей сонеты,
я таскал ей цветы...
Ну и что ж, что невеста
«не ходила в княжнах» —
ей понятие чести
объясню на словах.
Ну и пусть, не лежала
её к книжкам душа —
я духовность, пожалуй,
ей привью не спеша.
Ну, а если разлюбит
и предаст за спиной —
пусть пошепчутся люди,
зло смеясь надо мной.
Значит, пылкой любовью
привязать не сумел,
значит, сам и виновен:
сам свой выбрал удел...

216.

Хоть при встрече с тобою
сух по-менторски был,
но нечестной игрою
я любовь не убил
и любовную тайну
разделил на двоих,
и под взглядом твоим
постепенно оттаял.
И свобода моя
опротивела сразу,

вольным быть без тебя
не хотел я ни часа.
Свою торбу-суму,
что «свободою» звал я,
зафитилил во тьму
я бывшего бесславья
и ладонь твою взял,
и сравнил со своею,
улыбнувшись, сказал:
«Будь навеки моею».

217.

Только начал трудиться
в райбольнице у нас,
как все стали стремиться
на приём твой попасть...
Сшила юбку поуже,
«марафет» навела,
проколола я уши
и в серёжках пришла
я к тебе на приём
(изнывало сердечко!)
Ты серьёзно, конечно,
слушал сердце моё...
Мне же было так стыдно
от своей полноты,
и меня понял ты
и сумел не обидеть.

Под глухой сердца стук
я услышала вдруг:
«Ты красива и очень».
А потом между прочим
объяснил, как худеть.
И готова в тот день
я была свернуть горы,
от болезней, от горя
защитить всех людей!
Кровь дала для больного,
через день – дала снова...
Правду, нет ли сказал,
я твердила – спасибо!
Ведь никто так не звал...
Да уж где там – «красивой» –
«симпатичной» – и то
не звал в жизни никто!

218.

Разных книг о любви
понаписано много,
не имеют иного
окончания, кроме
смерти или женитьбы,
трафарет всем знакомый,
но ни смерть, ни женитьба
не венчают Любовь:
смерть берёт всё с собой,
а женитьба — начало
лишь её или конец.
Сколько в жизни сердец
лишь женитьбой разбито?!

219.

Твой подъезд. Всё в порядке.
Поднялась на площадку.
Твоя дверь. Я одна.
Вдруг открылась она —
лишь успела вбежать я,
очутилась в объятьях!
Ласки щедрой твоей
никогда не забыть мне.
Всё, что было — открывем
было в жизни моей...
Так затмил всё бывшее
лишь один день с тобою!
Я не помню уже,
что пила и что ела,
помню праздник в душе,
помню, свечи горели
(ты заветный подсвечник
«Алый парус» — купил
специально для встречи).

*Борис Терещенко.
Сибирячка.
Масло, ДВП, 58x43 см, 1995 г.*

Помню речи в тиши
и тепло, и уют,
и стихи в честь мою
(если это был пир,
то лишь пир — для души).
До последнего дня
буду помнить мгновенье,
что пронзило меня
неземным откровеньем...

220.

Я ж не сразу, не вдруг
среди ярких подруг
смог, тебя разгадав,
полюбить навсегда.
Ты была вся — внутри,
как сосуд с узким горлом,
знаки тайные стёрлись,
не прочтёшь — не смотри,
был тобой сохранён
клад, почти позабытый,
я узнал лишь о нём,
тем и стал знаменитым!

221.

С детства мать мне являла
светлый мир красоты
и была идеалом
моей чистой мечты.
Я сверялся по ней
о достоинствах женских,
когда чувства во мне
поднимались до всплеска.

222.

В моём сердце, я помню,
песня с детства жила,
уводила из дома
в звонкий мир неуёмный
далеко от села;
превратившись в «артистку»,
начинала я петь,
вся планетная твердь
моей сценой была;
пела я голосисто,
овцы, гуси, жучёчки,
лопушки и жарочки,
солнышко в вышине —
все внимали лишь мне!

В школе — я запевала
в хоре сто человек!
Был успех и немалый,
и тогда в голове
мысль, как гвоздик, засела:
«Мне б на радио спеть»,
но навек захотеть
стать артисткой не смела.

Только всё же сбывлась
та мечта и на деле —
твои песни не раз
я на радио пела...

223.

Хоть облаяны, биты,
пьем за радость побед
освящённый напиток
(как святили — секрет!)

Ведь дано нам немало:
свечка-феникс горит,
шампанское в бокалах
шоколад шевелит.
Наконец, наступил
день, борьбой опалённый,
и вот брак наш законный
ЗАГС печатью скрепил.
Разве это не чудо,
что я — твой, ты — моя?!
Этот день ты и я
никогда не забудем,
как и первую встречу
долгих пять лет назад,
Алые паруса будут с нами — навечно!
Разве это не чудо —
принять битву в пути,
устоять, победить,
преподав урок людям?!
Это — чудо, родная!
Я — как юноша вновь!
Возрождает, сжигая,
птица Феникс — Любовь!
Пусть не в двадцать, а в сорок,
но с неменьшим задором
я способен любить,
любви нашей служить.
Служить буду — на совесть
и тебе лишь одной
телом, сердцем, душой —
всем, на что я способен!
Стихи, песни, цветы —
любви нашей созвездье.
Родились под ним вместе:
я и песня, и ты!

224.

Я жила, не любя,
но и горя не знала,
вдруг «среди шумного бала»
повстречала тебя.
Ты мою руку взял
и сравнил со своею,
«Будь навеки моею», —
улыбнувшись, сказал.
Не смущай сердце мне
и меня зря не мучай...
Разве женщины лучше
и достойнее нет?

225.

Как трава, я была,
неухоженной, дикой.
Под дождём — я росла,
под подошвами — никла...
Да, мы бабы — трава,
мы растём — где придётся,
поднимаем едва
наши головы к солнцу.
Никнем, жмёмся к земле,
порой сами не зная,
что собой представляем,
что нам в жизни милей.

226.

Сколько женщин на свете
некрасивых, увы!
Кто былинку приметит
среди жухлой травы?
Я травинки значенье
осознала в себе
и смогла направленье
в своей выбрать судьбе...

227.

В детстве, помню, стою
босиком у калитки,
чешу ножку свою,
всю в царапинках, в цыпках.
А по улице с мамой
дочка гордо идёт,
в белоснежной панаме,
словно лодка плывёт.
В белых туфлях, носочках,
и сама вся бела.
Эта мамина дочка —
как с экрана сошла!
Эта девочка в белом
мимо шла, как во сне.
Стать такой же и мне
хоть на миг захотелось...
Вдруг захлопали ставни,
вокруг стало темно —
и гроза захлестала!
И померкло кино!
И в восторге великом
(где и смелость взялась?)
я с отчаянным гиком
мимо них пронеслась!

228.

Помню, поле пшеницы
от села до села,
через поле, как птица,
я летела — не шла.
А колосья вставали
всё тесней на пути,
а колосья смыкались
над дорогой почти...

А давно ль колоски
лишь травинками были,
припорошены пылью,
вяли, сохли с тоски.
А теперь в позолоте
они гордо стоят,
вышли, как на парад,
и шумят беззаботно.
И вибрирует гул
над пшеницей, как в море,
и, как в море, бегут
волны в хлебном просторе.
Средь колосьев пшеницы
я виднелась едва,
а вверху — синева,
в синеве где-то — птица...
Но не зря говорится:
хлеб — всему голова!
Цвета колоса — ноги,
и упруги, резвы!
Колоском над дорогой
мне звенеть среди травы!
Зазвенело всё вдруг
от земли и до неба,
то ль во мне, то ль вокруг,
то ли — быть, то ли — небыль,
то ль кузнечик стрекочет,
то ль колосья звенят,
то ли вырваться хочет
песнь с груди у меня...

229.

Моё детство и юность
протекали на юге.
Обещал Южный Буг
мне незлую судьбу,
как великая милость,
его воды струились
без крутых поворотов
в полусне беззаботно.

В тёплой той стороне
не нашлось места мне —
тесноват уже мир.
Не весь свет, что в оконце!
Искать место под солнцем
я уехал в Сибирь.
Будто шкура медвежья,
распласталась она
по морским побережьям,
от светла до темна.

Я бродил за Байкалом
много зим, много лет,
во мне мало-помалу
пробуждался поэт.
В седых древних пределах
жизнь до дна познавал,
и моя голова
постепенно седела...
Семьи гордиев узел
мне пришлось разрубить,
и о горе забыв,
я решил служить музам.
На седом Енисее
вдруг я встретил тебя,
и твоя тут судьба

слилась вместе с моею,
как слилась Ангара
с Енисеем могучим,
значит, мчалась не зря
по порогам падучим
и не ради забавы
дом оставила свой —
им по силе и нраву
равных нет никого!

230.

Успокойся, родная, усни,
я тебя убаюкаю лаской,
можешь краешком ушка одним
слушать тихо волшебную сказку.
В необъятной, чудесной стране
жил народ, работающий и смелый,
наделила природа вдвойне
его женщин, красивых, умелых.
И родилось весною дитя,
да такой красоты небывалой,
что задумались все, не шутя,
поразмыслив, Любовью назвали.
Пусть, как цвет самый яркий, цветёт,
пусть, как плод самый сочный, нальётся,
грёз девичьих несмелый полёт
эхом в сердце пускай отзовется.
В этом хоре восторгов, хвалы
воплъ пронзительный чей-то излился,
над притихшей толпою поплыл
и в сердцах всех людей растворился.
Ядовитый, он начал с тех пор
вытравлять в людях радость и счастье,
не уйти никуда от напасти,
тесен стал необъятный простор.
И от страха народ задрожал,

понял он: воцарилась колдунья
по прозванию чужому «ханжа»,
ясен стал теперь крик тот вешуньин.
А колдунья, как вихрь, по стране
с чёрной свитой своею носилась,
всё прекрасное, встретившись с ней,
безобразным, дурным становилось.
И Любовь стала чахнуть, бледнеть,
разве место ей в ханжеском царстве?
Сколько было ночей, сколько дней —
всё ушло под эгиду коварства.
Кто пойдёт до конца за Любовью,
кто вернёт ей былую красу?
За пролитую ею слезу
пусть заплатят обидчики кровью!
На лице твоём милом — волнение,
не тревожься, родная, не смей,
что касается сказки моей,
в ней счастливый конец, без сомненья

231.

Из всех «звёздных» мгновений,
что я в жизни имел,
что держу я в уме,
самым ярким, наверно,
был мой школьный триумф,
когда стал знаменосцем.
И не до, и не после
не могло уж ничто
взбудоражить так ум,
воскрылить мои чувства...
Сходным было потом
по накалу и буйству
сил душевных и мыслей,

когда чуть не загрызли
на судах крючкотворы,
но от бешеной своры
я сумел отлягаться,
невредимым остаться...

232.

С той поры, как письмо
я твоё получила,
приходить уже было
всё труднее домой:
как могла отказать
мужу в ласках постылых?
Всё тесней становилась
наша спальня, кровать...
Ко всему — приходилось
судьбу сына решать.
Ведь сама я росла,
как трава, при дороге,
в безотцовщине много
сама горя снесла.
Разве может отца
вдруг у сына отнять
настоящая мать?
Разве может она
своевольно насильно
у отца отнять сына,
тёплого ото сна
оторвать от подушки,
от весёлых игрушек,
от родного крыльца,
увести за собой
в дом далёкий чужой?

233.

Из-за этой проклятой
пресловутой любви
впору только завывать:
ведь кругом — виновата.
Виновата — что я,
не любя, замуж вышла,
потому что судила
о любви понаслышке,
виновата — и тем,
что мой муж не влиял
на меня так, как милый,
виновата совсем,
что когда мне — за тридцать,
когда есть уж семья,
я посмела влюбиться...

234.

Жить во имя Любви —
наше предназначенье,
вне Любви, кто б ты ни был,
чистой, мудрой, счастливой
жизнь свою не зови.

235.

Судьбой я обручён с тобой,
моя религия — любовь,
и счастье, и бессмертие — лишь в ней
и смысл, и назначенье жизни всей.

Борис Терещенко.

Гладиолусы.

Акварель, бумага, 42x58 см, 1980 г.

ЛЮБОВЬ

ЛИБИДО —
ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ

ЛЮБОВЬ

Венок сонетов

236.

Любовь одна забвенью неподвластна,
любовь одна не ведает границ;
нисходит робко с трепетных страниц
она впервые к нам мечтой прекрасной

и полыхает тысячью зарниц,
врываясь в явь и в грёзы громогласно...
Себя считая к таинству причастным,
перед ней в пятнадцать лет упал я ниц.

И было всё: и сладость увлечений,
восторг побед и горечь поражений...
Но сколько б счастья в жизни не искал,

я счастлив уже тем, что в день весенний
любовь свела нас с музой песнопений,
и трепетна всегда её рука

237.

И трепетна всегда её рука,
и вся она в объятьях трепетала,
но я с любви не сдёрнул покрывала,
ведь первая любовь всегда робка.

Другая вдруг мой путь перебежала,
с ней закружился, захмелел слегка.
Она ж на всё смотрела свысока
и не любила, а в любовь играла...

Среди ханжей, среди пошлости, разврата
любовь пою, любви сам не утратив,
хоть и была судьба её горька.

В любовь я верю — этим и богатый!
Любовь была и есть, и будет свята
у всех народов и во все века.

238.

У всех народов и во все века
отважные ромео и джюльетты
любовь проносят, словно эстафету,
и нет преград влюблённым голубкам!

И вдохновенно, и умно воспета
любовь давно на разных языках.
О ней звенит торжественно бокал,
о ней трубят закаты и рассветы.

Любовь однажды встретив, человек
её лелеет, не смыкая век,
и днём, и ночью свет любви не гаснет;

и не убьёт её наш пошлый век!
Растает от любви он, словно снег —
вовек не прерывался шёпот страстный.

239.

Вовек не прерывался шёпот страстный.
Звучал он и на выжженной земле
и клокотал в верёвочной петле,
в воде, в огне, в смоле — и не напрасно!

И если жизнь становится светлей,
и если в жизнь цветы вплетают рясо,
то всё лишь потому, что в день ненастный
любовь не уступила серой мгле!

А мысли — бесконечной вереницей
мелькают, словно спицы в колеснице:
«Но вопль ханжей ведь тоже не смолкал!».

И мне ночами тёмными не спится —
нет, не могу и не хочу мириться:
бушует злобно ханжества река.

240.

Бушует злобно ханжества река
не потому, что лёд растаял где-то,
что вдруг прибавилось тепла и света,
что ветер тёплый землю обласкал —

а потому, что бедная планета
исходит кровью медленно в тисках,
что тонны слёз роняют облака,
что голос разума лишён ответа.

Там нет любви, где ханжество царит,
где деньги властвуют, где правда спит,
где учреждён над всем надзор негласный.

Ложь наводнила мир, всю шумит,
как водопад, ревёт, гремит, бурлит,
всё топит повсеместно ежечасно.

152

241.

Всё топит повсеместно ежечасно
поток всесветный ханжества и лжи,
так пусть сторицею оплатит жизнь —
играть в любовь, шутить с огнём — опасно!

Любви всегда я ревностно служил,
хоть и была она хозяйкой властной,
хоть гнёт её порой бывал ужасным —
нечасто приходилось мне тужить.

Я верил, ждёт награда впереди,
и жил с надеждой светлою в груди,
и в мир я шёл беспечным, звонким, ясным,

но мир ханжей мне душу бередил,
и с горечью я к мысли приходил:
призывы к дружбе и к любви напрасны

242.

Призывы к дружбе и к любви напрасны,
убогость чувств словами не прикрыть,
любви без права выбора — не быть,
любое чувство под ярмом несчастно.

Сумеем ли до той поры дожить,
чтоб каждый был способен без боязни
и действовать, не подвергаясь казни,
бороться, ненавидеть и любить!

Чтоб пресса не играла роли пресса,
чтоб применялась в качестве компресса
к болячкам всем крамольная строка?

Тогда исчезнет ханжества завеса!
Но даже в век свободы и прогресса
судьба любви высокой нелегка.

153

243.

Судьба любви высокой нелегка,
уж слишком гомо сапиенс мудрёный,
учённостью своею ободрённый,
он чувствам рты извечно затыкал!

Воздвигнув трон любви, поползает у трона,
потом, напялив тогу добряка,
любовь оденет в цепи и шелка,
о ней, смакуя, мудрствует недрёмно.

Слепец! Любви опека не нужна,
живя лишь на пределе, как струна,
любовь не терпит умных рассуждений.

Свинцом, слезой и кровью возвращена,
когда речами кормится она,
её воруют немощные тени.

244.

Её воруют немощные тени,
и вот любовь становится, как тень:
всё меньше радости приносит день,
всё больше горечи, тоски, сомнений.

Садится круче шляпа набекрень,
уже немало накопилось пени,
а жизнь — всё в долг, за счёт одних мгновений...
Сумею ль разыскать я свой жень-шень?

Смогу ли разорвать порочный круг
иль суждено мне век нести недуг
и, утопая в сытости и лени,

не вынимая из карманов рук,
смотреть легко, беспечно, как вокруг
любовь стремятся ставить на колени.

154

245.

Любовь стремятся ставить на колени
все, кто лишён был радости любви.
Могучий рубль, как спрут, её обвил,
растёт число пред нею преступлений...

Так пусть сильней вскипает гнев в крови!
Мой стих, ты для грядущих поколений
всех палачей любви без исключений
сегодня во весь голос назови!

И пусть призыв мой эхом отзовется,
а если дон-кихотов не найдётся,
я беспрерывно буду бить в набат!

Кто в благодушном сне, пускай проснётся,
никто не смеет спать, когда ведётся
вокруг любви извечная борьба.

246.

Вокруг любви — извечная борьба,
то рыцари историй и коранов
любви законность охраняют рьяно —
и льётся кровь, и пот течёт со лба!

Проклятие законам ку-клукс-кланов!
Позор народам, где любовь — раба,
где в страхе поджигается губа!
Любви не отстоять стадам баранов!

Смогу ли я любовь свою сберечь,
сумею ль сердце избранной зажечь,
дано ли избежать мне злоключений?

Не выпущу из рук я дерзкий меч!
Когда же час настанет в землю лечь,
мою любовь хранит пусть добрый гений.

155

247.

Мою любовь хранит пусть добрый гений,
на жизненных орбитах столько бед,
могущих вдруг свести любовь на нет,
и столько на планете искушений...

Ни в целомудрии, ни в множестве побед,
ни в опыте любовных ухищрений
я не познал витальных откровений —
ещё придёт счастливый мой билет!

Жизнь — лишь в любви. Любовь одна таит
начала и концы, она лишь разрешит
вопросы смысла жизненных явлений.

Взамен любви — ничто пусть не прельстит!
И что бы я ни встретил на пути,
Не уступлю вовек любви мгновений.

248.

Не уступлю вовек любви мгновений,
любовь мала... как Тихий океан,
любовь косноязычна... как орган —
на жизнь не хватит этих сбережений.

Мне океан любви в наследство дан
не для мотовства, не для наслаждений,
не для профессорских нравоучений,
не для лечения сердечных ран.

Любовь твердит: не уступи фашизму
и всяким там воинствующим измам,
не гни трусливо перед злом горба.

Слуга, солдат и сын своей Отчизны,
я принимаю бой во имя жизни!
Любовь — мой флаг, борьба — моя судьба!

156

249.

Любовь — мой флаг, борьба — моя судьба,
меня влекут дороги, ширь без края,
и скрип колёс в пути не досаждают,
пуста от барахла моя арба.

Пусть стук колёс всю жизнь не умолкает,
ну, а потом... Друзей моих гурьба
пусть разопьёт вина сухого жбан,
а дети пусть в наследство получают

мой дом родной — сибирские края,
пусть дочери мои и сыновья
живут в нём вечно, счастливо, согласно.

И в детях не умрёт любовь моя!
Пусть все уверуют в неё, как я.
Любовь — одна забвенью неподвластна.

250.

Магистрал

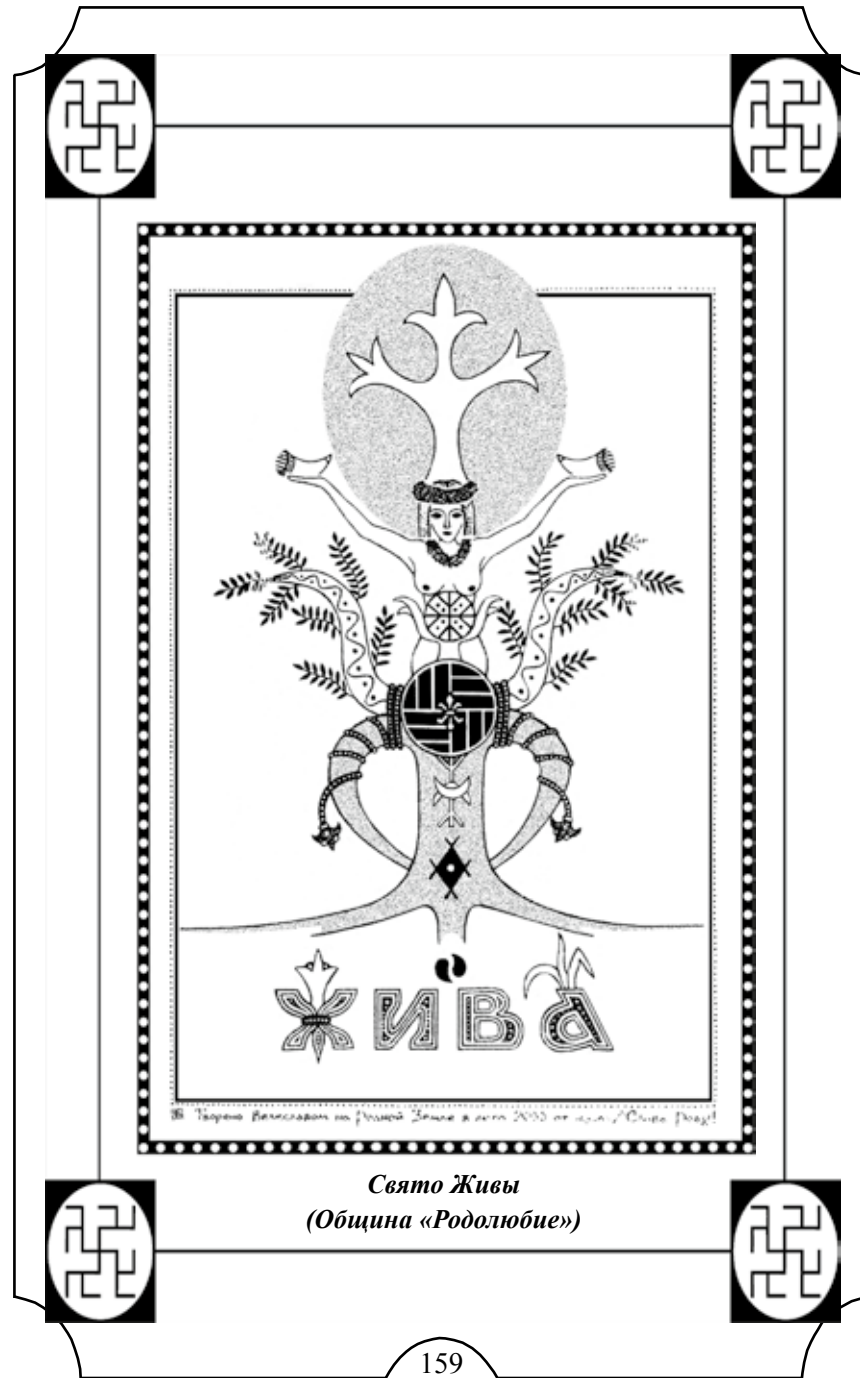
Любовь — одна забвенью неподвластна,
и трепетна всегда её рука.
У всех народов и во все века
вовек не прерывался шёпот страстный.

Бушует злобно ханжества река,
всё топит повсеместно ежечасно,
призывы к дружбе и к любви напрасны,
судьба любви высокой нелегка.

Любовь воруют немощные тени,
её стремятся ставить на колени,
вокруг любви — извечная борьба.

Мою любовь хранит пусть добрый гений,
не уступлю вовек любви мгновений.
Любовь — мой флаг, борьба — моя судьба!

157

Свято Живы
(Община «Родолубие»)

251.

Любовь и Смерть — как сёстры,
обитают всегда рядом,
различать их друг от дружки просто
и возможно с первого взгляда:
у Любви в руках — жасмин или роза,
у Смерти же — коса острая.

252.

О Кама-сутре сказано немало
(о тайнах изошрённости в любви),
лишь этого ещё недоставало —
к убогому порочное привить.

253.

Любовь земная — дар природы,
она — не всехная, увы,
любовь среди земной молвы,
конечно, нынче очень модна,
но главного не знают люди,
что можно рассчитать, что будет.
Сангвиники, флегматики пригодны
и оценить любовь, и сохранить.
К коллизиям любовным часто
истерики (секс-символы) причастны,
с которыми — ни каши не сварить,
ни доли не видать, ни счастья.

254.

Вслед за Любовью, словно тень,
крадётся Зависть;
их различить способна только старость.
Сперва ж Любовь успеет с ложью
повстречаться,
а Зависть — насолить и надругаться.

255.

Как радостно шептать «Люблю» — как клятву
(слова любви всегда и всем понятны),
день распогодится от слов таких,
нести твой свет в душе своей сквозь годы —
и в озарении истина приходит:
в любви даётся счастье — на двоих.

256.

И невест и собак
мудрено выбирать,
крепко может судьба
присобачить печать
на ходу на беду..
И всё ж в деле собачьем
процент больший удачи:
всё у них на виду,
в паспортах — как у князя —
родословная вся,
и намордник привязан,
и медали висят,
по которым понятно —
пред тобой — лучший пёс,
есть повышенный спрос
на таких, вероятно.
Знать при этом лишь нужно,
чем тебе он услужит.

257.

Позволь мне, женщина, к ногам склониться
за то, что ты смогла меня родить,
что я имел возможность ухватиться
за юбку, когда силился ходить,
что помогла любви моей родиться,
что научила всё вокруг любить,
что я способен в жизни удивиться,
а значит — своих внуков удивить.

258.

Прорубили окно
в человечьем жилище,
угощают одной
телевизорной пищей,
освещается жизнь
лишь экранным квадратом,
в ящик свой конформизм
самобытность упрятал.

259.

Поезда, поезда, вы — разлука и встреча,
и сближаете вы, и увозите вдаль,
сколько судеб решается вдруг
в один вечер,
рядом едут в вагоне и любовь, и печаль.

260.

Пели птицы о весне,
пряно пахло травами,
а зима нагринула —
всё исчезло, как во сне.

261.

В величии — всегда твоя пора,
блистает и весною, и под осень.
И паутинки — завязь серебра —
лишь проясняют глаз усталых просинь.

262.

Я восторга любви
с мужем так и не знала.
Десять лет немоты,
десять лет слепоты.
Поняла лишь с тобой,

что такое любовь!
И сперва — испугалась
и сознаться стеснялась,
что такая «плохая»
и не скромная я —

я от гордости таю,
что теперь я — твоя!
Но умчались года
навсегда в никуда...

Неужели должны мы
десять лет ожидать
своей встречи с любимым?

263.

Перестань ты, ветер, навевать ненастье,
вместе с шалой грустью прочь лети скорей,
засияет солнце, снова всё проснётся,
может, и вернётся радость прежних дней.

264.

А ты святая — как сама любовь,
живёшь, уже волнуясь и надеясь.
Ты знаешь: за двоих струится кровь,
и за двоих становишься добрее.

265.

Лето, смуглые лица,
белые платья подруг,
пожатия маленьких рук...
Может ли кто не влюбиться?

266.

У невесты иной
дивных прелестей столько —
дух захватит порой,
вмиг пред ней станешь в стойку.
А она, словно месяц,
над тобою в ночи...
И скулишь пред принцессой,
клянчишь к сердцу ключи...
И вот яркой звездой
она с неба слетит
и тебя ослепит
неземной красотой...

Свадьбу не отплав,
вдруг поймёшь — просчитался:
эта дева-краса
пострашнее, чем такса.

267.

В любви немало песен нам напето,
под них мы забываем о грозе.
Мы даже слышим, как далёко где-то
зелёный лист купается в росе.

268.

В любви даётся счастье на двоих,
на двух крылах любовь парить привыкла
и трепетать листвою двух крон густых,
как без волны волна — любовь бы сникла.

269.

Чтоб род людской не мог вдруг прекратиться,
поэтому ты, женщина, живёшь.
Пока ты есть — жизнь наша будет длиться
и колоситься, будто в поле рожь.

270.

Как после бурь спешит забыться ветер,
так мы спешим припасть к твоим рукам.
Тебя мы ищем, где горят соцветья,
где в росах просыпаются луга.

271.

Твоя улыбка — век нам в жизни светит
и увлекает, и зовёт вперёд.
Когда зимой она коснётся веток,
то дерево доверья — зацветёт.

272.

Серебряная свадьба — высота,
с которой жизни путь — как на ладони,
и на которой — как на вечном троне,
супружеская висится чета.

273.

Мы в своей суете
в мире мелких утех
и желанье, и грусть,
и инстинкт, и игру
в заблужденьи своём
всё — «любовью» зовём.

274.

Разве искру огнём называл кто-нибудь?
Скачут искры-колибри на пышных ветвях,
отразившись в глазах, рассыпаются в прах.
Но рождает порой искра пламя костра,
от костра может лес до небес полыхнуть...
Кто с любовью познался, тот скажет:
«И в любви — почти так же».

275.

Безответной любви быть не может,
и если нет взаимности, значит,
не любовью — иначе
своё чувство зови,
ведь в понятие любви приложимо лишь наше,
и отдельно моею или только твоею
ты любовь не зови.

276.

В настоящей любви
кто-то третий не страшен,
если есть треугольник,
то его как угодно —
не любовью зови.

Древний Египет. Эротическая сцена

277.

Жертвы ради любви —
лишь её проявленье,
если кто-то сдаётся,
то любовь не вернётся,
хоть зови, не зови.

278.

Мы возвратились, победив все войны,
и слушаем, как в тишине спокойной
твой шёпот сладкий возле уст притих.
Твоя улыбка плакала от счастья,
что мы всегда, минуя все напасти,
спешим к тебе от бед своих, чужих.

279.

Любовь всегда нуждается в словах,
слова признаний — сущий хлеб любви,
от нежных слов кружится голова,
они всю жизнь способны обновить.

280.

Что такое любовь?
Это страсти, восторги и счастье.
Что такое любовь?
Это шесть сотен тысяч заражений в сутки.
Что такое любовь?
Это драки, убийства, разлуки.

281.

Любовь — как мотылёк, живёт в метаморфозах,
от куколки до бабочки проходит путь,
с него нельзя ни возвратиться, ни свернуть;
ни куколка, ни червь не смогут вызвать грёзы,
не увлекут из дома за порог,
а лишь вспорхнувший в небо мотылёк.

282.

Официантка!
на минутку.
Целый час
жду я Вас,
рассердился не на шутку.
Всех подряд
обслужили Вы с улыбкой,
мне не бросив по ошибке
даже взгляд.
Не пойму,
почему

Ваше скучное меню,
словно фото я храню.
Всё сижу
и гляжу,
шницель, тощую котлетку
закажу и ем вприглядку.
За Ваш взгляд
сердце рад
я отдать, лишь пожелали б,
если ж нет, дайте мне
книгу жалоб!

283.

Связь мать-дитя рождает изначально пару,
в ней — потенциал любви, которая
растёт от века к веку,
она считается не даром
основой становленья человека.

284.

Любовь — как клетка!
Это не беда!
Скорей туда, скорей хочу туда,
чтоб жить с тобой, согласен быть и в клетке...

285.

Любовь и Зависть, словно мать и мачеха,
поляризуют вечно мир людей,
Любовь для счастья в жизни предназначена,
а Зависть — для томления страстей.

286.

Нет священной минут,
когда вводишь мадонну
с малышом из роддома
в чистоту, в тишину.

287.

Без любви твоей, моя желанная,
было много зим, было много лет,
но к тебе всегда стремился неустанно я,
маяком в дороге был мне звёздный свет.

288.

Кто мог придумать, что любовь — хомут,
что жить, дышать привольней самому?
Голимая брехня всё это,
я с ним готов всю жизнь шагать по свету!

289.

Все измены — вселенское горе,
горе — горшего не бывает,
горше смерти порой поражает.
Почему ж мы с изменой не спорим?

290.

Нежнее уст, очей и рук твоих
нам неизвестно ничего доныне.
На что похожим был бы мир без них?
На выжженную злобою пустыню.
Куда деваться от обид глухих
затравленному бедами мужчине?
Что б делал он без рук твоих родных,
которые и в горе не отринут.

291.

Любовь и Дружба — два великих чувства,
чтоб испытать их, надобно искусство,
не всякий создан их до дна познать,
взаимность, жертвенность и верность испытать.

292.

Ты не скрывай года. Годов гора —
ведь это ж — словно зрелые колосья.
Так значит жизнь придумана не зря.
За то, что жизнь сбылась, никто не спросит.

293.

Диалектика любви неумолима,
оставишь верность нерушимой —
и заимеешь все сто сот,
погонишься за многим — потеряешь всё.

294.

«Анфиса, люблю тебя очень,
скучаю, не могу без тебя, твой Саша».
«Люблю, только твоя. Анфиса».
Это не сон мне приснился
про узников, двух голубят,
надписи эти среди прочих
прочёл я с большим интересом
на облезлом тюремном железе,
на двери в прогулочный дворик
Минусинской старинной тюрьмы...
И забыл о собственном горе.

295.

Отяжелела, присмирела вновь.
А взгляд твой всё покорнее, теплее.
Надежду носишь, тихая, без слов,
сама с надежды этой молодея.

296.

Пришла ты — и в цветах стоит крыльцо,
и нарожали гнёздышки птенцов,
и стало вдруг тепло везде, как летом.
Мужчина усмехнулся про себя,
он понял, что нежней, нужней тебя
нет ничего и не было на свете.

297.

У счастья есть этажи:
здоровье, любовь, признание,
непросто их заслужить,
не достигнуть их без дерзанья.

298.

Сон-печаль, тяжелее чувства все придави,
чтоб затихла быстрее память первой любви,
унеси птицей вещей обратно меня,
дай мне светом согреться беспечального дня.

299.

Цвит вышнэвый билымы кружляе шмэлямы,
буйно квитнэ мий садочок по вэсни,
а мэни здається, що в садку вышнэвому
выпав нэнароком рано пэрший сніг.

300.

Годи, дивчыно, тоби до сонця ластыться,
сонцэ ничие, воне горыць для всех,
нэ цурайсь, лэты, прылынъ до мэнэ,
ластивко,
нэ дывысь, що скрони вкрыв вжэ
пэрший сніг.
Ты ж сама для мэнэ, начэ проминь сонячный,
тільки заглядаеш в хату уви сні,
тільки гриеш нэ мэнэ, и сэрцю болячэ,
покрывае скрони вжэ нэ пэрший сніг.

301.

Страдают люди больше от измен,
так почему тогда бы не суметь
добиться в жизни нужных перемен,
учиться постоянству с малых лет?

302.

Красивы были бабушки когда-то,
от старости не убегут девчата,
да, с возрастом глаза не так горят.
Но, женщина, печалиться не надо,
ведь в каждом возрасте — своя отрада,
в величии — всегда твоя пора.

303.

Каким крутым мужик бы ни был,
час икс приходит всё равно,
становится с овчинку небо,
помочь не в силах — ни виагра, ни вино.

304.

Рожала фараонов и рабов,
героев дерзких, трусов бледнолицых
и за детей своих мать испокон веков
старалась день и ночь молиться.

305.

Мать молодят примерные сыны
и старят, коль нечестные они,
хоть по одним ступали половицам.
И всё же, женщина, рожай, рожай,
корми, расти и племя умножай,
чтоб род людской не мог вдруг прекратиться.

306.

Твой век — как молнии ярчайший миг.
А грянет громом бой — ты в путь собираешь,
от сердца оторвав, мужчин своих,
а минет похоронка — и встречаешь.

307.

С приходом опьяняющей весны
из рамок рвусь в порыве вдохновенья
и раздвигаю их по своему хотенью,
так точно мы и в чувствах, и в поступках
границы расширяем предрассудков,
когда они становятся тесны.

308.

О, если б солнца твоего мне, лето,
всех на земле бы грел своим теплом
и был бы знаменитейшим поэтом,
но не считаю я большим грехом,
что не известен всем, зато все силы
свои я перелью в стихи для милой.

309.

Мы все, мы все — с твоих надежд и снов,
а ты тревожишься, тебе не спится:
так кто же бьётся возле сердца вновь,
великий гений иль подлец родится?

310.

Сиротела Русь и вдовела Русь,
Ярославны плачь всё в ушах звенит,
солона земля от горячих слёз
и от кровушки сыновей её.

311.

Волнуешься и плачешь ты, быть может —
не за себя — а кто всего дороже,
кто вступит в мир наследником отцов.
Прости нас, что в мучении великом —
всегда в слезах, в отчаяньи и с криком
рожала фараонов и рабов.

312.

Восстань из пепла, слёз и бед глухих,
дым крематориев навеки проклиная.
Пусть не коснётся он сердец людских,
пусть будет больше свадеб в нашем крае.

313.

Нет ничего и не было на свете
желанней — имя избранной узнать,
тебя ещё нетронутою встретить,
случайно взгляд стыдливый перенять,
бороться с искушением запрета
и сердцем чистоту твою понять,
смотреть в уста — и цепенеть при этом,
не в силах пред стихией устоять.

314.

И где б мы ни вмерзали на планете —
любовь твоя гнездо своё совьёт.
Сквозь тюрьмы, голод, холод, лихолетья
твоё тепло домой нас приведёт.

315.

Как хорошо пугливую приметить
и ладно жить, друг другу помогать,
вливается в жизнь нашу вскоре третий —
великий мир — и ширит берега.

316.

Совсем и не боюсь я рук твоих,
когда обнять вдруг ласково захочешь:
я знаю, ты не будешь — ведь жених! —
в стыдливости сопротивляться очень.

317.

Где счастье, знает
морское дно
да, может, ещё
волна,
которая часто
на берег морской
выносит янтарь
со дна.

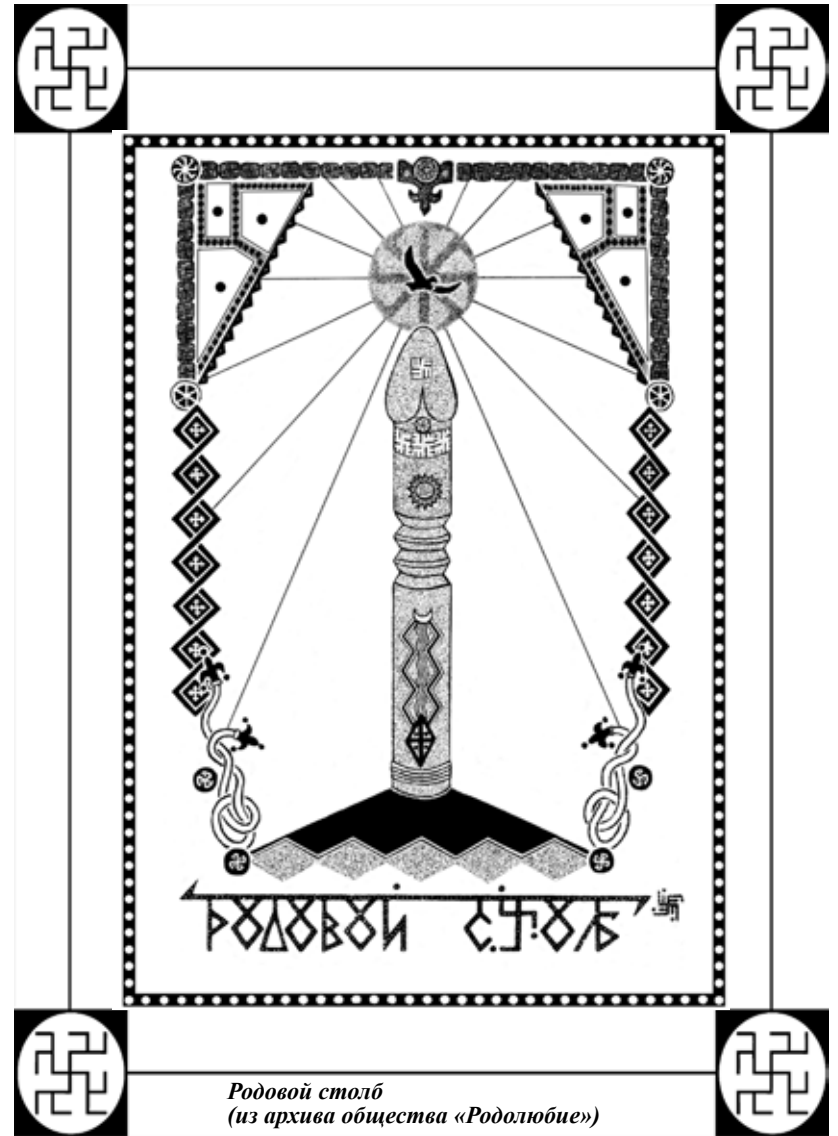
318.

К тебе в тиши я, жаждущий, приник,
и ты ко мне, счастливая, приникла,
и радость единенья, словно крик,
на все века одна — одна! — возникла.

319.

И осенью печальной, и зимой
нам хорошо, стодумная, с тобой
красотам жизни в старости дивиться.
И молодую мне в тебе признать
не помешает даже седина —
позволь мне, женщина, к ногам склониться.*

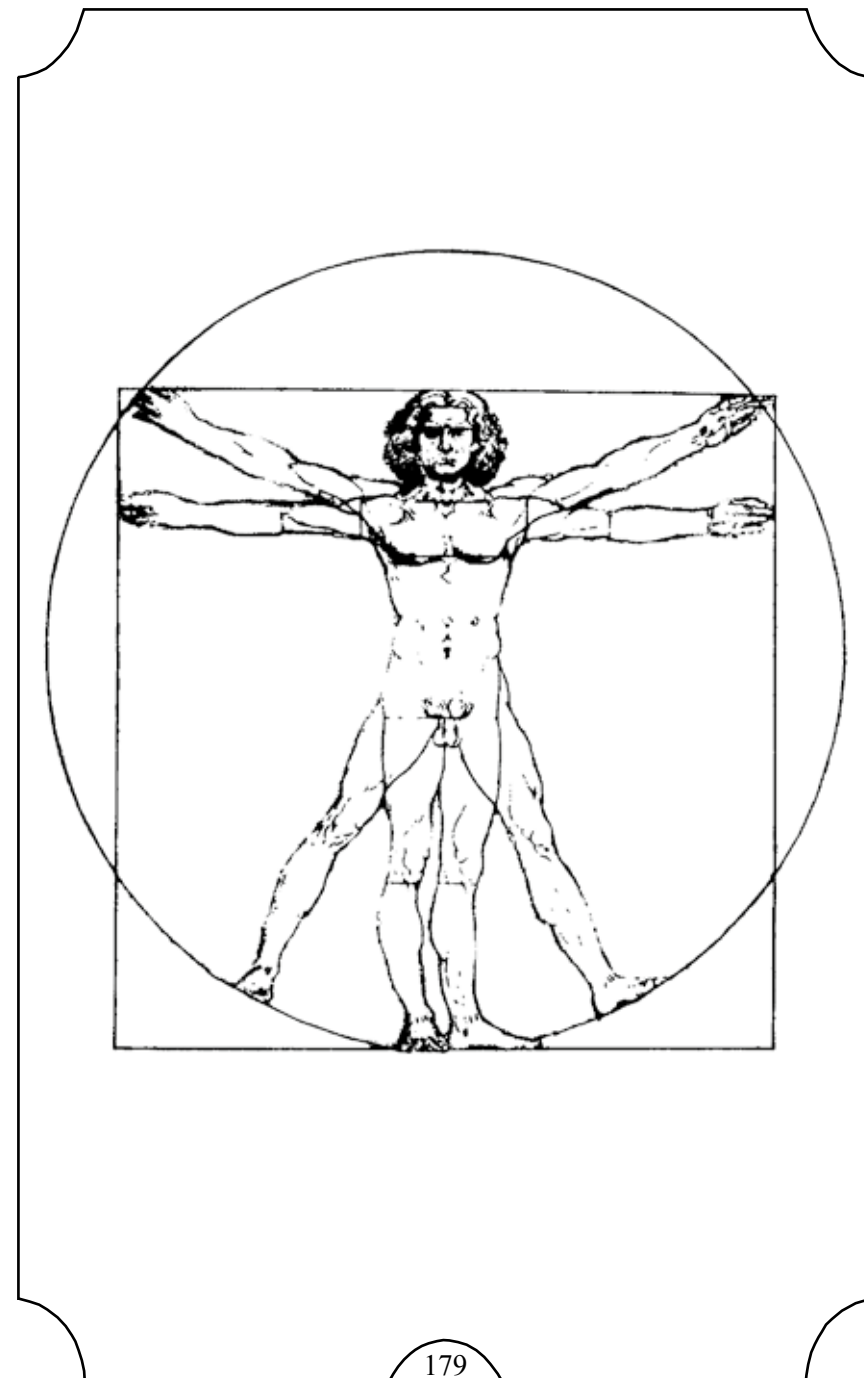
*В этой главе часть стихов взяты из венка сонетов «Женщина»
Янка Сипакова в переводе с белорусского Бориса Терещенко

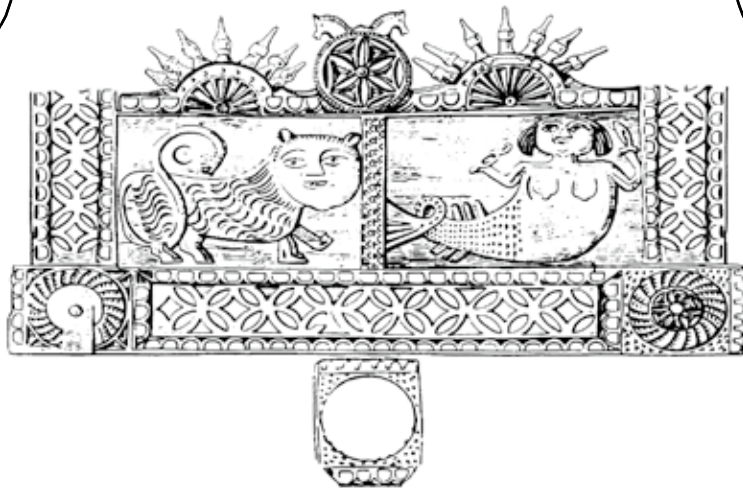

Родовой столб
(из архива общества «Родолюбие»)

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК

Венок сонетов

320.

«Гомо сапиенс» дал себе ты имя...
Вооружась не мыслью, а дубьём,
преград не зная на пути своём,
воссел царём — над тварями земными.

И суд чинил верховный день за днём:
одев ярмо, поля пахал одними,
к себе приблизив, пировал с другими,
а третьих — непокорных — жёг огнём!

Всех подчиниться ты себе заставил,
возвысил недостойных и лукавых
и почитать их грозно повелел...

Создав закон и суд, мораль и право,
Землём-планетой правишь ты на славу —
«венец всего живого на Земле»!

321.

Венец всего живого на земле
не всяк, кто «гомо сапиенс» назвался,
кто в пирамиде жизни оказался
в её вершине, в ранге королей.

Известно, что не где-нибудь на Марсе,
а тут, на нашей матушке-Земле
дублёный, дупловатый дуралей
до власти, до чинов, до орденов дорвался.

И мысль, и честь, и совесть — вне закона!
Труби в трубу во славу фанфарона,
бей в барабан — и никаких проблем!

И люди расступаются смущённо
и ропшут меж собою озлоблённо —
природа познаёт себя во мгле!

322.

Природа познаёт себя во мгле
во имя жизни и во имя света.
Хоть всё живое тянется к рассвету,
но как же трудно в жизни от дилемм!

Берут за горло, требуют ответа —
иль свет и жизнь, иль тьма и тлен,
а на поверку всё — лишь миф и блеф:
и день, и ночь встают в кровавом свете!

Навек расколот мир на «Да» и «Нет»,
и в этом суть всех войн людских и бед,
и в этом суть вражды неугасимой...

Запомни, Человек, простой секрет:
политики играют с давних лет
и мыслями, и чувствами твоими!

323.

И мыслями, и чувствами твоими
ты должен сам владеть и управлять,
во имя счастья должен жизнь познать
(хотя бы то, что познано другими).

Та жизнь, которую даёт нам мать,
с холодной поковкою сравнима,
и не боясь огня, воды и дыма,
мы сами жизнь свою должны ковать!

Идя своей неведомой тропою,
пусть каждый откопает свою Трою,
лишь надо быть настойчивей, смелей!

И пусть в пути нависнет вдруг порою
тюрьма, сума иль тьма над головою —
нет в мире головы твоей светлей!

324.

Нет в мире головы твоей светлей!
Нет благородней любящего сердца!
На лица малышей — не наглядеться!
Улыбки материнской — нет теплей!

Но и под Солнцем — всем не отогреться...
И зверя в себе всем не одолеть...
И не избавиться от дурней и калек...
И от болезней никуда не деться...

Тропинка к совершенству — пред тобой,
по ней не устремишься всей толпой,
жми в одиночку силами своими,

борись, но не с врагами, а с собой,
познай себя и мыслью и душой —
галактики и кварки мысль обнимет!

325.

Галактики и кварки мысль обнимет,
предела нет в мышлении самом,
но мысль, как джин, хлопочет лишь о том,
что было ей приказано другими.

И если джина на борьбу с врагом,
опасностью ли, явной или мнимой,
Инстинкты и Эмоции поднимут,
то джин идёт на дело напролом.

Он красное представит белым враз,
а белое затопчет в кровь и в грязь,
предмет дерьмовый — будет словно вымыт!

А если вдруг придёт расплаты час,
он, вёрткою юлою закружась,
умчит иль ввысь, иль вглубь неудержимо.

326.

Умчит иль ввысь, иль вглубь неудержимо
мечта о правде, счастье и любви,
у каждого любовь живёт в крови,
но много ль в жизни истинно любимых?

Постигнуть счастье каждый норовит —
для большинства оно непостижимо!
И счастье, и любовь, и жизнь — всё мимо,
уходят прочь — зови иль не зови.

Мечта напрасно к небесам стремится:
погнули спицы в лёгкой колеснице
гордыня, похоть, жадность, трусость, лень.

Не объяснишь ли, как могло случиться,
что всё милее личное корытце,
о ты, Мудрец, сидящий на осле!?

327.

О ты, Мудрец, сидящий на осле,
взирающий на люд с иконостаса,
твоих пророчеств не дождавшись часа,
народ поднялся навсегда с колен

и твоему уже не внемлет гласу,
узнав, как тьмой душил церковный плен,
как от костров небесный свод алел,
лоск озаряя на поповских рясах.

Явившись миру, произнёс ты речь:
«Не мир пришёл я принести, но меч»,
раздул всесветного раздора пламя —

и стали на кострах брат брата жечь,
и языки неверующим сечь...
Против Природы правишь ты упрямо!

328.

Против Природы правишь ты упрямо —
кто б ни был ты, иль вождь, или пророк —
без лжи и козней никогда б не смог
ты ездить на ослах, владеть ослами.

На перекрёстках жизненных дорог,
чтоб жар чужими загребать руками,
сшибаешь лихо легковёрных лбами,
а людям не идёт наука впрок:

вослед лгунам на площадях орут,
кумира свергнув, нового найдут
и в новый цвет подкрасят тихо зная.

То красные на белых восстают,
то белые нещадно красных бьют —
себя казня своими же руками!

329.

Себя казня своими же руками,
нисходит человек в пучину зла...
И всё ж тропа к добру — не заросла!
Спасение твоё — не за горами:

религии и партии — на хлам!
(нахлебников уменьшится и хамов).
А чтоб спалось спокойнее ночами —
избавься от избытка барахла!

Хандра и трусость человека гложут...
Нет, может, гаже в жизни жирной рожи...
Умеренность во всём — продлит твой век.

Любовь и Честь — вот что всего дороже!
И если отстоять Любовь и Честь не можешь —
несчастья над тобой всю жизнь — как снег.

330.

Несчастья над тобой всю жизнь — как снег,
но этот снег на волосах не тает,
бессонница ночами остужает
озерца между воспалённых век.

В них — тени лет, как в счётчике, мелькают,
всё ускоряя безвозвратный бег...
Вдруг тихий сон тебя сморит навек —
уходят в Млечный путь, не возвращаясь.

Быть иль не быть — «мучительный» вопрос
тобой надуман, он на деле прост:
тебя с рожденья — ждёт могильный камень...

Но устремлён цепочкой ярких звёзд
в неведомое будущее мост —
твой жизни путь от Евы и Адама.

331.

Твой жизни путь от Евы и Адама —
история больших и малых войн,
народы, государства меж собой
жестокою тяжбу ведут веками.

И от войны, и от вражды слепой
не откупиться пышными дарами —
и нива устилается костями,
и накрывается тучей грозовой.

Всё лучшее — не детям, а войне!
Убить быстрее, больше и верней —
вот что всегда довлеет над умами.

И ничего не сделаешь умней.
хоть всем понятно: путь войны вдвойне
пропитан потом, кровью и слезами.

332.

Пропитан потом, кровью и слезами
новаторский подвижнический труд,
его оценят люди и поймут,
лишь умудрясь попать сперва ногами.

Труды Творцов великих не умрут,
красоты множатся под их крылами.
сверкая красками, звеня стихами,
с собою в Мир Прекрасного зовут.

Дерзать и сметь наука не устанет —
уже навстречу Инопланетянам
набирает космический разбег...

Но большинство — тьма тьмущая — мещане,
в них божий дар, не расцветая, вянет,
умён ли ты на деле, Человек?

333.

Умён ли ты на деле, Человек,
что стал безропотным рабом мотора,
что слепо губишь фауну и флору,
врываясь в жизнь лесов, морей и рек,

что рабски, словно лошадь, ходишь в шорах
и терпишь над собой и бич, и стэк,
плодишь блядей, уродов и калек,
и пьяниц, подпирающих заборы...

Вся жизнь твоя — ничтожная игра,
ты, о свободе много говоря,
дошёл до лагерей и Хиросимы...

Опомнись уже давно пора,
но ты, увы, не можешь... Значит, зря
«гомо сапиенс» дал себе ты имя.

334.

Магистрал

«Гомо сапиенс» дал себе ты имя,
венец всего живого на Земле,
природа познаёт себя во мгле
и мыслями, и чувствами твоими...

Нет в мире головы твоей светлей —
галактики и кварки мысль обнимет!
Умчит иль ввысь иль вглубь не удержи́мо...
О ты, Мудрец, сидящий на осле,

против Природы правишь ты упрямо,
себя казня своими же руками,
несчастья над тобой — всю жизнь — как снег...

Твой жизни путь от Евы и Адама
пропитан потом, кровью и слезами,
умён ли ты на деле, Человек?!

335.

Приснился сон мне — вместо головы
на плечи возложили шар земной,
но я ж не кариатид, увы,
на кой мне сдался тяжкий груз такой,
ведь разница по весу пребольшая,
хотя, конечно, есть и схожесть:
и мозг мой состоит из полушарий,
и шар земной владеет ими тоже.
Так вроде полушарий и по два,
да сравнивать их надобно едва:
в моём мозгу — порядок и покой,
в земном же шаре — хаос и разбой.
Избави бог меня от страшных снов,
носить я шар земной, ей-богу, не готов.

336.

Потенциал людской заложен в архетипах,
лишь через них осуществим прогресс,
и если по пути таком пойти бы,
то преимуществ было бы не счесть.
В истории людской тысячелетней
они гнобились властью повсеместно,
поэтому к упадку шли народы,
не зная ни отрады, ни свободы.

337.

Ханжа кичится, мутит весь народ,
что, мол, в противовес народу он не пьёт,
но мы-то знаем наперёд,
что и не пивши он умрёт.

338.

Быть бессмертным — мечта человека,
потому о блуждании душ своих чушь городил,
Парацельс эликсиром бессмертия всех одарил,
хоть прожил сам всего-то полвека.
Если б меня о бессмертии спросили друзья,
информация — так бы сказал о бессмертии я.

339.

Человек необъятен, хоть, увы, не без пятен,
чем похож он на Солнце,
хоть «разумным» зовётся,
но себя он не знает,
вопреки поступает
он законам природы и лишается Рая.

340.

Новый век — новый круг,
человек хороводит,
ни покоя, ни Рая он в себе
не находит,
мышцы сцепленных рук
болью судорог сводит.

341.

Руки вскинет крылато
кто-то вдруг над собой —
не часы ль он заводит?
Стрелкой по циферблату
Человек в круге ходит.

342.

Несчастный человек — как щепка
в потоке бурном бытия,
ему бы ухватиться крепко
за древо жизни, чтоб семья
ему спасеньем послужила,
но он несётся вдаль за целью лживой.

343.

Архимудрейшая задумка — архетипы,
засели они в теле, как занозы,
не вытравят их ни слёзы, ни угрозы,
не переделать сроду человека,
им архетипы правят век от века.

344.

В утробе плод почти в раю живёт,
рождающийся — через ад проходит,
никто, никто не знает наперёд,
что ждёт их в жизни после родов.

345.

Не ведает живущий на земле,
какой гигантский труд
проделан на планете,
чтоб зародилась жизнь.
Был адский жар и пламень,
вулканы клокотали, изрыгая
сернистый газ и копоть,
и раскалённой каменной шрапнелью
круша, грома и руша всё вокруг
под вспышки молний непрерывных
и потрясающих раскатах грома,
под канонаду астероидов и метеоритный дождь,
и затаённый пресс космических лучей.
И вдруг весь этот дьявольский кошмар
в соударе страшном содрогнулся,
и от конвульсий захлебнувшись,
затих надолго...
Когда же копоть, пыль и пепел
рассеялись немного над Землёй,
увиделась Луна, дитя вселенской катастрофы,
описывающая круги в магнитной тяге нерушимой.
Так были созданы условия для жизни,
которой во Вселенной так славится Земля.

346.

Сколько слёз, сколько крови
на Земле разлилось,
под багряным покровом
расплескалась злость.
Полтора миллиона лет живёт человек,
в вечных кознях и войнах
омрачая свой век.

347.

С новым веком внове —
лишь оружие смерти,
многочисленной жертвы,
во всём прочем — всё то же
на планете людей,
и ничто, и нигде
измениться не может.

348.

Несмотря, что извечно
грезит люд о любви
и о дружбе сердечной,
но любовь не привить
к мыслям, чувствам нечистым,
к миру лжи и корысти.

349.

Личина — то, что лишь снаружи,
а личность — то, что и внутри,
личина трудностей не сдюжит,
а личность общность озарит.

350.

С пророческим даром рождённый,
стараюсь повсюду успеть,
душе моей просветлённой
дать шансы скорее дозреть.

351.

Если б каждый из обречённых на смерть,
хоть одного бы посмел палача предать смерти,
то за сотни бы лет при подобной расплате
на Земле б не осталось ни религий, ни партий.

352.

От Москвы до Парижа топот явственно слышен,
уж не девы — колоссы, уж не ноги — колонны
топчут землю, как танки, с детских лет
аксельрантки,
на платформе — их обувь, их утроба, как торба,
жадно жаждает пищи по прилавкам глазищи,
рысью яростно рыщут, всё хватают ручищи
и толкают в ротище, ненасытный, как омут,
потом стонут, как свиньи, и над ними все стонут,
Гомо сапиенс люди называют свой род,
может быть, всё же будет и «разумным» народ,
но сегодня живущий можно звать лишь
«жующий».

353.

Мода в жизни везде — не простая проблема,
обтянули людей, словно стулья, кремпленом,
стянутых по рукам, хлопают по карману
и платформу к ногам пришпандорили рьяно.

354.

Жизнь подобна карусели, вертится, кружится,
если вы в неё уселись, надо закрепитья,
не усвоишь с колыбели эту мудрость века,
сдует ветром с карусели и ударит крепко.

355.

Я дружбу народов всегда воспевал,
к строке прикладывал строчку.
Чего ж прибалтиец, исконный мой брат,
катит на Русь, на меня, свою прибалтийскую бочку.

356.

Смотрит небо на нашу планету
в ясный день и в тёмную ночь,
видит всё,
но не может помочь.

357.

Слова о равенстве — циничное враньё,
масонская наживка для дебилов,
над континентами грает вороньё,
скрывая Солнце стайей чернокрылой.

358.

Лишь неизвестное нам мило
и лишь далёкое манит.
Гагарин на весь мир гремит,
скорей же в путь, пока есть силы!

359.

Кто же сердце своё уберёт
от пороков и от порогов,
от неверных друзей своих
и от верных врагов своих?

360.

День за днём — и лето проходит,
год за годом — летят журавли,
жизнь за жизнью — плывут корабли...
Пронесутся годы, как ветер,
и осыпятся, как листва,
и замрут в тиши, как слова.

361.

Эй, мужик с провислым брюхом,
тряхни-ка пропотевшим духом
и подними повыше потроха,
а вдруг судьба не так плоха,
авось осталось что-то от мужчины,
и нет причины для кручины.

362.

С каждым шагом смелее и твёрже
по планете идёт человек,
с каждым шагом — сильнее разбег,
и становится тесной планета,
и короткой кажется жизнь,
но об этом не стоит тужить,
жизнь, как нива, красна урожаем,
уважаем лишь сеятель в ней —
славных дел и добрых идей!

363.

У нас – послушные мечты,
любой восполнят недостаток.
И я бывал богат мечтами,
боюсь, что скоро стану нищим,
так от духовной к жирной пище
шагает человек с годами.

364.

Литовские женщины с песней любви
ищут янтарь по утрам,
но грустны их песни, в них горечь разлук
и тяжесть людских утрат.

365.

В небе тень пробежала,
в узел мысли связав,
небо сморщилось, сжалось,
разразилась гроза.

366.

Боже мой, боже мой,
кто не топтан толпой,
кто не травлен слепой
дикой злобой людской?

367.

Я б в мусульмане, может быть, пошёл,
у них — гаремы, сколько хочешь жён,
конечно, если ходишь ты в султанах,
а если в евнухи вдруг попадёшь случайно?

368.

В судьбе Лукулла скрыт великий смысл:
к успешной жизни не ведёт корысть,
как много бы богатств ты не стяжал за жизнь,
путь к счастью всё равно тебе закрыт.

369.

Написал портрет я милой
и повесил на хлеву,
не увидишь злее рыла
ни во сне, ни наяву.

370.

Не брани меня задаром,
я ведь так тебя любил,
сдал намедни стеклотару,
перстенёк тебе купил.

371.

Что важнее: семья?
Или труд вдохновенный?
Что спасает от тлена?
Где взрастут семена?

Нет удачи в семье —
и по уши уходит
человек весь в работу
(сам по воле своей,
а верней — поневоле!)

372.

Эта муха так горда,
среди других заметна сразу,
оттого, что принесла
неизвестную заразу.

373.

Детектив для народа —
самый верный наркотик,
это пруттик и пряник,
чтоб толпу в хлев загнать,
обгалдеть, обхитрить, обмануть, оболванить,
под конец, как овец, догола обкорнать.

374.

Чем сильнее загнивает
в стране правящий класс,
тем дружнее насаждает
детектив среди нас.
Всё в нём сплошь субъективно,
хаотично, случайно,
всё заумно, жеманно,
всё не ново и лживо —
рыцарские романы
проросли в детективе!

375.

Человек сам идёт к своему вырождению,
при его становленьи вышел грубый просчёт,
самый мудрый и сильный у животных — вожак,
у людей — и кретины могут судьбы решать,
лишь дорвётся до власти распоследний дурак,
не дурак он — начальство, человечесий вожак.

376.

В социальной иерархии исключили любовь,
но лишь только любовь на правах первородства
может женщине дать превосходство
в положеньи любом.
Никогда пусть не меркнет любви верной звезда,
нелюбимая блёкнет пред любимой всегда.

377.

Сократ прославился навеки дважды:
во-первых, мудростью великою, преславной,
а во-вторых, Ксантиппою, своей женой,
которой по скандальности нет равных,
которую мог вынести не каждый.

378.

Остряки — наши детки,
мать, отец для них — предки.
Нет, не предки родители,
а ракетоносители

379.

Во двор весной выходят мужики
сообразить, что надо, на троих,
пивко, куренье, матерки —
как много времени у них.

380.

Никто не застрахован от внушенья
и в общем независимо от знаний,
зомбироваться можно за мгновенья,
об этом невозможно знать заранее,
за пару дней психической атаки
возможно армию создать из лохов,
представить правдою любые враки
и заработать на вранье неплохо.

381.

Из века в век любил подругу,
стихи писал, а на досуге,
заряд забивши в пушку туго,
он думал: «Угощу-ка друга».

382.

Душа первична или, может, тело,
на эту тему спорить надоело,
и я, напялив тогу мудреца,
раскрою эту тему до конца.
Феномен Маугли не вводится в зачёт
буквально ни в одно из множества учений,
и в этом главный кроется просчёт,
на этот счёт нет никаких сомнений,
ведь Маугли не обретает душу,
когда растёт среди зверей;
звериная среда духовность глушит,
душа рождается в среде людей.
Итак, я предлагаю тезис личный:
душа, конечно же, вторична.

383.

В стаде первобытном изначально
утверждался человек охотой,
древнему искусству обучался,
и с годами это стало модой.
Ныне современные Дианы
охотятся охотно на людей,
конечно, не в лесах — бескровно и гуманно,
чтоб всё и сразу занять путём затей,
повязанных с умением обольщать,
то бишь, не убивая, добывать.

384.

Влияние обоняния безмерно
на этом основании рос мозг,
не потому ли до сих пор, наверно,
как самый верный пёс, нам служит нос?
Не зря ведь родственность к ребёнку
закладывается в запахе пелёнки.

385.

Который день подряд в сугробах тонут люди,
а снег неумолимо сыпет день и ночь,
он, кажется, вконец живое всё остудит,
и вроде некому уже помочь.
Но вспомнилось, как на Таймыре
я видел куропаток, пикирующих в снег,
и понял вдруг, что в нашем мире
всё приспособлено вполне.
Снег утепляет, греет, а не студит,
в трескучие морозы всё спасенье в нём,
а снегопад к тому ж ещё и — чудо,
его, конечно, лучше созерцать вдвоём.

386.

Конфуций наставлял своих учеников
на доброту, порядочность и совесть,
о их судьбе безмерно беспокоясь,
оберегал от множества грехов.
А в наши дни найдётся ли мудрец,
кто б молодых смог отучить от хамства,
от потребительства, невежества, упрямства,
от психопатства, наконец.

387.

Снисходительность среди друзей и близких —
увы, неблагоприятная черта,
потворство недостаткам неспроста
доводит до поступков низких.

388.

Растёт число мошенников сегодня,
а следовательно, растёт и список лохов,
обман основан ведь на жадности природной,
так что лохи — пострадавшие от Бога.

389.

Мы задним лишь умом богаты,
но если начудили сгоряча,
то не разумно ли вернуть, что свято,
и всё сначала по уму начать?

390.

Духовность и душа вторичны,
и в этом можно убедиться лично,
когда весь путь ребёнка проследить.
У грудничков проблемы — есть и пить,
когда ребёнку — три вершка,
заботы все — вокруг горшка,
чтоб Маугли потом не стать,

задача очень не проста,
нужны и ласка, и любовь,
и чтение книг, чтоб горячилась кровь,
и ролевые игры, и дерзання,
людских проблем нелёгких пониманье.
Вот так с трудами, тихо, не спеша,
из года в год растёт и ширится душа.

391.

Человек как существо живёт миллионы лет,
а в социальном статусе — лишь тысячи,
поэтому важней инстинктов в жизни нет,
скрывать всё это просто незачем.
Оспаривать, конечно, станет Церковь,
мол, лишь в духовности проявлен человек,
но как духовность вычислить в процентах,
да и гадать, и вычислять зачем?
Ведь Церковь и сама ослабилась навек
Крестовыми походами, кострами
и зверством подземельных палачей.

392.

Была б овца учёным-биохимиком
и, посидев бы годик-два за столиком,
она в меню себе ввела бы непреложно
токоферол, фосфолипиды, серу,
чтоб расплод повысить, шерсть растить,
кои пребывают в должной мере
в олейне, в твороге и яйцах,
без коих жить овечкам невозможно.
Цель басни сей — не в том, чтоб посмеяться,
а в человеческом меню чтоб разобраться.

393.

За сутки происходит на планете
пять сотен тысяч дефлораций,
о чём совсем не стоит сокрушаться —
не избежать любовных искушений;
беда заключена не в этом,
а в том, что за такое ж время
шесть сотен тысяч происходит
заражений,
и гонореей, сифилисом и СПИДом.
Не превратится ли людское племя
из гомо сапиенса в гомо инвалида?

394.

Миг настоящий — эфемерен,
о будущем никто не может знать,
прошедшее лишь служит нам наверно,
способно лишь оно опорой стать.

395.

Ушёл восьмой десяток с поля боя,
но мне совсем не хочется сдаваться,
с последней гвардией из книг и из картин
я до конца намерен драться

396.

Да, я согласен, человек — как бог,
вершит дела не только на планете,
и всё же я б его, наилучшего на свете,
от глупого зазнайства остерёг,
ведь сперматозоиды и яйцеклетки
им изначально взяты напрокат
у водорослей — красно-бурых предков,
которые их заимели три миллиарда лет назад.

397.

Если б заяц стал царём в лесу,
он сгубил бы волка и лису,
но и лося не оставил бы в живых —
тальниковая кора — вкуснятина для них.

398.

Ответственность за жизнь на молодость ложится,
и если с детства не учён трудиться,
то славных дел потом не сотворить.
Кого же в этом случае винить?

399.

Дитя рождается «болванкой»
или алмазом, подлежащим гранке,
и только постоянный труд
сумеет человека сотворить,
способности, таланты разбудить,
ведь личность формируется не вдруг.

400.

Человеку уж давно пора
за ум свой непутёвый взяться,
религии и партии он терпит зря,
они мешают в норме развиваться.

401.

Где оно, по какой дороге
и о чём беззаботно стучит?
Сердце глупое, помолчи!
За тобой охотятся люди
в городах, на дорогах больших,
в шумной суতোлке и в тиши;
уж повсюду расставлены сети,
где тебя с нетерпением ждут.
Тут недолго накликасть беду.

Приутихни же, сердце, послушай,
о чём люди сейчас говорят,
о тебе у них речи не зря.
— Я прошу Вас, профессор, скажите,
когда сердце замените мне?
Моё сердце — словно в огне.
— Когда будет «лишнее» сердце,
знать не может никто из нас,
может, завтра, а может, сейчас...
В миг любой мы всегда наготове.
Лишь придёт операции срок —
в Гроте-схюр позовёт звонок.

402.

Миллионы лет на планете
неустанно и днём, и в ночи
сердце — ткацкий станок — стучит.
Миллиарды невидимых нитей —
человеческих жизней — сплелись.
Дёрнешь нитку — и рвётся жизнь.
Чья и где, ты возьми угадай-ка,
разберись во вселенском клубке!
Может, жизнь свою держишь в руке...
...Ты находишь ниточку пульса,
осторожно сжимаешь её,
тихо слушаешь сердце своё.
Сколько зим, сколько лет неустанно
сердце бьётся в твоей груди!
Сколько зим, сколько лет впереди?
Зим и лет всегда нехватает,
час придёт оглянуться назад...
Кто-то должен когда-то сказать:
«Принимай у ткача работу,
подошёл для этого срок.
Всё ль ты сделал за жизнь, что мог?».

403.

Салливан на пиар для Биттлз оплатил
не меньше миллиона,
а Хоффман обеспечил их бесплатным ЛСД.
Откуда же такая благосклонность,
что сопровождала сей квартет везде?
Так начинался европейский бизнес-план
по сращиванию нарко-шоу-бизнеса,
так появился мафиозный клан,
приведший на эстраде к шоу-кризису.

404.

Оптимист-мичуринец мечтает,
что шавку в бультерьера превратит,
напрасный труд невежды-звонаря —
ни благодарности не будет, ни наград.

405.

Смешным иль жалким выглядит тот факт,
что с осознанием, а не просто так
все люди платят бешеные бабки
за элитные семян сорта
иль за породистость скота,
и только с человеками играют в прятки.

406.

О человеке, как и обо всём народе
легко судить по украшениям,
не в них ведь кроется порода,
не в них людское вдохновенье.

407.

Славянорусич вроде бы в накладе
в сравнении с евреем иль цыганом:
не так корыстен и не льнёт к наградам,
но душу не уступит чистогану.

408.

Религии медоточивостью манят,
откуда же анафемы берутся,
и отчего они между собой грызутся?
В их мёде кроется змеинный яд.

409.

Жизнь человека мерится годами,
а жизнь народа — тысячами лет,
лишаясь исторических примет,
мы жизнь свою скукоживаем сами.

410.

Россия — часть Европы? Ха-ха-ха!
Возможна ли нелепей чепуха?
Была Британия владычецею мира,
теперь скукожилась до островка,
судьба рабовладельца не прочна,
где её бывшие мощь и ширь?
Европу разместит одна Сибирь.
Европа — часть России. Это точно!

411.

За творческой удачей я в столицу
готов был безоглядно устремиться,
но вдруг любовь попутала все карты,
я начал сызнова творить судьбу с азартом,
в провинции довольствуюсь мечтой
украсить место, как и граф Толстой.

412.

Кто дал право уступать лжецам,
не обличать их ложь и клевету?
Кто дал нам право давать волю подлецам
и подпускать к себе их за версту?

413.

Как любит шешура собой гордиться,
как пичкает собою Интернет,
стремясь оставить на страницах
всемирной паутины мышинный след.

414.

Живя в убогости духовной,
обуреваясь страстью неуёмной,
публичники штурмуют объектив,
стремясь за хвост удачу ухватить.

415.

Человек без книги — как без крыльев птица,
как без них к высокому стремиться;
библиотека — это стая вещей птиц,
с ней мыслям нету никаких границ.

416.

Нам вдалбливают с детства диетологи,
что наиболее полезнее всего,
какие блюда наиболее дороги,
как быть рабом желудка своего.
С белковой пищей тут совет особый,
в подборе блюд глядеть всем надо
в оба,
хоть рыба хороша, но мясо лучше,
особенно говядина, ведь с ней получишь
белки, подобные людским, конечно.
По логике такой — не лучше ль
человечина?

417.

Двадцатый век дал Богочеловека Ганди,
освободившего свою страну от рабства
без пушек, без стрельбы — во имя братства,
но селекционеры от великой банды
его династию обрезали под корень,
ведь Индия в союзе с СССР
могла достичь могущественнейших сфер,
к которым путь Махатмою проторен.

418.

Русы не раз проявляли свою
«православность»:
в семнадцатом, когда обязательность
служб отменили,
молились лишь девять процентов,
иные — свалили,
ведь тысячи, тысячи лет у русов
свои были боги,
которым до сих пор обязаны многим.

419.

Конфессии все при боге едином
дробятся и колются, как чурбан на поленья,
которых уже не собрать воедино,
/православные — католики, шииты — сунниты/.
Какая же дьявольщина в религиях скрыта?
Отгадка простая: причина — не в Боге,
в корысти служителей, в их душах убогих.

420.

К духовности я с юности тянулся,
черпал её из книг, где только мог,
порой читая до потери пульса.
Каков же ученичества итог?
Из Библии узнал, что праведником был Лот,
но дочерей своих он обрюхатил,
что Сарру Авраам, свою жену,
сдавал Авимелеху на прокат за скот,
так патриарх крепил свою казну,
а Соломон до тысячи довёл
наложниц всяких и законных жён,
все в жизни наслаждения прошёл,
но был болезнями вконец сражён,
всё повторяя напоследок неспроста:
«Всё — суета сует и всяческая суета».

421.

Над нами — море Дирака, вакуум, пустота,
как понять, что из точки его любой
могут вспыхнуть миры и увлечь за собой
миллионы звёзд, миллионы планет..
У меня этому чуду объяснения нет.

422.

Даже самой глупой пичужке
удаётся и свить гнездо, и песенки петь,
у людей же, самых умных, не получается,
чтоб и в работе гореть,
и ладить с подружкой.

423.

За миллионы лет над планетой
прошелестело восемьдесят миллиардов жизней,
за годы цивилизации было много песен напето
больше всех — над моей Отчизной.
Хотелось, чтобы песни звучали
ныне и те, что созданы изначально.

424.

Так кто же — Вавилонская блудница?
А это же секс-символ наших дней.
Чем больше лоска введено на лицах,
то тем ничтожней души и темней,
ведь кайф для них — как для свиньи корытце.

425.

Хеопса пирамида столь огромна,
что разорила даже фараона,
пришлось ему заставить свою дочь
собою торговать, чтобы отцу помочь.

426.

Что человек о себе бы ни мыслил,
как бы ни тешил себя суперменством,
он — лишь листочек на дереве жизни.
Листва ж — удобрения средство.

427.

Общественный разврат, увы, не переборешь,
ведь проституция всегда в фаворе,
ведь изначально много тысяч лет
в людских стадах царил промискуитет.

428.

Масон, революционер, космополит
по сути глушат архетипы на корню,
а на словах несут бредовую фигню,
хотя романтиками могут быть на вид.

429.

Никогда к детективам
Не лежала душа,
За подобное чтиво
Не отдам ни гроша.

430.

Когда наступит судный день
и стребуют с меня отчёт,
я предъявлю ответный счёт:
кто мне оплатит за учење
о почечно-сосудистой системе,
его в науку внёс я в своё время,
оно способно медицину обновить,
но до сих пор оно — в забвеньи,
к тому ж, за мой полувековой труд
обязаны мне недодачу возместить
в любом приемлемом формате,
покамест, не дай боже, вдруг
у нас тут не дошло до мата.

431.

Питание — процесс четырёхактный,
макдональдсом его не заменить.
Сначала пищу надобно добыть,
проголодавшись, следуя природе,
потом готовить сообща стараться,
и под конец, вкушая, наслаждаться.

432.

Синдром «усталых бизнесменов»
приводит к импотенции деляг,
но разве бизнесмен дурак?
Деньжат накопит непременно
не только, чтоб безбедно жить,
но чтоб и импотенцию лечить
престижной вытяжкой старинной
из половых желёз тигриных.

433.

На клубок из пряжи схожа наша жизнь,
и три богини властвуют над ней,
одна прядёт, другая мечет жребий,
а третья обрывает вереницу дней.

434.

Судмедэксперта часто
называют — хирург,
но различен их труд,
он лишь трупных дел мастер.

435.

На железном столе пред тобою — покойник,
сколько зим, сколько лет он потратил в погоне
за конечным желаньем, за конечной мечтой,
но познал неожиданный крах,
и теперь он — никто.
Что же делал вчера на заветной земле
этот бывший жилец,
а сегодняшний прах?

436.

Как вилок у капусты — грудь пружинисто с хрустом
вскрыта — скорбный обряд люди чинно творят.
Кем он был, а кем стал, кто с кого теперь взыщет?
Судмедэксперт в аннал своё мнение запишет.

437.

Стол людей собирает,
стол людей разделяет,
мест всегда за столом не хватает на всех,
вот откуда всё зло, вот откуда весь грех.

438.

Вот застолье Лукулла, ему нету конца,
реки вин, горы блюд, гости шумно ликуют,
а девчонки танцуют среди острых ножей,
а когда кто-нибудь есть не может уже —
сам себя выручает — очищает желудок,
есть садится сначала, а рабы подают,
а рабы подают ему новые блюда.
Чем роскошней пиры, тем разнузданней Рим,
тем сильнее у рабов гневом полнится грудь!
И на тайных вечерах, скромных трапезах люд
стал выковывать веру и спасения путь.

439.

Гиппократ — семнадцатый в династии врачей,
пример того, как множатся дела из рода в род
и ширятся из поколения в поколение,
ведь только в эстафете знаний и свершений
доходят до божественных высот.

440.

Любая истина — стара, как мир,
но ценится не истина, а кайф,
и люди устремляются на пир
в объятья праздных игрищ и забав.
А истины меж тем гласят о том,
что жизни смысл совсем в ином,
не в удовольствиях, не в праздности, не в лени —
в раскрытии талантов, в их свершеньях.

441.

Человек начал спорить с богами
в тот же час, когда выдумал их,
недоступных, коварных и злых.
И сумел он сначала похитить
с грозовых облаков огонь,
потом небо отнял у богов,
а теперь — и за сердце в ответе,
и не сходит дума с лица,
мудрено ли делать сердца?

442.

Человечья крылатость
проржавела от лжи,
зудят в уши ханжи,
в том цари виноваты.
Ими сгублено было
много русских затей.
Ещё помнят, как встарь
смерд Никита взлетел
на содеянных крыльях.
Христианский наш царь
Иван Грозный со свитой
зрил на смерда Никиту,
и когда, приземлившись,
тот на ноги смог встать,
царь Иван разозлился:
«Нам летать не годится,
человек бо — не птица,
крыл ему не имать.
Сию дьявольску штуку
сжечь огнём, а Никитку
аки пса обезглавить,
бросить свиньям в корыто
и следов не оставить —
буде смердам наука!».

Модель человеческой личности. Наверху – «Сверх-Я», в середине – «Я», внизу – «Оно»

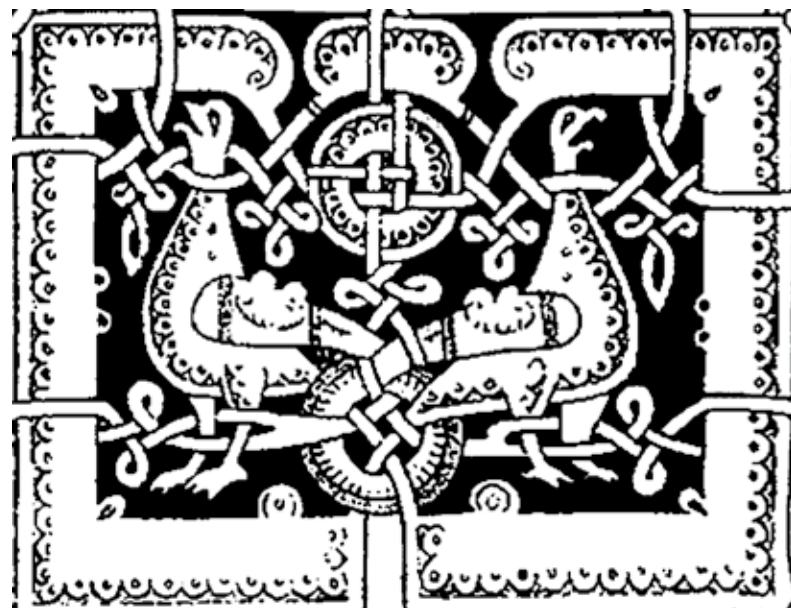
От царя куда деться?
(То же дется ныне).
И никиткино сердце
жадно счавкали свиньи...

443.

Надо в жизни всегда
соответствовать роли
той, которую дал
нам талант (или доля!).
И всегда, и во всём
помнить лишь об одном:
что во что ты посеешь,
то зато и пожнёшь.
Если сил не жалеешь,
выдаст золотом рожь!

444.

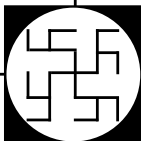
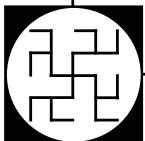
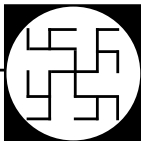
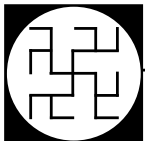
Смартфон, компьютер, интернет...
Чем человек ещё прославится?
Реальной жизни почти нет,
жить виртуально больше нравится.

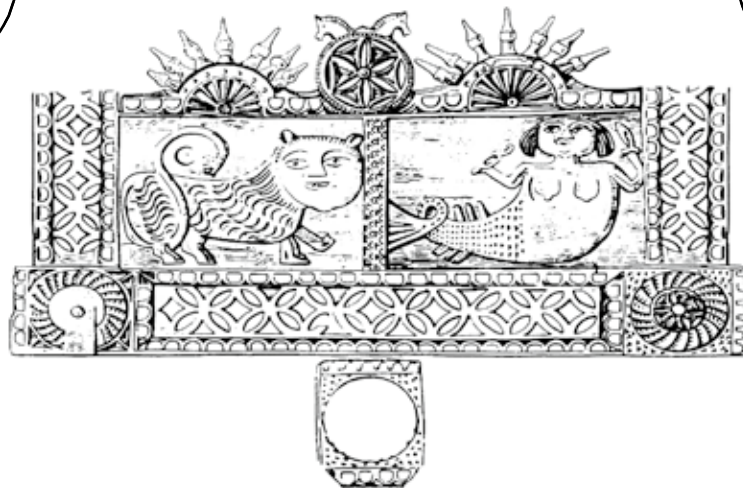

**РОССИЯ -
ЛЮБОВЬ МОЯ**

*В огне родная Земля
(Община «Родолюбие»)*

С шальной Россией лучше в мире жить

445.

В борьбе с Россией потерпевши крах,
уже немало зарекался враг:
«С шальной Россией лучше в мире жить».
Но всякий раз зарока рвётся нить;
врагу всё кажется, что стоит лишь добыть
дубину поувесистей, покрепче —
успех в войне с Россией обеспечен:
ну, кто не знает, русский ведь мужик
так не хитёр, так прост и добродушен,
что хоть верёвки из него вяжи...
Но все ли знают, что солдат он — лучший?!

446.

С времён войны прошло годов немало,
где шли бои — раскинулись поля,
но память о погибших не пропала,
но раны до сих пор ещё болят.
Кто в восемнадцать лет вступал в войну,
из каждой сотни выживало трое...
Не воскресить погибших, не вернуть,
остались навсегда на поле боя.
Мы сохраним навеки узы братства,
большая сила — в братстве боевом,
мужская дружба — верное богатство,
крепилась она кровью и огнём.

447.

Мы защищали Сталинград и этим,
наверно, всё сказано уже,
мы были выше жизни, выше смерти —
стояли на священном рубеже.
Сто тысяч бомб и миллион снарядов
обрушил враг на стены Сталинграда!
Горело всё кругом: земля горела,
на выступах обрушенных домов
горели трупы...
Бомбы вновь летели —
всё полыхало с новой силой вновь.
Нефть из разбитых баков вытекала
сначала чёрной, потом огненной струёй,
стекала в Волгу — и река пылала,
воспламеняя небо над собой...
Сто тысяч бомб и миллион снарядов
обрушил враг на стены Сталинграда!
Горело всё кругом: земля горела,
горела Волга, мать вся Русь...
Но были — мы! Мы, русские, сумели
не только выстоять, но и врага сразить!

Русский воин (фрагмент иллюстрации В. Макарова)

448.

Под Сталинградом всем уж ясно было,
что мы не только выстоим в борьбе —
всему фашизму перебьём хребет,
в развязанной войне — его могила.
Тогда-то враг пустился в дикий раж,
пытались тщетно пьяные команды:
«Пантеры», «Тигры», «Фердинанды» —
в психических атаках взять реванш,
но выходило всё ещё плачевней:
врага поближе подпустив к себе,
в упор встречали мы огнём прицельным —
и дым взмывал от «Тигров» до небес!

449.

Врагу всё кажется, что стоит лишь добыть
дубину поувесистой, покрепче —
успех в войне с Россией обеспечен:
ну, кто не знает, русский ведь мужик
так не хитёр, так прост и добродушен,
что хоть верёвки из него вяжи...
Но все ли знают, что солдат он — лучший!?
Дубьём или мечом, или ружьём
врага крушил, не мудрствуя лукаво,
случалось, что иной раз — кулаком
со свистом он орудовал на славу!
Так, Кравченко, гвардеец, старшина
на тракторном заводе в Сталинграде
однажды, пробудившись ото сна
и выпрыгнув на улицу с окна
почти что без одежд, без автомата,
вдруг оказался с глазу на глаз с фрицем,
вооружённым с головы до пят,
(ведь надо же такому приключиться!)
«Ах, растудытвою», — успел сказать солдат
и врезал фрица кулаком по каске —

враг замертво к ногам его упал...
А Кравченко же после этой встряски
и осторожней, и умнее стал.

450.

Погибшим — память, честь, живым — хвала,
пускай подольше поживут живые,
пусть множат свои мирные дела
и пусть хранят заветы фронтовые.
И если навестить спешит отца
на день Победы сын, то пусть с собою
ещё прихватит внука-молодца,
и пусть застолье отмечают трое.
Припомнят старшие, как вместе воевали
в одной бригаде и в одном строю,
как танки повреждённые спасали,
не думая, как жизнь спасти свою,
и пусть застолье это дольше длится
в беседе неторопкой деловой,
чтоб каждый мог общением насладиться
под нерушимой крышею родной.

В.П. Гребенюк

451.

Когда ночью не спится
одинок в тиши,
всех царей вереница
предо мной мельтешит,
все — нерусские лица,
все — нерусской души.
И совсем не боюсь я,
что открою секрет —
больше тысячи лет
чужаки правят Русью.

452.

Как унять грусть свою?
Хоть во сне бы забыться,
встретить там Гамаюн,
вездесущую птицу,
лишь она только сможет
правду всю рассказать
об истории русской,
о Словене и Русе,
города основавших
тысяч пять лет назад
и державу создавших
от седого Поморья
вплоть до устья Оби
и до Чёрного моря.
Разве можно забыть,
что держава славян
была первой в Европе,
что славяне смогли
и межи сохранить
своей отчей земли,
и в далёких походах
среди множества стран,

среди многих народов
свою власть утвердить,
а с ней — знания, опыт
и письмо, и ремёсла.
Русы тысячи лет
просвещали весь свет.
Слава русичей — костью
в еврозападном горле,
в нём — дыхание спёрло
от досады и злости.
Лишь за чтение «Сказанья
о Словене и Русе»
«благодетели» русских
из кобыльего рода
и кололи глаза им,
и язык вырезали!

Больше тысячи лет
идёт травля славян,
стал изгоем в России
кровнорусский Иван.

Сколько ж можно терпеть
царский гнёт вековой,
свой позор роковой,
сколько можно бояться
наказаний Христа?
Час давно уж настал
захотеть и посметь
с чуждым богом расстаться
и вернуться к родным
древнерусским богам,
к родокровным вождям,
верным быть им одним,
им одним поклоняться!

453.

Я судить не могу,
обвиня славян,
не способных хранить
честь и веру свою,
не сумевших в бою
предпочесть умереть,
но не сдаться врагу.
Осуждать предков всех
в малодушии — грех.
Пришли к церкви славяне
не по воле своей,
ведь из них перебита
была лучшая треть,
но сие злодеянье
почти всеми забыто.
Мир славянский простил,
как Владимир крестил
непокорную Русь,
как сжигал он волхвов
и писания их,
как крушил он богов
вместе с храмами их,
на кострах, на костях
насаждая Христа.
Так на русской земле
вместо солнечных свастик
в схоластической мгле
зачернели кресты,
так палач всей Руси
стал славянским святым.
Разумеется, в святцы
палачей имена
заносились не тотчас,
но за тысячу лет
и злодейств, и геройств
затеряется след:
кто-то что-то припишет,
перепишет не так,
кто-то истину скроет,

кто-то нагло соврёт,
и глядишь, превратятся
в черноту — белизна,
в благодетеля — враг,
станет русским — варяг,
церковь станет — святою,
а романовский род
станет русской судьбою.
Через церковь напасть
от кобыльего рода
душегубов порода
навалилась на нас.
Алексея царя,
хоть он звался Тишайшим,
забывать не резон,
ведь «прославил» свой род
крепостничеством он.
Стенька Разин не зря
смог поднять весь народ
против подлых господ.
Пётр пошёл весь в отца,
хоть тишайшим и не был,
из мальчика-удальца
реформатором стал,
но радел не о хлебе,
чтоб голодных кормить,
он в Европу окно,
напрягаясь, рубил
и дворцы заодно
на костях возводил.
В разорительных войнах,
в подавляемых бунтах
царь четвёртую часть
населенья сгубил.
Не за это ль Петра
величают Великим?
Иль за то, что он с шиком
обеспечил в России
лож масонских засилье?

454.

Царь трудился не зря,
в крови нашей бесспорно
до сих пор что-то есть
от раба, от царя.
А главное того,
что в элитной среде
до недавних времён
лишь четыре процента
было русских всего.
Не найти прецедента,
чтоб великий народ
среди прочих людей
где-нибудь на планете
имел чуждых господ,
вечно был устранён
от решенья проблем,
судьбоносных дилемм.
Потому-то господским
был не русский язык,
как когда-то — французский,
и как ныне — английский;
не мог русский мужик
быть хозяином в русской
уникальной стране,
с миром жить наравне
и не знать понуканий,
поучений, насмешек;
их он слышал веками,
слышит их и поныне,
будто он — вечный грешник.

455.

Сотни лет Петербург
утверждал своё имя,
не страшась грозных бурь,
шёл путями своими.
При Петре — была крепость,
а потом — и тюрьма,
ум и совесть России
в ней надёжно хранились;
как царям всем хотелось
ум под зад свой подмять...
Под романовским гнётом
с крепостною уздой
русич в вечных заботах,
в непосильных работах
жребий нёс роковой.
Таким образом долго
вёл селекцию царь,
выживали в дворцах
лишь коварство и подлость
да немая покорность,
да бесстыжая лесть...

456.

Да, красив несомненно
гордый город Петра,
но как раньше Евгений
посмел статуе вызов
в возмущеньи послать,
я готов повторять
то же снова и снова,
но не из-за каприза —
Пётр — виновник утрат
нашей русскости древней,
он свой город суровый
заложил здесь не зря —
чтоб на русской земле
насаждать всё чужое,
для Руси от царя
нет деянья подлей.

457.

Не запомнить всех бед,
не измерить их чем-то.
Сколько ж можно терпеть?
При крещении — треть
уничтожено русских,
при Петре — одна четверть
населенья страны.
План масонский стал круче,
его Ленин озвучил:
«К девяноста процентов
геноцид довести».
О таком прецеденте
всем известно давно —
с открыванья Америк.
Там индейцев сгубив,
овладели страной
с минимальной потерей.
Нет людей — нет проблем,
это ведомо всем.

458.

Катерининский век
«Просвещённым» прозвали,
оттого ли, что блуд
стал всеобщим в стране?
Ведь и правда при ней
блядства не было горше,
оттого гнёт монарший
тяжелей был вдвойне.
В блядоблудстве Великом
императрица-немка
просвещённой слыла
и в толпе многоликой
ухажёров-мужчин
ненасытной была.

Путь во власть и к богатству
был один — через блядство.
И опять на Руси
взбунтовался народ,
терпеть не было сил
непотребство и гнёт.

459.

Бунт — цена «просвещения»,
бунтари — отражение
самодурства господ.
Стенька Разин, Булавин,
Емельян Пугачёв
приходили не зря,
не случайно, не вдруг,
каждый шёл на царя,
не жалел ни о чём
и не думал о славе.
На Руси бунтарей
было больше царей.

460.

Хоть от партии бог
мою честь уберёт,
хоть расстался уже
с комсомолом давно,
но марксизм — как идея
коммунизма — в душе
всё ещё был в законе.
Каково же узнать,
что марксизм-ленинизм —
лишь масонства синоним?!
Тут и впрямь — не до сна
от вранья иудеев,
свой былой оптимизм
сохранить мудрено...

Заглянуть во вчера,
в позапрошлые годы —
не пустая игра,
получается вроде
намеренья пройти
через минное поле,
под угрозой — вся жизнь,
захандришь поневоле.
От сомнений и дум,
невзначай на беду
захлестнувших меня,
становилось в душе
горше день ото дня.

461.

Если в первое время
своего становленья
Петербург слыл окном
из России в Европу
(Высший свет стал завзято
сквозь оконце глядеть,
по-французски гундеть),
то уж в веке двадцатом
стал двором проходным
из Европы в Россию,
куда ринулся скопом
сброд еврейских кровей:
социал-сионисты
и сионо-бундисты —
одним словом, бомбисты,
палачи всех мастей,
возжелавшие кровью
всю Россию залить,
только так подчинить
можно русичей снова.

Вот — и новый Владимир
со словами благими,
и картавинка вновь,
снова — пламя и кровь.
Большевицкая каста,
разделивши народ
на своих, то бишь красных,
и на белых господ,
чтоб дорваться до власти,
лбами стравливать стала
во вселенской грызне
и в резне небывалой
всех «хороших» с «плохими»
в общей отчей стране,
жаром войн опалённой.
И опять все славяне
слепо, словно бараны,
в скотобойне сошлись,
вновь — на смерть, не на жизнь.
Пятьдесят миллионов
стали жертвой картавых,
не за честь, не за славу,
не за цельность земли —
за масонскую власть
в свою землю легли.

462.

Нет случайностей в мире
ни во зле, ни в добре,
коль народ от кумиров
отказался своих —
получает чужих
и богов, и царей.

463.

От человека-зверя к Богочеловеку —
в такой проекции начертан путь людей,
но так ли шёл он век от века
и стал ли он духовней и умней?

464.

Обрушен СССР по плану Даллеса и Кейси,
а также Шлейфера и Хея
и ими же посажены евреи —
Ельцин, Горбачёв, Гайдар, Чубайс —
вселенская афера началась;
страна разграблена до нитки,
в два раза, чем в войне, убытки,
но дерьмократы до сих пор смеются,
когда о заговоре заходит речь,
пускай смеются до тех пор, пока наткнутся
на обоюдоострый русский меч.

465.

Японская война и большевистский бунт,
война 14-го и путч большевиков,
гражданская кровавая резня,
майдан иудодемократов девяностых —
все эти беды в рифму не загонишь,
потерь российских не вернёшь,
несчастий всенародных не забудешь...
Никто, никто такого бы не вынес,
и ни страна, и ни народ,
а ярых русичей, как птицу Феникс,
ни ненависть, ни пламя не берёт.

466.

Фашисты лебенсборны-инкубаторы открыли,
чтоб расу высшую создать,
среди пяти десятков тысяч гитлерят
в пять раз более явилось дебилов.

467.

Десять миллионов староверов
поразбредись по всей планете,
для России тяжкая потеря,
горше для страны, пожалуй, нету.
Честь, духовность староверов —
это генофонда золотой запас.
Как вернуть его для всех для нас?

468.

В истории России был лишь миг однажды,
когда заняли русские высокие посты,
для титульного этноса это было важно.
Впервые русских к власти Сталин допустил.

469.

Ра-река — это Волга-матушка,
широка она, глубока,
с нею в паре струится Дон-батюшка,
они связаны всей судьбой навека.
Здесь рождалась и крепла Русь,
здесь возник всенародный союз.

470.

Обь — великая, двухрукавная,
не зря в устье возник священный Асгард,
здесь лелеют мечту стародавнюю
среди многих лишений и многих утрат
во славу русичей, во славу Отчизны
скорей возродить столицу ведизма.

471.

Было убито тысяч пятнадцать
/каждый день по четыре бойца/.
Это Афганистан.
Присвоено свыше двухсот тысяч
наград храбрецам.
Это Афганистан.
Семьдесят один героями стали,
слава их матерям и отцам.
Это Афганистан.

472.

Я как художник ощущаю всею кожей
и всеми фибрами души моей
всю фальшь картин о благодати божьей,
о прославленьи политических вождей,

473.

Из всех искусств лишь живопись, скульптура
являются наивысшим мастерством
и воплощают всеясветную культуру
в теснейшей связи с человеческим естеством.

474.

Если б мне доверилась страна,
я бы смог улучшить ситуацию,
запретил бы лицам чуждой нации
косить под русских в именах
лишь для того, чтобы во власть
смогли успешнее попасть,
ведь больше десяти веков
Россия бедствует под властью
чужаков:
хазар, варягов и татар
и это первый лишь удар,
а после шляхты и Романовых —

власть чужаков в России заново,
а под конец — путч большевиков
и дерьмократовский майдан.
Когда же к власти русичи придут, когда?

475.

Древнейшие искусства —
умение любить и убивать,
в искусстве убивать земляне
преуспели,
в любви ж прогресс заметен еле-еле

476.

Гайдар-дедушки дорвались-таки до власти
в неприкаянном семнадцатом году,
для России большего несчастья
не могло явиться и в бреду,
геноцид с невиданным злодейством
утопил всех русичей в крови,
прикрываясь маской фарисейства,
кликали к гуманности, к любви,
а когда, вконец себя обгадив,
потеряв доверие и власть,
запросили для себя пощады,
чтоб под суд суровый не попасть.
И тогда, как чёрт из табакерки,
заявилась другая власть,
гайдар-внуки ею овладели,
захватив узды правленья без примерки.
Гайдар-внуки, взявши на поруки
Гайдар-дедушек,
гнездо в России свили,
ещё больше бедствий натворили.

477.

Костровой Отчества

Посвящается Валентину Распутину

Мы с болью неспроста
встречали девяностые,
страна распалась без войны,
а кто-то хохотал
над картою страны,
разделанной под тушу
поэтом-остряком бывалым,
продавшим свою душу
не только ради славы.
Но всё прошло с тех пор,
развевлось как дым:
кашунство над святым
и злобный смех, и ор.
Совсем не помня зла,
познавшей в девяностые,
Россия приняла
поэта на погосте.
Стерпев лета лихие,
Россия поднялась,
случалось так не раз,
ведь были костровые
и сёл, и городов.
Любой из них готов
отдать и жизнь, и силы
жила бы лишь Россия.

478.

Сколько помню себя, только книга
была лучшей моей подругой,
нет заветней счастливого мига,
как новинка нырнёт в мои руки.

479.

Имя, может быть, для каждого дороже,
чем все иные ценности его,
звучанье имени всегда умножит
значение пребывания своего.

480.

Хоть я заядлый спорщик по натуре
и оппонентов фактами разил не раз,
я знаю, спорить не культурно,
ведь споры унижают нас.

481.

По тропкам пряным, по дорогам прямо,
по сёлам, городам — вперёд, вперёд
баян шагает и поёт. Поёт
заливисто, задорно, звонко, рьяно.

По дереву он мыслями течёт,
он — волком по лесам, орлом — над храмом,
он по земле, как человек, упрямо
сквозь мглу и ливни с песнями идёт.

Проходит по опушке не спеша
и делится теплом мелодий щедро
с берёзкой нежной и с могучим кедром,
весь нараспашку — русская душа!

Поведай же, баян, душой своею,
о чём молчат тасхылы на ветру,
о чём шумит волна на Енисее
и шепчут сосны в шушенском бору.

482.

Да, божественен звук у органа,
скрипки тоже весьма хороши,
спору нет, но для русской души
ничего нет милее баяна.

За границей пускай человек
пред баяном не сбавил спеси,
ворвались в ракетный век,
как ракеты, русские песни.
Задушевной песней баяна
каждый лист и былинка воспеты
и снежинки в сугробах согреты
задушевною песней баяна.
Тесно песням в груди у баяна,
прикоснёшься — вспорхнут они стаей,
покружившись над отчим краем,
вновь вернуться на кнопки баяна.

483.

Мне спросить бы у баяна,
где берёт он силу звука,
чёткость маршевого ритма,
удалые обороты...

Всё дала ему победа,
её славные «катюши»,
её дерзкая пехота
и тачанок бег лихой!

484.

Дайте мне скорей ответ,
так бывает или нет?

Он и толст, и тяжёл,
но мне с ним хорошо,
где ни повстречаемся,
там и обнимаемся.

485.

Отчего загрустил баян,
отчего тоскует и плачет,

отчего так печально и нам?
Вспомнил прошлое, не иначе.

486.

Балалайка, балалайка —
гриф с ладами, три струны,
просим все: а ну, сыграй-ка,
все в тебя мы влюблены.
Три струны, а сколько песен,
сколько удали в тебе.
Мир от песен твоих тесен,
ты — лекарство от всех бед.
Если горе в дом ввалилось
и швырнуло всё вверх дном,
не сдадимся мы на милость
ни сегодня, ни потом.
Балалайка, балалайка,
нам в несчастьи помощи,
развесёлую сыграй-ка,
чтобы плакали враги.
Ну, а если стороною
вдруг моя пройдёт любовь,
горя своего не скрою,
три струны помогут вновь.
Балалайка, балалайка,
мне в несчастьи помощи,
развесёлую сыграй-ка,
чтобы плакали враги!

487.

Вокруг природа оживает,
весна идёт, всё заливая,
водой и светом; в край из края
летит певцов весенних стая;
снег уж с полей под солнцем стаял;
искрясь и весело играя

с лучами солнца, напевая
весны мелодию, без края
струится лента голубая;
густая травка молодая
из тучной почвы прорастает —
весна в права свои вступает...
Ликуй же, здравствуй, утро мая!

488.

Ушиблась девочка слегка,
собралась плакать, но вокруг
нет никого, хоть плачь, и вдруг
заулыбалася: ха-ха.

Настала юность, расцвела
девчонка розою, и с ней
сдружился крепко звонкий смех,
но вдруг её подстерегла
любовь, прекрасный новый мир
ещё неведомых утех!
Сиял не долго ей кумир...
Заглушит пусть измену смех!
Смеясь сквозь слёзы: ха-ха-ха
(кто горечь едкую уймёт?),
она сказала: «Чепуха,
и эта рана заживёт.

Придёт в конце ли смерть-карга,
иль я приближусь к ней с клюкой,
ворвётся в мертвенный покой
моё последнее ха-ха!».

489.

Во главе с доезжачим
злойной стаей собачьей
в своей алчной корысти
ждут сигнал конформисты.

490.

Латыши обиделись на Ленина
И на всю разэтакую власть:
обещаний дадено немерено,
заплатили ж махонькую часть,
а они ведь крови не жалели,
и она вокруг рекой лилась,
Где же справедливость в самом деле,
и попанствовать не дали всласть.
А ведь если б не Латышские жёсткие стрелки,
заимели б «галстуки Столыпина» все большевики.

491.

Как сбирались к реке Енисею
да молодушки-утушки белые,
горевали они, причитали они,
ох, ты горькая долюшка женская.
То ль за батюшкино согрешение,
то ль за матушкино немоление
горюч-камнем на грудь навалилася,
ночкой тёмной на нас опустилася.

492.

Я с Южного Буга ушёл в Забайкалье,
потом с Енисеем сдружился,
и как Енисей с Ангарою певучей,
я с женщиной ласковой слился.

493.

Тяжёл ли груз восьмидесяти лет?
Для Пушкина на это нет ответа.
Я ж только в этом возрасте добыл секрет,
Как хорошо — как можно дольше жить на свете.

494.

Служить богам чужим есть рабство.
Чрез христианство, мусульманство
рабовладенье ширилось веками,
оно довлеет до сих пор над нами.

495.

Путём Прави русичей вели волхвы когда-то,
а нынче девок водят за бугор
всесущие на свете рахдониты,
налажен, сказать можно, крестный ход —
почти полсотни тысяч девок в год;
в России жить по средствам трудновато,
валюта замутила девкам взор.

496.

Иудодемократы величают
секс-символом себя, своих подруг,
у нас же на Руси все знают,
так называли блядунов и шлюх.

497.

О, Солнце, бог и отец божественный мой,
дай силы, здоровье в жизни любой,
чтоб в жизни я смог завершить
всё, что завещано мне тобой.

498.

Привстаёт за цыпочки подсолнух,
тянется в сиящую высь,
каждым зёрнышком своим весомо
утверждая: бесконечна жизнь.
Юность, никогда не умирая,
к солнцу обращается лицом.
Ей нести по солнечному краю
эстафету дедов и отцов.

499.

Что такое счастье в написаньи слова?
Звуковые смыслы в нём — сей-ЧА-с и С-ЧА.
Слышны в них отголоски внутреннего зова,
чтобы ЧА-энергию в сей момент
за-ЧА-ть.

500.

Что такое русский дух?
Несёт его в себе ведун,
наставляет на путь Прави,
на путь доблести и славы.
Что такое русский блин?
Это Солнце в поднебесьи,
это радость, это песня,
средство вылечить свой сплин.

501.

На Западе празднует бал
потребительство, практицизм,
на востоке — я бы сказал —
коллективизм, мистицизм.
Россия могла бы их сблизить немножко,
став между ними златою застёжкой.

502.

Заразили медицину демократы-торгаши
очень нехорошою болезнью,
ей не надо бы так мерзостно грешить,
ведь теперь же ей, хоть тресни,
свою хворь не излечить.

503.

Необъятны просторы России,
неизбывны богатства её.
Русь издревле духовные силы
не растратила в сердце своём,
оттого и святою зовётся,
оттого и судьба не проста;
пусть пребудет её чистота
и сторицей в душе отзовётся.

504.

Россия, кто тобой только не правил?
Братоубийцы, самозванцы,
даже проститутка...
Все — иностранцы, что представить жутко,
а ещё — и палачи, и трепачи...
Кто только твою долю не кровавил?

505.

«Евреи погубят Россию», — Достоевский писал,
«Пусть сильнее грянет буря», —
Горький к бунту призывал
и всешкурно помогал.
Оба — писатели русские
и при том знаменитые,
оба — до сих пор незабытые.
Как же можно на фоне миллионных утрат,
чтобы в памяти чтился у нас — Герострат?

506.

О как же был Михайло Ломоносов прав,
когда герр-Миллеру расквасил морду
за то, что о России подло врал
в своей «Истории...» Петру в угоду.

507.

Я знаю, год тот недалёк,
когда Россией русич будет править,
когда объявится седьмой пророк,
чтобы народ от чужебесия избавить.

508.

Ладонь подставить к стопам младенца до упора,
и он продвинется вперёд на животе,
а после в жизни он осилит даже горы,
стремясь к своей возвышенной мечте.

509.

Конфликт «отцы и дети» — на уровне инстинктов,
когда половозрелости достигнут дети
в первобытном стаде,
начнётся конкуренция за самку, за самца,
а в этом — лишь родители преграда,
и чада «прут на предков» до конца.

510.

Иудоевропейцы на протяжении десяти веков
старались-тужились гнобить великорусов,
надеясь при политике такой,
что русичи в конце концов прогнутся.
Ни путчи, ни революции, ни войны
сломить великорусов не смогли,
встречая испытания достойно,
они себя навеки сберегли.

511.

Славяне Польши, Украины,
как самые завзятые враги,
накинулись на русских ныне,
пожертвовав самым дорогим —
славянской общностью единой,
нетленной славою былинной...
Неужто можно без оглядки жить,
врагам осознанно служить?

512.

Американцев благодарствуем сердечно
за то, что Киев замайданили вслепую,
надеясь Крым приладить под свой флот,
а в результате нами Крым навечно
в крепость превращён будет морскую,
Россия статус свой хозяйки обретёт.

513.

Поляки мордовали Русь не раз,
в обоих войнах шли на нас,
надеясь возвернуть шляхетский лоск,
удовлетворить завышенный запрос,
ради чего евреям потакали,
у янков нынче службу рабскую снискали.

514.

На взрослых молодёжь взирает свысока,
отжили, мол, пора угомониться.
Откуда знать подростку, что творится
в глубинах чувств и мыслей старика?

515.

Я иду по Земле,
я по снежной иду белизне,
а снежинки хрустят,
а снежинки грустя,
обращаются тихо ко мне:
Защити, Человек!
Сохрани чистоту первоснежья,
не забудь, Человек,
что за Землю в ответе лишь ты!
Не забудь же вовек,
что в поступках твоих и в одежде
ничего нет нужней чистоты!

516.

Расправа с путчем
и с венгерским Горбачёвым — Имре Надем
заклеймена в сознании людей,
но вместо возмущенья — разобраться надо
и оценить весь путчинский трофей:
почти две сотни тысяч автоматов
и более трёх тысяч пулемётов,
гранат — до чёрта, сорок злобных пушек...

И даже здравый ум не нужен,
чтобы изведать, чьи торчали уши.

517.

При обороне под Бородино
потери русских оказались больше,
чем у наступающих французов.
По логике войны, потери наступающих
обычно выше в два-три раза.
Бездарность полководца?
А может быть, злой умысел масона?
Ведь и Москву оставил самовольно,
отдав её французам без преград,
и Наполеона выпустил нарочно...
И всё же план масонский не удался,
благодаря стихии русского народа,
который и решил судьбу войны.
А если говорить о полководцах,
то истинными были лишь Суворов
да славянорусич Македонский.

518.

За девять лет при ельцинском правленьи
правительство менялось каждый год,
не может быть тут никаких сомнений,
что чехарда к разрухе приведёт.
Сменились сотни две министров,
пять раз — структура КГБ,
фашисты не смогли так быстро
всей мощью боевой создать России
так много страшных, тяжких бед.

519.

Я у начальства на плохом счету, ха-ха,
и мысли на мой счёт у медных лбов ли-хи,
давно лелею про себя мечту: в сти-хах
воспеть начальство и вернуть любовь, хи-хи.

520.

Один баран другому дал барана
и в люди он с бараном вышел рано,
и вот уже людей пасёт он рьяно,
стараясь превратить их всех в баранов.

521.

Учат нас космополиты,
как всех в мире полюбить,
под идеей плодовой
цель их собственная скрыта —
своевласть утвердить.

522.

Мне Земля — перина, а подушка — камень,
под рукою — хлеб, вода, консервы,
я бы так готов лежать веками,
да уж больно комары жестокосердны.

523.

Где-то позади — восторги, молодой задор,
споры о любви, о дружбе, о свободе.
В свободу я не верю с некоторых пор
и не верю в дружбу, тем более народов.

524.

Путь-дорога зовёт меня в даль
в зной и стужу, и в дождь, и в метель,
чтобы в песнях воспеть магистраль,
новый город и новых людей.

525.

Шёл в медицину, чтоб хирургом стать,
романтика профессии пьянила,
реальность меня быстро отрезвила,
не смог я части тела отсекать,
а позже я узнал не понаслышке,
как часто операции излишни.

526.

Туман, сплошной туман,
и как туман — обман.
Туман выкрал горизонты,
туман выел нашу зоркость.

527.

У моих окошек было много мошек,
птички прилетели, этих мошек съели.
Дни мои, как мошки,
склёваны до крошки.

528.

Сегодня всюду властвует шпана
и на эстраде, и в большой политике,
глагольствует и действует она
вне всяких правил и вне всякой критики.

529.

Среди болотц, среди холмин
уныло стелется мой путь,
лениво я тащусь один,
мечтаю, надо бы свернуть.

530.

Русь моя, небритая, колючая,
как и я колючий и небритый,
Русь моя, великая, могучая,
ты и я в единой доле слиты.

531.

Тайга-кормилица ладонь свою
охотно предо мною раскрывает,
я ароматы, звуки, краски узнаю,
и ненасытная душа вдруг умолкает.

532.

Дождь лил вчера, как из ведра,
на небе не было просвета,
каких обид, каких утрат
мне стоило всё это!

533.

Последние признаки лета
разбросаны, в лужах лежат,
его уже песенка спета —
осенние струны дрожат.

534.

Как много бы отдал я
за то, чтобы юность вернуть,
чтоб свободней вздохнуть,
но, увы, не вернуть даже дня.

535.

Устало часы потянулись,
растягиваясь в сутки серые,
мрачные дни вернулись,
наесли, тоску насеивая.

536.

Люби ты ближнего, как самого себя,
то бишь — живи любя, себя губя —
согласно мудрости Нагорной.
А ближний может оказаться вздорным
или убийцей, или злым врагом,
а заповедь печётся не о том,
чтоб зло нейтрализовать,
напротив — чтоб себя предать.

537.

Примитивизм — это форма искусства,
имеющий право на жизнь,
в нём — непосредственность чувства,
а этим должно дорожить.

538.

Мужики, послушайте бывалого,
я преподам по строгому секрету
вам суперсексуальную диету,
она поднимет вялого, усталого,
в меню должны быть все продукты
от цвета красного до чёрного почти:
вино и овощи, и ягоды, и фрукты.
В них флавоноидов наиболее всего,
к ним морепродукты стоит привнести...
Полезнее их нету ничего.

539.

Две трети СМИ под контролем Америки,
пару дней журналисткой истерики —
превратят Лукашенко в диктатора,
а Порошенко в новатора,
а Горбачёва-Гербера-панибрата
в Нобелевского лауреата.

540.

Душа человека не знает границ,
а личность имеет тысячу лиц,
как отличить лицо настоящее,
чем оно лучше от преходящего?

541.

Пять миллионов беженцев России
чужестранными путями колесили.
Элита с европейцами сдружилась
и среди них, как сахар, растворилась,
и поменяв на шляпы картузы,
забыла быт свой русский и язык.
Такого не бывало прецедента
всё оттого, что со времён Петра
всех русских вытесняли из ядра,
в элите — русских было пять процентов.
А староверы, где б они ни были,
свой быт, язык, культуру не забыли.

542.

Эволюция — как марафонский бег,
со старта кто-то вырвался вперёд,
другие же в конце плетутся.
На финише всё может стать наоборот,
что мы и видим в наш унылый век.

543.

Кто самый певучий народ?
Славянорусы.
Кто имеет самый мощный фольклор?
Славянорусы.
Кто от бездуховности мир наш спасёт?
Славянорусы.
Чей бесконечно звучать будет хор?
Славянорусов.

544.

Человек пребывает в вечном смятении,
шарахаясь между прошлым и будущим,
привычно бывая то негодующим,
то вознёсшимся до головокружения.

545.

Россиян всё чаще грызёт ностальгия
по советским законам, порядку и быту,
продукты хоть есть, но они дорогие,
от КГБ хоть спаслись, как спастись от кредитов?

546.

За год — пятнадцать тысяч уклонистов
не служат в армии России,
и в прошлый год
пятнадцать тысяч слизняков,
гламурных маменьких сынков, артистов
по миру мимо армии носило.
Наверняка Россия проживёт
без бесхребетных, не способных для борьбы,
но что же их, их семьи в жизни ждёт,
ведь никому не уклониться от судьбы.

547.

Сталина «свои холопы отравиша»,
в последний час, когда прижал им хвост.
Встаёт в душе немой вопрос,
придётся ль правду о злодействе нам услышать?

548.

Рая с Мишей бассейн построили в Форосе,
достойный восхищенья, восхваленья,
но главное в деликатнейшем вопросе
случилось с перестройкою мученье,
не с общей, а с бассейновой как раз,

ведь водный уровень бассейна не совпал с морским,
пришлось равнять их и не раз,
страдать с досады и тоски.
Когда же, наконец, всё удалось,
попользоваться бассейном не пришлось.

549.

Идёт по ниве Сеятель с зерном,
заботясь о возвращении пшеницы.
Своим призванием Сеятель гордится,
высокий смысл найдя в труде своём.

Из добрых, тёплых рук зерно ложится
на сдобренную потом и трудом
родную ниву... И она потом
за непомерный труд воздаст сторицей!

Идёт сквозь годы Сеятель вперёд,
бессильны перед ним жара и лёд,
к народу всей душою он стремится.

Ему в ответ признателен народ —
и счастлив Сеятель, и щедро раздаёт
своей души бесценные крупички!

550.

Труби, горнист, сбор!
Бей, барабан, бей!
Готовы и мы в бой
за счастье всех матерей!
Руби, чекань шаг!
Чётче держи строй!
Не сломлен ещё враг,
не дремлет ночью глухой.

Но близок день наш!
Ветер шальной стих!
Победный играй марш!
Свети нам, солнце, в пути!

551.

Неправда, что уходят навсегда
в прошедшее прожитые года —
они уходят в будущее наше.

Ушедший год — лишь будущему дань.
Напомнит время о себе всегда
иль смерти иль бессмертья полной чашей.

552.

Мальчишки столпились у двери,
мечтают они о морях
и хочется им безкозырку примерить...
Дано ли судьбу примерять?

553.

Дерьмократы стырили две трети
всенародно скопленных богатств,
власть назвала непотребства эти
примером социальных государств.

554.

Всё награбленное российских Лукуллов
должно уготовить им его же судьбу,
ведь если они всех нагло надули,
никто не исключит с ними борьбу.

555.

Врач сразу же подметит тонко
следы болезни пациента.
Мужик женился на девчонке —
так это ж признак импотента.

556.

Унылый вид стандартной красоты —
шеренга инкубаторских убожеств,
ведь нету в шоу-бизнесе мечты,
нет божества и быть не может.

557.

Волхвы учили русичей добру,
духовность постоянно повышали.
Ценилась в высшей степени в миру
краса души — её и прививали.
А нынче правит бал сплошной гламур,
который возвышает даже дур.

558.

Жены гламурной век, увы, не долог —
гламурнее всегда найдётся.
Талант супругов очень дорог,
как солнце он — в одном оконце.

559.

Лекарства нету от зазнайства,
его лишь в детстве можно обуздать.
Богатство возбуждает чванство,
так что ли нам богатства отбирать?

560.

В России за последних пять веков
во власти стало много дураков,
ещё и тех, кто гадит на посту,
от них воняет даже за версту.

561.

Глупца оспорить невозможно,
порядок навести лишь должно силой,
а демократия по сути — ложна,
она немало государств сгубила.

562.

Капитализма шлях широкий
привёл Россию в злобный стан,
где правит бал закон жестокий
среди напуганных мешан.
Нет миллиона, ты — никто,
не выйдешь в люди низачто.

563.

От промискуитета до моногамной связи —
так вектор сексуальности направлен.
Случился переход к любви не сразу,
но лишь в любви он навсегда прославлен

564.

Откуда супергонор у поляков,
ведь короли их продавались рахдонитам,
ведь и Хмельницким были больно биты,
ведь концлагерями сплошь были покрыты,
а гонор остаётся одинаков,

565.

Новгородцы рюриковичей пригласили править?
Это иезуитский наглый брех!
У Гостомысла был Вадим, родимый внук,
он — наследник истинный по праву,
и причём тут рюриковичи вдруг?
Почему же рюриковичей всех
с дружелюбием в город не пустили?
Волчьей стаей вокруг города кружила
их варяжская захватническая рать,
и пока Вадима не убили,
не могли трон княжеский занять.

566.

Десяток тысяч лет волхвы водили русов
ведическим путём — прямой дорогой Прави,
всё кончилось с гибелью пророка Буса,
который Русколанию долго правил.
Путь Прави — значит жить по Правде,
жить и поступать всегда по Совести,
и потому душа у русича чиста,
он искренен и в радости, и в горести,
и до сих пор всем верить не устал.
Правдивость, совесть русов часто
приводит объективно их к несчастью.
Не в этом ли причина чужевластья?

567.

Гомер-кемеянин воспел свою Трою
и стал вселенским поэтом.
Боян восславил Буса, Словена —
и стал всеславянским певцом сокровенным,
а Пушкин, сроднившись с русской душою,
стал русским поэтом бесценным.

568.

Шумел камыш, деревья гнулись
и ночка тёмная была,
а доллар в темноте кромешной
творил нечистые дела.

А по утрам, как все проснулись,
увидеть страшное могли —
в пыли, в грязи, в траве помятой
валялись мятые рубли.
Когда же в банк рубли вернулись,
их не пустили на порог.
Шумел камыш, деревья гнулись,
ну, кто ж об этом ведать мог?!

569.

Я знал давно, что слабы люди,
живут сегодняшним числом,
чужим умом, и кто осудит,
что не берутся за весло
и не гребут против течения.
Поток людской — загадка нам,
плыть, может, лучше по волнам
и не искать предназначенья?

570.

Неправда, что людская жизнь не вечна,
что меньше вёсен оставляет нам,
ведь даже у пшеничного зерна
сокрыта в сердцевине бесконечность.

571.

Кто сумел с Енисеем поспорить,
заарканить его на бегу?
Кто создал величавое море
на скалистом его берегу?
Краснояры,
краснояры.
Вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.

572.

Интеллигенция — весомое слово,
где ж была она в семнадцатом
и что делала в девяностые,
когда Россию снова и снова
насиловали на погосте?

573.

Из-за бугра миссионеры
превсякой масти, разной веры
в российские дома, как тараканы,
полезли так, что на аркане
не удержать их, не унять.
А может, — дустом их, ядрёна мать!

574.

Правителя моей страны не величаю,
он не достоин моего мизинца,
и если с ним когда-то повстречаюсь,
не он, а я смогу быть в роли принца.

575.

Россия — вновь перед бандитами,
идти налево — большевиками битой быть,
идти направо — дерьмократами,
идти вперёд — обоими быть битую.

576.

Россия, ты — как Жар-птица, как Матерь-Сва,
тебе бы на свободе воскрылиться,
в своих Гагариных бы возродиться.
Когда же станет русскою Москва?

577.

Секс-символы /а по-русскому — бляди/
уже и в России в чести,
осталось лишь геев парады
теперь в обиход наш ввести.

578.

Пришпандорив на русичей совковость,
как на портки дешёвую заплагу,
свой гонор тешат иудедемократы,
не ведая, что есть и честь, и совесть.

579.

Причина чужевластия в России
на протяжении десяти веков
не в глупости славян и не в бессильи,
а в складе духа, что приемлет чужаков.

580.

Славянорусич Святослав скрушил
Хазарию в труху,
которая злодействовала три века,
принявшую русов всех за шелуху,
за скот лишь, за рабов — не человек.

581.

Российская элита — сплошь фальшива,
в ней «русские» — лишь только имена,
нутро же — русофобов лживых,
Россия для них — чуждая страна,
своих детёнышей лелеют за бугром,
там — их сердца, там — мысли, там — их дом.

582.

У русича ума весьма немало,
чтоб к президентам ироничным быть.
Ну, был когда-то Меченый, потом Беспалый,
а кто их метил, разве уследить?

583.

Народное богатство — не купюры,
а многотысячелетняя культура,
которая обусловлена фольклором,
и о богатстве по нему судить,
лишь по нему возможно оценить,
какой народ находится в фаворе.

584.

Выходят горы книг, и большинство из них
на тему вечную, как быть несчастным.
Я в тайны счастья проник,
создал ученье о любви и страсти.

585.

И жизнь. и смерть неотделимы друг от друга,
ведь смерть нужна для утвержденья жизни,
переплелись они, подобно веткам, туго,
являя целое с рожденья и до тризны.

586.

Со смертью люди не мирились изначально
и сочиняли сказки о загробном рае,
чтоб об утраченном унять печали,
чтоб не терять надежду, умирая.

587.

Читайте Библию от корки и до корки
и вы сумеете постичь глубины зла
и многое узнать о правде горькой,
что эта книга миру принесла.

588.

Право первого шага
не в талмуд сведено,
не пылится в бумаге —
нам природой дано!
Как нередко небрежны
мы бываем подчас,
шаг наш первый поспешный
нас подводит не раз.

589.

Есть тело у людей, душа и дух,
а что первично, и что продукт,

по-разному трактуют мудрецы,
по-своему глагольствуют глупцы,
но атеистам нечего гадать;
душа — продукт, как пламя у свечи,
она погаснет, коль человек почил.

590.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ»...
Удалось первый раз на веку
побывать в ресторане в Баку
на свиданьи с южанкой и мне.
Уж не помню, что пили, что ели,
разговор нескончаемо длился,
и когда ресторан уж закрылся,
расходиться совсем не хотелось.
В небе тёмном звёзды мерцали,
и цикады звенели в траве,
а слова южанки журчали
ручейком у меня в голове.
Вдруг явилось двое джигитов,
карауливших пары в прикрытьи,
чтобы в самый грешный момент
их накрыть, обобратить, запугать.
«Шаганэ ты моя, Шаганэ»,
ты меня от греха удержала,
и все ж мне, вот ей-богу, вдвойне
за джигитов таких стыдно стало.

591.

Вот всеобщая мерка: большинство — меньшинство,
меньшинство всегда сверху
стережёт Олимп свой.
Кто внизу — всем, кто выше,
угождай, улыбайся,
тогда люрикe престижа
жизнь лакея украсит.

592.

Весна опять приветствует капелью,
а снег додержится, возможно, до апреля,
но он не огорчит весенних ожиданий,
не остановит ход моих желаний.

593.

Сколько раз Россия чужебесилась
на немецкий, на французский,
на английский лад,
только зря она с охотою невестилась
и свой свадебный готовила наряд,
европейский хлыщ немного погундосит,
поматросит, а потом и бросит.

594.

Шляхетская Польша на русской земле
смуту творила в стране не впервой:
Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй
засели обманом в Московском кремле.
Но Тушинский вор, лже-царь, иудей
был обезглавлен как явный злодей.
Урусовы-братья — пример россиянам,
бесценный урок для врагов всех незваных.

595.

Все смуты, революции, майданы
не могут обходиться без обмана,
без денежных вливаний, без смутьянов;
и власть приходит к тем, кто платит,
под видом разноцветных демократий.

596.

Христианство — религия несчастья,
религия мучений и мощей,
не потому ли христиане часто

отлучены от жизненных вещей —
от радости, любви и страсти.

597.

Я бы назвал Достоевского братом,
он был по-пророчески мудр и глубок.
Россию несчастную пестовал свято,
жаль, до ведизма добраться не смог.

598.

В двадцатом веке знаток еврейства Генри Форд
раскрыл все тайны сионизма
и, несмотря на травлю, оставался твёрд
в разоблачениях еврейского расизма.
Октябрьский путч был расовым, конечно.
но оказался большевизм не вечным,
хоть и унёс полсотни миллионов жизней
строителей иудекоммунизма.
Всю ленинскую расовую рать
с годами Сталину пришлось убрать.
Казалось, испытанья позади —
яд Берии вождя опередил.
Вдруг Меченый в России объявился,
секретный Гербер, он же Горбачёв,
хоть он и не был явным палачом,
но сионизм воскрес при нём,
опять в России учинён погром,
вновь сионистский план в России сбылся,
на горе русичам, России — на беду,
как и в семнадцатом трагическом году.

599.

Почему в России поэтов русских не щадят,
успешных, модных, истинно народных?
При первом взгляде вроде бы ответа нет,
но, может, из-за власти русофобной,
ведь «поэт в России больше, чем поэт»?

600.

Я б в России в школах ввёл программу
под названьем кратким — юдаизм,
чтобы дети узнавали сами,
кто в России строил коммунизм.

601.

Россияне в результате
вражеской диверсии
обходиться научились
без зарплат и пенсии.

602.

Демократы жрут и пьют
всё, что им понравится,
разрешим им жрать и пить,
пока не подавятся.

603.

Нынче время жить в России пришло,
много нечисти в Россию принесло
из-за бугра, поприбывало из тьмы,
возвестили всем: «Россия — это мы!».

604.

Гайдар-дедушка работал в ЧК,
Гайдар-внучек всех нас в пропасть столкал
вместе с Ельциным-водителем
и Чубайсом-расхитителем.

605.

У русичей — особая черта,
другие этносы её не знают,
поэтому никто не понимает,
чего от русичей возможно ждать.
Лишь русичи к духовности дозрели,
поскольку школы рабства не имели.

606.

Шерше ля фам, — юристы говорят,
считая женщину причиной всех напастей,
ищи еврея, — я твержу не зря,
все революции прошли при их участии.

607.

Улуг-Хэм, Енисей —
младший брат Океана,
кто сравнится с твоей
красотой первозданной!?
Ты — родной сын Сибири,
прост, бесхитростен ты,
словно меч у батыра.

608.

Катер вверх по теченью,
весь натужно дрожжа,
шёл вперёд, не спеша,
по бокам — цепи гор,
в волнах — солище, как рыбка,
сверху — облаком зыбким
комаров гнусный хор.

609.

В диком царстве глуши
на крутых берегах
от воды до вершин —
всё тайга и тайга.
В этом море зелёном,
где не счесть всех чудес,
словно всплеск до небес —
реют кедров знамёна,
а над ними — Тасхыл
снежной шапкой своей
глухо темя накрыл
от палящих лучей.

610.

За Отчизну, за Россию мы сумеем постоять,
вражью силу мы осилим, всем отпор сумеем дать.
Вспомним, как врага косили на Руси у нас всегда,
кто бы ни был враг, осилим, всем отпор сумеем дать.

611.

Клянусь я, что знамя стальными руками
твёрдо я пронесу, чистым его пронесу,
его принимая, клянусь, оправдаю
доверие школьных друзей, верных и строгих друзей.

612.

Чем отвесней Саян над рекою вздымался,
и чем гуще туман по воде растилался,
тем безудержней сам Енисей становился,
тем отчаянней бился, громил, рушил, кромсал
и булыжной картечью все преграды сметал,
и обломки от скал, словно стадо овецек,
по дну с грохотом гнал.

613.

В Енисейских корчагах,
в тех уловах бездонных
скрыто много печальных
горьких судеб безмолвных.

614.

Таймень, стерлядь, ленок да ещё харюзок
испокон в Енисейских отчих водах ходили,
жировали, плодились, и курьерский поток,
и ревущий Порог, будоражили всплеском
рыбьей удалью дерзкой.
И по виду, по нраву
и за вкус —ispoкон назывались они
царской рыбой по праву.

615.

Самоловная снасть, хоть и зла — прижилась,
нет орудья у нас на стерлядку иного,
так хитры самоловы — зазевался чуток,
попадёшь на крючок.

616.

И не сети-мережи, не крючки-самоловы
и не хитрости здешних мужиков всех фартовых
с причандалами всеми — не смогли изгубить
рыбье царское племя, выжить рыб из глубин.
«Вихри» всё разбудили: и реку, и тайгу,
им и диво не диво, не до див на бегу,
ведь расчёт их простой и простая забота —
хапнуть сходу, с налёта, после них — хоть потоп.

617.

Сердце, может, и слепо,
только с сердцем не спорят,
если радость — как небо,
если горе — как море.

618.

В наши дни очень мало, к сожаленью, осталось
на реке и окрест не обгаженных мест,
куда б «Вихрь» не проник,
Казыр-су — среди них.
Этот харюзный рай уцелел невзначай,
«Вихри» знают о рае,
да Порог не пускает.

619.

Казыр-су пред ногами,
как дитя, щebetала,
и доверчиво с нами
полоскаться пыталась,

а Порог так гремел,
как оркестров всех медь,
нет, он просто ревел,
как в капкане медведь.

620.

Как нам было смешно, как сердился Порог,
как ласкалась у ног Казыр-су-«харюзок».
Что Порог для нас значил?
Ведь мы — правящий класс,
мы — закон, у нас — власть
и оружие в придачу.

621.

Всё вокруг — красота:
корней Марьиных пламя,
у воды — краснотал
и черёмушник пряный,
прелью пахнет в лесу
и щекочет в носу,
и несёт с буераков,
с пойм, шараг, логов, падей
тайной терпкой прохладой.

622.

В вышине стоят кедры,
как степенные деды,
в мхах, лишайниках сизых,
как священники в ризах,
всё пронизано гудом, духом полнится пьяным
на себе отовсюду чуешь взгляд постоянно.

623.

Енисей невесту сватал Ангару-красавицу,
осыпал её он золотом, чтобы ей понравиться.
«Ангара ты, Ангара, будь моей навеки,
не нужны мне, Ангара, все другие реки!».

624.

Кружит, кружит Ханкире над землёй хакасской,
оживает на ковре тень её, как в сказке,
и от взмахов крыльев вдруг
вырвутся на волю,
пронесутся на ветру перекасти-поле,
и беглянок тех найдёт ветер лишь под вечер,
их в распадке соберёт отарой овечек.

625.

Много мест святых на земле любой,
но лишь там моя судьба, где живёт любовь.
Расскажи мне, хайджи, о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тахпах, сердцу станет веселей.

626.

Над Чёрным озером встаёт заря,
она пылает красотой Жар-птицы,
сюда стремятся многие не зря —
здесь суждено надеждам возродиться.

627.

Небо зорями сияет серебристыми,
и дрожат, звенят, как струны, их лучи,
очи милой под ресницами пушистыми,
словно зори, мягко светятся в ночи.

628.

Повстречалась на счастье иль горе
на морском берегу краса,
на ресницах — две капельки моря
и смешинки — в лукавых глазах.

629.

Ну, зачем же ты смотришь с опаской,
и тревога в глазах видна,
будто с гор я спустился Кавказских,
будто вышел с морского я дна.

630.

Или времечко настало
вспыхнуть чувству, как бывало,
или речка нашептала про любовь,
мой покой любовь украла,
а девчонке — горя мало.
Что же делать мне с собой?

631.

У речёнки у Качёнки невзначай
я весёлую девчонку повстречал,
полюбил с тех пор речёнку,
где мне встретилась девчонка,
по речёнке и девчонку
я Качёнушкой назвал.

632.

Весна опять стучится в окна
восьмидесятый в жизни раз,
душа в дерзаннях не поблёлка,
для обновленья выпал шанс.

633.

Творчество — развитие души,
в творчестве — основа долголетия,
с ним возможно горе пережить,
в творчестве — само бессмертие.

634.

Чем не лук — хребет Саянский?!
Енисей — стрела батыра!
Сжат хребет в дугу тугую —
и стрела летит на север.
Рассекая небо, тучи,
раздвигая скалы, горы,
Енисей стремится к цели.
А за ним спешит дорога,
но встают пред ней тасхылы —
и она петляет, вьётся,
жмётся, стелется и кружит...
Я иду вдоль Енисея,
с думой на гору взбираюсь,
по какой идти дороге?
Как достичь заветной цели?
Думная гора крута,
ох, как дума не проста.

635.

Енисей — это русское диво —
я по-русски всем сердцем люблю
и веков испокон горделиво
с ним судьбу одну верно делю.
Енисейской водою я моюсь,
енисейскую воду я пью,
излилась со студёной водою
его сила в силу мою.

Меня нечем ему упрекнуть:
я его поил потом и кровью;
и выходит, наш жизненный путь
связан намертво братской любовью!

636.

Спорил пароход с рекой разбуженной,
след бурлящий таял за кормой,
и гудок, надсадный и простуженный
повисал над пенною волной.

Поднимались берега над палубой
в каменном величии своём,
с равнодушием внимая жалобам
парохода на своё житьё.

Сколько зим пережито и прожито!
Есть ли силы вновь желать и сметь,
если на пути твоём порожилом
где-то рядом притаилась смерть?!

637.

В Саянах кружат орлы,
гордые веют ветры,
и на вершине скалы
солнце встречают кедры.

К солнцу и свету маня,
белеют вдали тасхылы,
будьте же парусом вы для меня,
тасхылы мои, тасхылы.
Раздвинув горы, спешит
вдаль Енисей могучий,
галькой гулко шуршит,
плещет волной певучей.

В путь неоглядный манят
просторы моей Отчизны,
будь, Енисей, всегда для меня
широкой дорогой жизни.

638.

Планета Земля,
я твой сын.
Я твой
плоть от плоти,
я твой
до последнего атома мозга,
я твой
до последнего атома сердца,
тебе я обязан
рождением и жизнью
и от тебя мне досталась Отчизна
с прекрасным и звучным названием
РУСЬ!
И если
любить на Земле мне дано,
и если мне
жить на Земле суждено
иль смерть вдруг принять —
всё равно —
живу для России,
люблю для России,
умру для России.

639.

Как в храм, вхожу в таёжные пределы
и с трепетом склоняюсь над цветком...
Но я пришёл сюда не для молений —
для исцеленья недугов моих;
цветок — таёжная краса — не жертва,
а только путь спасенья моего...
Скольжу рукой по стеблю к основанию
и почву пальцами рыхлю под ним,
нащупываю корни осторожно
и вглубь спешу, чтоб вывести на свет

из темноты мою добычу — Марьин корень...
Из под ногтей сочится кровь — пустяк:
на Марьин корень — вся моя надежда...
Шумят, шумят таёжные пределы,
а кедр могучий — словно в забытьи.
Как в колыбели — шишки на верхушке,
и в каждой шишке, в зёрнышке любом
растёт и зреет сила молодая...
Могучий кедр! Ему тут равных нет.
Могуч — не потому, что в клочья тучи
могущий разорвать, а потому,
что корни в толщъ земли
вонзает он, как в масло,
а эта толщъ — скала...
Но корни кедра — не доступны мне.

640.

На склоне лет, наверное, не зря
мой разговор и думы — о былом,
и всё нужней мне старые друзья,
к ним прикипел и сердцем, и умом.

Одно из фото через всю войну
в кармане гимнастёрки я пронёс,
был вместе с ним в поту, в крови, в дыму,
в те дни всё было, не было лишь слёз.
Когда же слепо вражеский свинец
ударил в грудь, зловеще прошипев,
запутался он между двух сердец,
напиться кровью нашей не успев.

А сколько рук несло меня к тебе,
делясь со мной последним пополам,
их теплота живёт в моей судьбе,
без этих рук не встретиться бы нам.

641.

Сибирь — жемчужина планеты,
Сибирь — великая земля,
как солнце, над Сибирью светит
звезда московского кремля.

В лесах растёт лес новостроек,
растёт с ним новый человек,
и в испытаниях грозою
он не отступится вовек.

Русь будет прирастать Сибирью
в своём могуществе в веках,
мечта и сказка станут былью,
судьба её — у нас в руках.

Сибирь — жемчужина планеты,
Сибирь — великая земля,
как солнце, над Сибирью светит
звезда московского кремля.

642.

Бессмертный полк — 27 миллионов
возрождённых жертвенных душ,
они в завтра народ окрылённый
к светлой жизни в России ведут.

643.

Журавлиная пора отшумела,
Журавлиная гора опустела,
было много журавлей длинноногих,
шума, крика и речей было много.
Словно ветер, журавли налетали,
пыль до неба от земли поднимали,
а когда пришёл черёд строить гнёзда,
журавлиный тот народ взвился в воздух.

644.

Лишь о ком-нибудь скажешь: он рослый,
и тогда мне обидно до слёз,
что я ростом не выше берёз,
и красивый, — добавишь ты после, —
и не хочется больше мне жить:
с моей рожей как можно дружить?
Если ж бросишь свой взгляд на одежду —
словно голый, смущаясь, стою,
презирая одежду свою,
и теряя с рассудком надежду,
безутешно кричу всем на смех:
зато я...я...умнее их всех!

645.

Насмешки, нервный смех,
кощунство над святыней,
поверь, я не из тех,
кто просит благостыню;
не мил, но ты вольна!
Однако не уходишь,
неужто испытать
на мне ты чары хочешь?
Немного побесишь
и снова приголубишь,
как будто я малыш,
не дерзко ли ты шутишь?
Усердие льстецов
вскружило вновь головку?
А мне в конце концов
приестся и размолвка.

646.

Во всеобщей массе люди, как бараны,
живут отарой, ждут куда кто поведёт,
пастух же, отче, неустанно
их постоянно тщательно стрижёт.

647.

Многим кажется бóльшим
то, что лишь у чужих,
и становится жизнь
в чёрной зависти горше.

648.

Человек чем нам ближе,
тем в оценке быть выше
должен в наших глазах,
и об этом сказать
в самый нужный момент
нам не лишне уметь.

649.

О культе женщины мы почти забыли,
а ведь когда-то женщины светили,
как звёздочки на небе чистом,
а ныне обратились в феминисток.

650.

Ордена и пост высокий
получают не по праву,
не Отчизне, а ораве,
что высасывают соки
из неё и из глупцов
служит армия слепцов.

651.

Есть в имени какой-то скрытый смысл,
Гагарин, например, не мог не полететь,
ведь ГА и ГА, и РА — движение к Солнцу,
все первоначенья в имени сошлись,
и оставалось лишь их воплотить посметь
и в небе прорубить суметь оконце.

652.

На охоте — как в жизни —
так приспичит порой —
ни залаять, ни свистнуть...
И тогда-то и надо
в ситуации той
понять всё с полувзгляда,
с полумысли простой...

653.

Разве можно поверить, что где-то
на равнинной земле иль в горах
полыхают такие рассветы,
как над озером дивным Шира?

654.

Енисей – великая река
безраздельно с устья до истоков,
и ему подобна, сквозь века
жизнь народная бурлит потоком.
Украинец, финн, чуваш, узбек
и хакас, и белорус, и русский,
и отцы, и дети – все навек
слиты воедино в мощном русле.

655.

По мичуринской моде
после вуза я жил,
«переделать природу»
я спешил в меру сил.

656.

Берёзка святая есть символ России,
от светлых берёзок повсюду бело,
Дуб же являет русскую силу,
от света, от силы скукожится зло.

657.

Плачет девчонка-горлица,
бьётся в силках любовных,
но сколько можно, но сколько можно
сердце вверять обманщику?

658.

О старости не хочется судить,
меня как будто будет обходить,
как будто до меня её далеко
и не дотянется своей рукой

659.

Вечор девоньки сходились,
за работушку садились, ох!
Ты, работа, нас не бойся,
ты, работа, спорься, спорься...
Чтой-то парни долго не идут.

660.

Нет, года — не нули,
никуда не ушли,
а на сердце, на плечи
навалились навечно...

661.

Не век же доллару царить
и властвовать, и пузыриться,
крах неминуем, краху быть,
крах в скором времени случится.

662.

Югославия в центре Европы
испокон была непокорной,
не давала топтать свои тропы
ни фашистам, ни туркам проворным.
Но обрушив славянский союз,
навалились всей натовской сворой...
Без славянских, без родственных уз
не уйти от глумленья и горя.

663.

Над могучим древним Енисеем
стоят в дозоре кедры на ветрах —
здесь в далёком уголке России
родилось море дивное — в горах...
Здесь бродил я немало,
когда не было моря в помине,
я взбирался на скалы,
на которые море легло,
плыл над Джойским порогом —
подо мною вода бушевала,
из слабеющих рук вырывала весло...
Ещё помнят ладони
теплоту и дыханье бетона,
ещё в теле гудит
напряженье могучих машин,
но живёт уже море,
перед взглядом живёт восхищённым.
Это труд, это жизнь настоящих мужчин.
К тебе, море, стремлюсь

и всегда прихожу я с поклоном,
как молитву, твердя без конца:
«Кто создал тебя, море?»
— Наши ладони!
«Кто вдохнул в тебя жизнь?»
— Наши, наши сердца!

664.

На западников и славянофилов
расколот был российский дух.
Всё русское Романовым претило,
лишь всё немецкое им было мило.
Меж сил враждебных на беду
жила Россия не в ладу.

665.

Кто может поверить, что Рай на земле
возник в ледяном Заполярье,
что после потопа и прочих проблем
оттуда на юг ушли арьи,
что жизнь на земле начиналася там,
миллионы лет процесс длился,
и там человек появился,
а вместе с ним и о небе мечта,
а с ней и ведизм зародился.

666.

Вчитываюсь в тексты Заката,
в них грядущее Завтра таится...
Солнечный путь не укатан —
всякое может случиться...

667.

Чудо, печальнее всех чудес,
когда Солнце по небу — горячей слезой...
И там, куда скатится Солнце с небес,
расплавится горизонт.

668.

Земля-планета — лишь клубок из пряжи...
Кто к Млечному Пути тропинку проторит?
Кто всей Вселенной о Земле расскажет?
Кто вечной тканью Вечность одарит?

669.

Человек — не царь Природы,
Человек — её дитя:
с плачем громким он приходит,
плачет тихо, уходя...

670.

Прах грозных полчищ Чингис-хана
с дорожной пылью и песком
осел на иероглифах Дацана...
Стою пред Дверью, заколоченной доской...

671.

Тучи над Лесом нависли,
выхвачен огненный Меч...
Сосенки стыннут от мысли:
скатятся головы с плеч.

672.

На перекрёстке дорог и ветров поставлю палатку,
можно надёжно от зноя, от стужи,
от ливней спрятаться в ней.
Цветов полевых принесу и на дороги украдкой
буду поглядывать я в ожиданьи гостей.

673.

На праздник от друзей — подарок:
открытки на столе, как голубки.
Я этих голубей кормлю с руки,
я голубиной почте благодарен.

674.

Я паутину рву, и мне смешно,
как сердится паук, судьбу кляня...
Но, может, где-то ткутся сети,
покрепче сети — для меня.

675.

Готов хоть в пекло, лишь бы снова,
шагая, мерить километры,
чтоб просветили меня звёзды!
Чтоб просквозили меня ветры!

676.

Источник целебный... К нему отовсюду
ручьями стекаются люди...
И там, где лишь ключик вызванивал прежде,
бушует море Надежды!

677.

Сильны мы не только духовною силою,
но мы не затронем чужих рубежей,
судьбою дано нам служить лишь России
с любовью, надеждой и верой в душе.

678.

Рыжие листвянки, словно лисёнки,
вышли на опушку, ушки наострив,
сильно прохудились жёлтые шубёнки.
Кто же вас, родные, на зиму постриг?

679.

О чём печалится берёзка, знаю —
содрали шкуру люди у берёзы...
Её не только у берёз сдирают,
не только у берёз не высыхают слёзы...

680.

Листвянки, берёзоньки, сосны,
мои зелёные сёстры!
Скорей от людей меня спрячьте,
но только, прошу вас, не плачьте.

681.

Я снова — один. Одиночество — горе.
Один — лишь песчинка в безликом просторе...
Но может песчинка у мира в глазу
выжать однажды скупую слезу.

682.

О звонкое жгучее Солнце!
Сжался, молю, надо мною.
О чистое небо! Измолнься,
излейся лелейной слезою.

683.

В то время, как Русь полоскалась в бане,
Европа, блюдя свой Ветхий Завет,
не мылась немало тысячу лет,
чуме и холере далась на закланье.

684.

Высокая любовь... Она прекрасна.
Но вот и — бес, откуда ни возьмись,
и человека в миг злосчастный
бросает вверх ногами вниз.

685.

Врач, выслушав истории страданий,
бальзамом верным исцелит больных,
но не услышать никому его рыданий
и никому не знать о них.

686.

Всё реже и реже закаты меня волнуют,
всё чаще и чаще смотрюсь я в чашу хмельную,
всё больше и больше в любви моей перепады,
всё меньше и меньше для жизни места мне надо.

687.

Плачут осенью берёзы,
жёлтые роняя слёзы.
Жёлтая тоска-кручина —
вот рыданий их причина.

688.

Я чуть дышу пред гибким женским станом,
его ни с чем, ни с чем нельзя сравнить!
Пока живу, любить я не устану,
срывать улыбки, красть их и дарить!

689.

Размечтаюсь о счастье взхлёб,
разыграются бурные страсти,
разморщится сумрачный лоб...
Разве это не счастье?

690.

Не самозванец я, о нет,
не приживатель на Парнасе,
мой путь неколебим и ясен,
я от рождения — поэт.

691.

Студент, в узком смысле слова, — щенок,
гложащий кость свою, то бишь урок,
при этом я должен сказать не шутя,
что в смысле широком — он злостный лентяй.

692.

Пойми, чудак, что нет
нужды в столь важной позе,
смешон, поверь, петух
со шпорами — в навозе.

693.

Культура — конфетка в обёртке красивой,
съедает жаждущий знаний конфету,
а мешанин, не зная об этом,
жуёт лишь обёртку лениво.

694.

Вся жизнь моя — в метаморфозах:
влюбился — ринулся в поэтику,
женился — перешёл на прозу,
развёлся — превратился в критика.

695.

Откуда лексикон такой ты вынес,
ты что ли ямщиком родился?
Ты где ругаться научился
и слать туда, откуда вылез?

696.

Не шумите вы, клёны, листвою
и тоску на меня не гоните.
Что-то сделалось нынче со мною,
братья клёны, молю, помогите!

697.

У книг и у картин своих,
и у друзей, и у любимой —
хочу узнать у всех у них:
жизнь удалась или проходит мимо?

698.

Что такое янтарь?
Это кусочки счастья,
исчезнувшие навсегда
в морской прожорливой пасти.

699.

Я по экипировке — офицеру брат:
комаров укусы звёздами горят,
клещ вцепился люто
прягою в живот,
и кокардой в кепке —
ласточкин помёт.

700.

Самоволка — гауптвахта...
По такому случаю
я запаса леденцами —
голодом не мучаюсь.

701.

Я в армии уж двадцать дней,
служить, конечно, можно,
была бы только ложка
да кружка покрупней.

702.

На меня натянули мундир
в распрекраснейший вечер весенний,
пусть винтовку мне дал командир,
не расстанусь я с веткой сирени.

703.

Я в гости каждый день стремлюсь
к себе на чашку чая
и сам с собой наговорюсь,
потом наугощаюсь.

704.

Ранним утром и днём, и под вечер
что-то гонит меня за порог,
может, жажда со счастьем встречи
на одной из далёких дорог.

705.

Я каждый день в тетрадку прячу
четыре строчки про запас,
сушу слова и предложенья,
как сухари, на чёрный час.

706.

Глаза ли, руки ли я ненавижу
или люблю? Война у них иль мир?
Рука хватает, что лежит поближе,
глаза готовы захватить весь мир!

707.

Взлетать и падать, падать и взлетать...
Взлетать труднее, чем парить в эфире,
познать паденье, счастье испытать...
Пусть будет всё, что ждёт нас в этом мире.

708.

Аплодисментам знаю цену,
они напоминают гром,
и громовержцем я на сцене
чиню невежеству погром.

709.

Мне нравится дразнить гусей
и слышать гогот их, шипенье —
типичный пересуд друзей
и суд общественного мненья.

710.

В погонах человек вдвойне силён,
нетерпелив вдвойне, ведь цель близка.
Чем тяжелее на плече погон,
тем нетерпимее рука.

711.

Мы встретились, орёл и я,
и царственным его пареньем
я любовался с восхищеньем,
а он не замечал меня.

712.

Один любит город, другой же — леса,
а я безраздельно люблю небеса,
ведь можно увидеть только с небес,
как на ладони, и город, и лес.

713.

Давно ли
первая среди девчонок быстроглазых
и первая среди мальчишек быстроногих
на необъезженном строптивом скакуне
носила ты с ветрами наравне?!
Да, ты — как ветер!
Ты — свист горячей плети!
Нет, нет, не ветер ты, не ветер...
Ты — изваяние в оленном камне,
хочу дотронуться руками,
не вспышка ль молнии
оставила портрет:
раскосый взгляд, бровей разлёт,
улыбки тайной след...
Хочу проникнуть в эту тайну я,
постигнуть смысл людского бытия,
но вдруг, как молния сама,
как гром,

как грех —
твой чувственный оскал,
блеск глаз
и блеск зубов,
и смех!

714.

Арбатская «Прага» —
это место,
где не только веселятся,
но и залечивают раны.
Потеряв своё, я наблюдал за чужим счастьем,
и на душе становилось теплее — честное слово!
Право, я не чувствовал себя одиноким
и тайно делил радость
с одной прелестнейшей парой:
он — долговязый, но симпатичнейший малый,
она — ласковое, премилое создание.
Банально вспоминать о голубках,
но с чем сравнить их томное воркование?!
Когда девчонка обвивала
шею своего парня,
и у него, и у неё, и у меня
рот был до ушей...
Оркестр не умолкал,
игрались новые танцы,
девчонка появилась с новым парнем,
которого обнимала и целовала
ещё крепче,
стерва!

715.

По полям, по рощам, по лесам
осень пробирается бесшумно,
полнятся земля и небеса
тихою заботой многодумной.
Из пшеничных колосков венки
волосы венчает золотые,
словно чаши с молодым вином
пламенеют формы налитые...
И цыганский ситцевый наряд —
жёлтый, фиолетовый, багряный!
И лугов щемящий аромат,
и садов зовущих воздух пряный!
На земле оставив добрый след —
золотые россыпи пшеницы,
исчезает осень, как во сне —
иной на ресницах серебрится.

716.

В полночь не в полночь сошлись неспроста
друзья не друзья, не соседи, а так.
Один всё молчал, другой всё кричал;
один был — серьёзный, другой — весельчак.
А дыму над ними — хоть вешай топор,
о чём-то серьёзном, видать, разговор.
Тот, кто серьёзный, он не курил,
по скатерти шарик из хлеба катил.
Где дым, там огонь, где табак, там вино.
Другой, тот, конечно, катился на дно,
пустые бутылки дзинь-дзинь под ногой,
а тот, кто серьёзный, махал лишь рукой.
Ему всё равно, что сосед его пьёт,
свои он деньжата на книжку кладёт,
рублями он с детства сорить не привык,
тогда отчего ж головой он поник?
Он был — всё мрачней, а другой — веселей.
Мы разных таких не видали людей:
один от жены еле-еле удрал,
другой же, напротив, жену не догнал.

717.

По легенде Платона,
человек был — как бог,
только, богом рождённый,
он себя не сберёт.
Видя силу свою,
возомнил пред богами
и попрал их ногами!
Но сражён был в бою
на мирском поле брани...
Боги гордых людей,
раздвоив в наказание,
расшвыряли по всей
необъятней вселенной...
Кто подскажет решенье,
как из разных частей
воссоздать тех людей?
В неприкаянном мире
чахнут полутела,
и кромешная мгла
душит души в эфире...
Мельтешат полулюди
в суете, маяте —
сколько разных мастей
лежебок, лизоблюдов!
С полусилы вершат
судьбы стран полуумки,
полупьяны с полрюмки,
выйти в боги спешат.
Нимбы ряно куют
и возводят чертоги,
и пурпурные тоги
для себя спешно шьют.
Но от пышных затей
ещё больше убогость...
Что ж вы, боги, о боги!

сделали из людей?!
Что касается лично
в этом деле меня,
то и ради приличий
лгать не стану ни дня.
Знаю я, всё равно
быть борьбе между нами,
мне тягаться с богами —
на роду суждено.
Но чтоб силу былую
я сумел показать,
половинку родную
должен я отыскать...

718.

Я всё чаще к прошлому взываю,
хоть и не вернуть былые дни.
Мама несравненная, родная,
ты вернись, хотя бы в мои сны,

дай мне счастьем надышаться снова
беззаботной юности моей,
любоваться в праздники обновой,
по утрам блинов твоих поесть.

Не успею в сладком сне забыться,
прогуляв почти что до утра,
а твой голос в сны мои стучится:
«Деточка, вставать давно пора».

Не забыть, когда ты на колени
на овчину ставила меня
и дала своё благословенье,
в безрассудстве дочку не вина,

в долгую дорогу проводила
и смотрела долго мне вослед...
Кажется, во сне всё это было,
без тебя сошёлся клином свет.

Ныне под осиротевшей крышей
как забыться с ночи до утра —
голос твой я больше не услышу:
«Деточка, вставать давно пора».

719.

С каким пиететом учёные-лохи
пыхатятся римской культурой,
но кто историю знает неплохо,
скажет, что Рим по натуре
рабовладелец, захватчик и лжец,
заимевший города и богатства этрусков
и всё это выдавший за своё.
рим был лишь по выделке кожи спец,
из кожи рабов отличный пергамент
получался, у него для книг и картин,
а кровь в разведении с вином
продавался как ценный напиток...
Губя по пять тысяч рабов ежегодно,
Рим столько ж захватывал и покупал
и прежде всего славян, конечно,
потомки которых балдеют и млеют
от римской культуры сегодня.
Неужто пребудет так вечно?

720.

Раздумье

Гляжу с годами равнодушной
на добродетель и порок,
покой и гнев отныне дружны,
а было с пошлостью мне душно,
я возмущался... Ну а прок?

Тонул мой голос в водопаде
обидных сплетён, злобных слов,
и вряд ли говорить мне надо,
что зов не нов, ответ не нов.

Всё это в каждом веке было,
всё это повторится вновь,
и всех опять смирит могила.

Вот почему лишён презренья
я к людям, лишь из... уваженья

к тому, что ждёт всех, что придёт

721.

Думы, думы и сомненья,
тяжкий след прошедших лет,
можно душу так на нет
истоптать без сожаленья,
но и шалости — усмешку,
а не буйное веселье,
так же, как и суета, и спешка,
только в сплин меня вгоняют.
По душе — раздумья, книги
мне давно, я в них живу,
эта склонность милым игом

надо мной — цепей не рву,
я прикован к вечным мыслям:
Что есть жизнь? На что она?
Надо мной они нависли,
пилят, сушат, как жена.
Честолюбие и цель,
благородства побужденья
да благие намеренья —
было всё и нет в конце.
Кто же всем расскажет правду?
Только смерть — никто другой.
Перед ней поймёшь: не прав был,
что в заветной, дорогой
мысли тайной обманулся,
как блуждающий по кругу,
потерявши силы, друга,
в место прежнее вернулся.
Кому нужен дым от славы?
(сама слава тоже дым).
И угодником неправым,
кротко лижущим зады,
чтоб почётным в жизни слыть,
мне не быть!
Что такое наша жизнь?
Жизнь — вино, она же — песня,
распевай во всю и всю,
в жизни — жизни нет чудесней!
Для чего нам жизнь дана?
Чтобы петь о ней и пить,
чашу жизни не долить,
пить же нужно всю до дна!
Пойте, пейте, не пролейте!
Жизнь — вот лучшее на свете!
Пока силы есть и пламя,

будоражащее кровь,
пусть любовь владеет нами,
пусть избавит от оков
себялюбья и расчёта
и холодной суеты,
расставляй, любовь, тенёта,
ты — и жизнь, и счастье — ты!

722.

В волненьи, суеверном, может,
глядел я через тёмное стекло
на истончающийся медный серп;
вдруг пробежал мороз сырой по коже
хотя и было всё ещё светло,
но колорит угас; холоден, сер,
подобный стали на изломе, снег
мерцал, я собственную тенью
смущён, себя не в силах превозмочь;
всё кажется, что я сливаюсь с ней,
что предаюсь тревожному забвенью,
что навсегда ко мне приходит ночь...
Померкло дивное светило,
всё поглотила сумрачная тень,
сгущалась тьма, и воздух леденел...
Покинут, знаю, скоро меня силы,
и я покину жизни моей день,
продлить его я только не сумел,
умел ничтожное со страстью ненавидеть,
умел прекрасное найти и оценить,
умел любить да так, что хоть на смерть.
Но даже ей любви моей не выпить,
не заглушить любовь и не убить,
и времени коснуться не посметь!

725.

В мой мир Она пришла однажды
и говорит: душа горит от жажды.
Я гостью в дом любезно пригласил
и чая ароматного налил
и объясняю: чай — душа планеты,
нет ничего отраднее на свете.
Но слышу я в ответ: о нет, о нет,
невыносим увядший запах мне!
Ну, что ж, — сказал я, — есть у нас вино
жар солнца много лет хранит оно.
И вновь в ответ: о нет, о нет, о нет!
Не нужен прошлогодний солнца свет.
И чтобы больше с ней не канителиться,
я зачерпнул большим ковшом Медведицы
невысказанность дум и жар страстей
и преподнёс к губам её: на, пей!

726.

Разве можно поверить, что где-то
на равнинной земле иль в горах
полыхают такие рассветы,
как над озером дивным Ши́ра.

Разве можно наслушаться песен,
тех, что с гор нам Июсы несут,
вместе с запахом кедров и сосен
мы вбираем лесную красу.

Разве можно целинные нивы
стороной, не любя, обойти,
колятся хлеба горделиво —
и вскипает волнение в груди.

Разве можно насытиться счастьем
жить, трудиться на нашей земле,
ведь становится жизнь всё прекрасней,
всё привольней, богаче, светлей!

727.

В ясном поднебесьи в ожерельи гор
озеро жемчужное манит с давних пор.

А вокруг в курганах во сырой земле
спят батыры с ханом много тысяч лет.

Люди, как и прежде, таинства творят,
с тайною надеждой к озеру спешат.

И горят закаты от людской беды,
пламенем объято полнеба, полводы.

Озеро чудное, тайну не храни,
озеро жемчужное, тайну нам верни.

728.

На Метехи взбираюсь порой,
в глубь веков уносится мысль,
а раздумья царя над Курой
за рукою следуют ввысь.
Всё подвластно великим царям,
мановенье руки лишь — и вот
растёт город чудесный в горах,
храм с дворцами возводит народ.
Ускоряется времени бег,
недостатка нет в чудесах,
даже в наш суматошный век
будоражит душу краса.
Горгасали смотрел ввысь веков,
оттого пред Священной горой
век стоять ему среди облаков
на краю крутизны над Курой.

729.

На грузинских крутых дорогах
всех красавиц не перечесть,
и у каждой достоинств много,
но одна особенность есть.

Жизнь так ярка и красочна вроде
в этой солнечной щедрой стране,
почему же цвет чёрный здесь в моде,
непонятно, неведомо мне.

Оттого ли, что Нина когда-то
дала тайный себе обет
и, держа обещание свято,
знала только лишь чёрный цвет.

То ль традиция, то ли мода,
старина или, может быть, новь
или входит, или выходит
чёрный цвет из палитры тонов.

В чёрном есть силуэт и строгость,
но нет неба, солнца, зари...
Верю я, на грузинских дорогах
цвет оранжевый будет царить.

730.

От трескучего мороза
цепенеет всё вокруг,
на ветру скулит берёза,
ели ёжатся в бору.
Вдруг дорога встрепенулась,
пробудилась ото сна,
прояснилась, улыбнулась,
подтянулась — не узнать!
Это тройка, птица-тройка,
чудо-тройка вдаль летит,
колокольчик пляшет бойко,
хлещет снег из-под копыт!
Не в обнимку ль мчимся с ветром
мы за солнечным лучом,
за мечтой своей заветной,
и мороз нам — нипочём!

731.

Много песен в Забайкалье,
много солнца и друзей,
сколько б счастья не искал я
по стране большой своей,
не забыть моих прогулок
по красавице Чите,
не забыть огней багула...
Я вернусь сюда затем,
чтобы солнечной порою
всех друзей своих обнять,
песни спеть, а для любимой
ветвь багульника сорвать.

732.

Прошелестела шинами машина,
растаяла усталая в ночи.
Кого-то ночь вдруг нынче всполошила,
наверно, «Скорая» на помощь мчит.
А темнота всё гуще, всё плотнее,
дорога всё неровней, всё трудней,
но фары, словно скальпели, умеют
прорезать путь в застывшей тишине.
Кому-то боль, как ночь, застлала очи,
в отчаяньи мутнеет чей-то взор —
судьба решиться может этой ночью...
Кто поведёт с бедой умелый спор?
Встаёт, как перед Гамлетом, дилемма
кому-то суждено её решать,
жизнь выручать из лабиринтов плена
в крови горящим остриём ножа...
А город спал и, нежась на пружинах,
не слышал, сон не в силах перевозмочь,
как шелестела шинами машина,
не видел он, как скальпель резал ночь.

733.

Ноябрь стучит в твоё окно,
а ты открыть ему не смеешь
и ничего уж не изменишь —
всё будет, чему быть должно.
Пройдёт вначале первый снег
и новизну опять навеет,
по первоснежью первый след
надеждой новой обогреет.
Куржак затейливо оправит
рубин-калину серебром
и в кружева свои потом
тальник оденет он на славу!
Над тальником и над калиной
проявится корона гор,
они вдруг ненароком кинут
в речное зеркало свой взор —
нарядно, хоть зарю встречай!
Но вот и ветер. Гость — не прошен.
Бездельник, будто невзначай
он красоту всю запорошит,
на горы тучи нахлобучит,
сомнёт калину набегу —
и брызнут ягоды колюче,
застынет кровь на берегу.
Шуга шершавым языком
залижет забереги, боны,
затянет сахарным ледком
изломы берега, затоны
и будет ждать свой час в ночи,
и он придёт, но незаметно,
не загремит, не застучит —
и кончит дело до рассвета.

734.

Мать не сводит глаз с маленьких окон,
в час последний ждёт она сына,
плод от яблони нынче далёко,
и она в одиночестве стынет.
Свои крылья
стремительный лайнер
перенёс над небесным порогом,
он возник над безмолвием явно,
словно перст указующий бога.
И над облачной белью пустынной
заглушаемый рёвом мотора,
плачет в чреве железной машины
человек, побелевший от горя.
Не по дням — по часам
он белеет,
тяжелеет в руке телеграмма,
где по белому тучей чернеет:
«Прилетай — умирает мама!».
Взгляд последний её — на небо.
Тучи-шторы
окно
закрыли...
А на небе её надежда
распластала над тучами крылья.

735.

Родился милым щен и рос он презабавным,
стоять, ходить умел на задних лапках славно,
хватал он жадно кость, бросался на прохожих,
с пинками свою злость на слабых приумножил,
в предчувствии подачки
он в рвении
лаял
на луну —
и кости сыпались ему,
везло собачке.
Он под конец собакой стал преважной,
при нём теперь — свой штат собак,
живёт он в конуре многоэтажной
и не доступен для зевак.
Себя собакой запретил он звать,
а назовёшь по праву — худо будет!
Должны мы потому щенками стать,
что щен паршивый
вышел в люди!

736.

Три пути-дороженьки
да сошлись в одну,
с этой ли единственной некуда свернуть.
А идёт дороженька
через всю Сибирь,
плачь не плачь, а некому в горе подсобить.
А дорога тряская,
в кочках, ямах — сплошь,
выживешь не выживешь —
душу растрясёшь.
Смилуйся, о господи!
научи, как жить,
и не дай отринутым
души загубить.

737.

Когда мне бывает невмочь
от подножек, сплетен, ударов,
струны я коснуться непрочь
своей неразлучной гитары.

Я жалуясь ей на ослов,
на волчью шkodливую стаю,
и песню простую без слов
гитара скорбя напеваеt.

И вместе с гитарой грустим,
и вместе с гитарой мы плачем,
и вместе находим пути,
и вместе решаем задачи.

738.

Над рекой Селенгой
завучала хура,
поёт старьй монгол,
эхо вторит в горах.
Песня, ветром лети,
мчись степным скакуном,
расскажи на пути
всем о самом родном,
а роднее всего —
это истинный друг,
с дружбой верной его
расцвело всё вокруг.
«Жить нам, жить-молодеть», —
усмехнулся старик,
и, спустившись к реке,
к ней губами приник.
Ветер гонит волну и пасёт облака,
и в другую страну катит волны река.

739.

Тропами пастушьими крутыми
мудрость жизни с детства постигал,
за мечтами дерзкими своими
с Енисеем рядом он шагал.
И его в просторах необжитых
покорила дикая краса,
и в полярный круг он, как в орбиту,
жизнь свою рабочую вписал.
Силы свои, мысли свои, чувства
посвятил прекрасному навек.
Служит он высокому искусству,
жрец красоты, рабочий человек.

740.

У океана*	метался,
испортилось	волною громил всё,
настроение,	штормами гремел
а тут ещё туча	и воплем смертей упивался.
лезет целоваться,	Вблизи
холодная	от Курильской гряды
мокрая,	баржа океану
словно мокрица.	под руку попала,
Отвернулся от тучи	свирепо схватил он её,
брезгливо он,	закрутил
по скалам барабана	и бросил
пальцами волн.	на Чёртовы скалы...
Но туча насела,	В барже той —
как тучная туша,	команда,
а он не жалеет	простые ребята:
ни видеть, ни слушать,	Зиганшин,
муссонами полны	Крючковский,
лёгкие могучие,	Поплавский,
подул океан —	Федотов...
и ключья от тучи.	Небо с овчинку
В беспамятной злобе	парня показалоcь,
теперь он шумел,	шансов выжить вроде
в слепом исступленьи	вовсе не осталось.

* Отрывок из поэмы «Тридцать шестая». Команда баржи №36, потерпевшей крушение, продержалась в открытом море около двух месяцев

741.

Есть много средств от недугов людских,
но доброта — сильнее всех других.
Как солнышко, во всей красе своей
проходит доброта среди людей.
И если вдруг окажешься в беде,
ты доброту зови всегда, везде.
Она придёт, не может не прийти
и не светить на жизненном пути.
Она поймёт, поможет и без слов,
ты только сбереги её тепло,
в душе навек дай место ей потом,
пускай хозяйкой входит в этот дом.

742.

Я ещё не сказал,
как любовь свою встретить,
но, наверное, это
я не знаю и сам.
Но совет мой таков:
за любовью не бегай,
как вчерашнего снега,
не ищи ты любовь.
Не заглядывай в очи —
они лживы всегда!
И на складки у рта
ты надейся не очень.
Лишь ладонь лгать не может,
зорко к ней присмотришь,
коль с твоей будет схожа,
за неё и держись!

743.

Вспоминать — и то горе,
как жену выбирал...
Подоспела пора —
был я скорым на сборы.
Кандидат в мою тещу
привечала меня,
была день ото дня
всё милее и проще.
В её доме — в красе
трое дочек ходили,
но фамилии все
у них разные были.
За неповиновенье,
не смиряя свой гнев,
их в пылу откровенья
называла «Пся крев».
Ну, а самой красивой,
той, что нравилась мне,
не скупясь, подносила
всё, что было сытней
(даже рюмку — в обед!),
чтобы дочь пополнила
и скорей чтоб доспела
до шестнадцати лет.
Женихи табунились,
не считая потерь,
и в открытую дверь
днём и ночью ломились...
Знать, сведуща в латыни
моя теща была,
за «розумну людину»
свою дочь отдала.

744.

По лесам, лесам дремучим да по болотам
через реки, горы всё вперёд, вперёд,
эх да, по земле нехоженой сибирской
шёл в мороз и в зной отчаянный народ.
В молодых сердцах горячих кровь закипала,
не брала их стужа, смерть их не брала,
эх да, сквозь невзгоды, холод, голод, годы
всех одна мечта заветная звала.
Если ж вдруг беда-злодейка их настигла,
то никто, никто не хныкал, не роптал,
эх да, каждый только, затаивши горе,
как молитву, имя женское шептал.
Не шептал один упрямец женское имя –
всем смертям назло он всюду распевал:
«Эх да, ты мечта, мечта моя – Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!
Эх да, ты мечта, мечта моя – Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!»

745.

Я человек не очень-то приметный,
но у меня красавица-жена,
придавлен я работой беспросветной,
зато не знает трудностей она.

Друзья ко мне спешат на чашку чая,
ведь знают все порядочность мою,
жена гостей улыбочиво встречает,
а я их редко дома застаю.

Соседский сын становится мужчиной,
его мамаша правилу верна,
жену мою прикармливает чинно,
такая честь не каждому дана.

Шпана с моей женой за панибрата,
соседки с ней воюют на ножах,
а возле дома нашего солдаты
торчат по воскресеньям на часах.

746.

— Что ты, море, расшумелось, почернело так?
— Описать меня пришёл ты, знаю я писак,
передать ты хочешь песни те, что я пою.
Ты их слышал? Ты их знаешь?
— Море, я свою...
— Или, дерзкий, возомнил ты дали описать?
Или небо надо мною?
— Море, дай сказать...
— Или силу волн могучих? Или мой прибор?
Иль сокровища морские, или...
— Море, стой!
Всё величие морское песней не объять,
я пришёл к тебе, родное, чтоб «люблю» сказать.

747.

Уж Новый год пришёл опять.
В году же новом с новым счастьем
по прежнему житьё течёт,
пока какие-то напасти
когда-то не предъявят счёт.

748.

Любимейшая тема остряков
насчёт дорог и русских дураков,
смеяться можно до упаду,
какой беспутный на Руси народ,
своим дорогам дать не может ладу,
и чертыхаются на них из года в год.
А вот в великом княжестве Монако
с дорогами отлично всё однако.

749.

Дорога России — на тысячи вёрст,
когда б она встала, коснулась бы звёзд.
Но нам-то шагать по земле суждено
и в зной, и в мороз, и ночью, и днём
петлять вместе с ней, на холмы подниматься
и сквозь заносы в пути пробираться,
и думать-мечтать, что со временем всё же
дорогу наладить и выпрямить сможем.

750.

От рока к панку, от панка к рэпу
прослеживается масс-культуры путь.
Не понимают нарко-гении эстрады,
что повторяют большевистский
Пролеткульт.

751.

Из роковых яиц, нам всученных Европой,
трёхглавый змей вскормился на Руси:
партком, профком и власть Советов,
нас власть сия подмяла скопом,
пришлось терпеть, сколь было сил,
пока не скинули всё это.

752.

«Владеющий миром» Россией владел
не раз и не два, а трижды,
иметь русофобных властителей чуждых —
неужто извечный России удел?

Белочка и Кот Лесной

(Цикл стихотворений не только для детей)

753.

Непоседа Белочка,
егоза, вертунья
с веточки на веточку
скачет попрыгунья.

Скачет не наскочится,
отдыха не зная,
плачет не наплачется
в страхе мать родная.

Белка вдруг смутилася,
прыгать перестала:
ах, беда случилася —
вновь капрон порвала.

Личико затмилося,
на глазах — слезинки,
над чулком склонилася
вяжет паутинки.

Вот уж снова Белочка,
егоза, вертунья,
с веточки на веточку
скачет, попрыгунья;

в Волка бросит шишкою,
то с Котом играет,
дразнится с мальчишками
без конца и края.

А под вечер, как всегда
скажет: «Ах, устала,
как сегодня, никогда
так не хохотала!».

754.

На поляне под сосной,
на траве густой, зелёной
двое нежились влюблённых:
Белочка и Кот лесной.

— Пред твоим хвостом и лисий
просто веник, а не хвост,
а у злой сварливой рыси
он и мал и слишком толст.

— Ты не льстишь мне, Кот Учёный?
— Нет, напротив, ни о чём я не жалею, как о том,
что я, будучи Котом,
соловьём петь не умею,
но могу ли я назвать
эту Белочку своею,
пышный хвост поцеловать?

— Целовать ты можешь свой.
— Слышишь, сердце бьётся громче,
о, не мучь меня, позволь!
— Ну, уж ладно, только кончик.

755.

Обучать наукам Белку —
велика задача.
Кот сидел над ней сиделкой,
с горя чуть не плача.
Он и так с ней, он и эдак —
не идёт наука,
рассердился напоследок —
оттаскал за ухо.
— Лишь орехи да потехи —
вся твоя забота.
Ты мне в жизни лишь помеха,
завтра ж — на работу!

328

756.

Белочка за ужином
думала обиженно,
дома Кот Учёный —
словно лук толчёный,
меньшее несчастье
на работе мастер.
Перед ним предстала,
весело сказала:
— Что должна я делать?
— Что умеешь?
— Бегать.
Ох, хитра же бестия!
Но лукавый мастер,
не моргнув и усиком,
не повёл и бровью:
— Полезай в колёсико,
бегай на здоровье.

757.

Очевидно неспроста
Белочка, как Лиска,
вертится вокруг Кота,
прямо как артистка.
В доме снова чистота,
Белка вновь послушна,
Коту шепчет нежно так:
жить мы будем дружно.
Видано ль такое диво?
Диво — не иначе,
принялася грызть ретиво
Белочка задачи...
Очевидно, неспроста,
Белочка, как Лиска,
вертится вокруг Кота...
Знать, зарплата близко.

329

758.

С Белочкой случилось что-то,
приутихла, присмирела;
гложет ли её забота,
иль бедняжка заболела?

Огонёк в глазах погас,
хвост безжизненно повис.
— Где же Котик мой сейчас?
Слышишь, милый, отзовись!

— Слышу, милая, спешу,
подожди лишь миг, прошу,
все задачки разрешу
и гостинцем угощу.

— Сам грызи свои орехи
и решай задачки сам.
Снова можешь ты уехать
в свои милые леса.

Посмотри на шубку, хвостик,
все истёрлось, износилось,
в них любая б устыдилась
и к соседям выйти в гости.

Вон у Лиски — чернобурка,
чем я хуже, чем, скажи?
У меня ж не шубка — шкурка.
Разве ж, разве это жизнь?!

759.

Ай-я-я-яй, ой-е-ёй, —
Белочка рыдает
и бедняжка над собой
горько причитает:

— Вот возьму я и умру,
и не станет Белки вдруг,
ой-е-ёй, как жутко!
Коту станет меня жаль,
будет знать, как обижать
бедную малютку.
День и ночь он, как шальной,
будет плакать надо мной
и промокнет весь от слёз,
и тогда ему мороз
отморозит потроха,
вот будет потеха!
Ой-е-ё-ой, ха-ха-ха
ох, умру от смеха!

760.

Белочка и Кот Лесной
под утро прощались.
— Погоди, побудь со мной,
не кидай в печали,
видишь, как тайга грустит,
слышишь, как рыдает?
— Ну, прошу, мой Кот, пусти,
ведь совсем светает.
— Неужели же не жаль
распрощаться с кедром
и уйти в чужую даль,
чтоб сродниться с ветром.
— Не проси меня ты зря,
не ходи по следу,
здесь мне нечего терять,
решено, я еду.
Не хочу твоих орех,
не нужны подарки,
там я буду жить для всех
в лучшем зоопарке!

761.

Аллея тополей поёт, от счастья млея...
Поющий листьев звон? Ах, нет, это скворцы,
они не классные певцы,
но составляют первоклассный хор аллеи.

762.

Живу ощущением полёта,
дышу ароматом звёзд,
богатства мои — позолота
на листьях осенних берёз.

763.

Гляжу на Жучку с перебитой лапой,
она в ответ виляет лишь хвостом.
Кто за инвалидность ей заплатит,
у ней и мысли нет о том.

764.

Скажи, Европа, в чём твоё величье?
/Насупилась, в ответ — ни слова/.
Не правда ль — рабство и античность
твоей пыхатости основа?

765.

Позычив гроши, ушлая шалава
задрав подол, лишь зад свой показала.
Ну, погоди, дождёшься у меня —
раздену до гола средь бела дня.

766.

Разрослись в лесу коренья,
ищут девки восхищенья.
Полюбить не полюбила —
поцелуй производила.
Целуй, девица, в уста,
чтобы рожь была густа.

767.

За рекой за быстрою красный терем выстрою,
рубленный, сосновый, светлый дом крестовый.
На четыре стороны, на все четыре стороны
прорублю дороги от моего порога.
Этими ль дорожками, в двери ли, в окошко ли,
может, и случится — счастье постучится.

768.

Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматывают,
не работа — ад взаправдашний,
у всех сваха виноватая.
Для людей век надрывалася,
познала на ять профессию
и без ног совсем осталася.
Кто ж платить мне будет пенсию?

769.

Лелеяла мать, ублажала
свою ненаглядную дочь,
а доченька к другу сбежала
в осеннюю тёмную ночь,
оставила мать без подмоги
на старости лет горевать,
сама же пустилась в дорогу
цыганское счастье искать.

770.

Склонилась черёмушка над синей водой,
пльви, моя утушка, за быстрой волной,
от берега селезень навстречу плывёт,
быть может, волною к нему принесёт.

771.

Ярче пусть полыхают зарницы,
чтобы Русь в темноте осветить,
пусть Жар-птицей нам Родина снится
или тройкой на снежном пути.

772.

И берёзки у края пшеницы,
и тальник над бегущей волной,
с каждой новой пришедшей весной
не устанут мечтать о Жар-птице.

773.

Сиротела Русь и вдовела русь,
Ярославны плач всё в ушах звенит,
солона земля от горючих слёз
и от кровушки сыновей её.

774.

Где гремела война, там гуляет волна,
колоски до земли наклоняя,
и тайком колоски от неясной тоски
зёрна в ниву, как слёзы, роняют.
Но откуда им знать, где гремела война
и чьей кровью поля обагрила,
как один за одним в грозные те дни
всех из дома мужчин уводила.
Уходили мужья, вслед им шли сыновья,
и свинцовым дождём их косило...
Беззаветно любя, забывало себя
Материнское племя России.

775.

В годы свершений, в годы лишений
все наши мысли — о Родине,
ветры, метели злобно шумели,
выли, свистели над Родиной.

В путь мы поднялись первыми,
смерть мы встречали первыми,
грудью — на дзоты, на пулемёты,
лишь бы жила вечно Родина.

776.

Самую великую победу
и всех времён, и всех народов
народ российский истинно изведаль,
и славу победителя никто
не умалит и не затмит ничто —
ни клевета, ни злопыхательство, ни годы.

777.

Избили ветерана подонки тёмным вечером,
содрали с его кителя медали, ордена,
власть заимела дикая, тлетворная шпана,
поскольку перестройку в стране затеял Меченый.

778.

Я ношу в себе приметы:
быть мне в звании высоком,
если б не был я поэтом,
стал бы классным блинопёком.

779.

Россия извечно святою зовётся,
Жар-птицею с детства нам снится она.
Над миром, над нами пускай вознесётся
Духовное Знамя на все времена.

780.

Всё так в мире условно,
всё, увы, не бесспорно:
звеньевая Заглада
получала награды
и с трибун выступала,
причём — с очень высоких,
и печатались строки
её звонких тирад
в самых толстых журналах...
Но кумир её свергнут —
вмиг Заглада померкла,
превратилась в прах.

781.

Те, кто издали видел её,
говорят: голубая она,
тот, кто жизнь отдаёт за неё,
говорит: беззащитна она.

К ней ладони свои протяну
и дыханьем согрею её,
и в беде не оставлю одну —
я отдам ей дыханье своё,

от дурного всего заслону
красоту и её чистоту,
голубою навек сохраню
для себя и для всех, как мечту.

Да поможет ей каждый в своём
так, как совесть и ум повелят!
Да светится имя твоё,
голубая планета Земля!

782.

Сколько лет пронеслось, сколько слёз пролилось,
как в тумане — и горе, и радость,
только фото — на стене, только письма на столе —
от отца нам наследство осталось.
Сибиряк удалой — вечный парень молодой
на стене фотографией светит,
а старушка у окна, то не мать ему — жена,
стали старше отца его дети.

783.

Проходят комиссары по страницам книг
сквозь годы,
а тех, кто их любил — всё меньше
с каждым днём,
и одиноко вестникам свободы,
почти чужим в краю родном.

784.

Нет партизанских троп и нет дорог войны, наверно,
где б комиссары не оставили свой след,
кто мог бы, как они, быть всюду первыми,
подобных не было и нет.

785.

Наша планета мчится, бег ускоряя свой,
в завтра своё стучится дерзкой мечтой,
а над Землёй нависли тучи войны опять,
тучи войны Землю опять тянут вспять.

786.

Енисей, помоги ночь прогнати,
Горюч-камень в омут столкати,
рад помочь Енисей, да не может —
сам закован во льды и пороги.

787.

Пеленают Землю зори алые,
но кричит и мечется Земля.
День-ночь, ночь-день голосит, заходится она,
ночь-день, день-ночь нет покоя, отдыха и сна.
Отчего Земля так растревожилась,
отчего на ней покоя нет?
День-ночь, ночь-день всем живым
повсюду правит страх,
ночь-день, день-ночь вся Земля в пылающих кострах.
То не зори польхают чистые —
то костры разбойничьи горят.
День-ночь, ночь-день над планетой дым войны чадит,
ночь-день, день-ночь пеленает Землю этот дым.

788.

Сумеет сказать ли тайга вековая,
как встал повсеместно народ,
как шёл с топором он, от гнева пылая,
на лес на ходячий — господ.

789.

Речка Шуша, родная мне, близкая,
к Енисею, прошу, не спеши,
ты помедли впадать в речку быстрюю,
помечтаем с тобою в тиши.

790.

Ой, вы други мои хоккеисты,
придержите сухим порох свой,
где бы ни были вы, отзовитесь,
чтобы вместе нам ринуться в бой.

791.

Довольно близок тот заветный час,
когда Россия воссияет над планетой,
когда услышан будет глас
Богодуховной Русской Веды.

792.

Пророк я или не пророк,
но вряд ли кто-нибудь другой
подобные моим труды осилит.
В науках и искусстве, и в поэзии я смог
отобразить судьбу страны родной
многострадальной матушки-России.

793.

Без кличек, оскорблений, без грубости и мата
подростки не способны дня прожить,
то ли школа в этом виновата,
то ль колониальный государственный режим?

794.

Поляки, вспомните Воланского,
великого вождя славянского,
который славянизм поднял, как знамя,
своими неокрепшими руками.

795.

На всеобщем съезде у мышей
было много фракций и течений
и немало признанных мужей,
прозвучало много откровений.
А по главному мышиному вопросу
о важнейших жизненных угрозах
разгорелся не на шутку спор:
в чём же мыши беззащитны до сих пор?
Мышиная в итоге резолюция

до курьёза оказалась куцею —
о котях в ней не упомянуто ни слова,
хоть сзывай мышинный форум снова.
Так же нынешние иудедемократы
спорят о глубоком кризисе завзято,
но ни слова — о масонской силе,
от которой бедствует Россия.

796.

Что же предпочтительней для личности:
в раннем детстве, как Лоретти, прозвенеть
иль, как Эсамбаев, до глубокой старости
выходить в папaxe в высший свет?

797.

Болезнь почек — не в моде:
в институтские годы
учат их мимоходом,
между тем, к сожаленью,
почки очень ранимы,
лень, белки, воспаленья,
сахар, водка, соленья —
расправляются с ними.

798.

На краю села хатёнка, не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка, не тяжка и не легка.
Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя блестит.
Дым кругами над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,
сколько б ни было силёнки, закружится голова.
Чья хатёнка, кто в хатёнке и какая работёнка —
моя хата с краю, ничего не знаю.

799.

Мой друг уже не сможет никогда
аккордеон обнять привычно,
когда в душе вдруг неспроста
нахлынут чувства жизни личной.
Он жизнь любил и дружбой дорожил,
но не всегда, увы, взаимно
и с болью жить в душе привык,
творя любви и дружбе гимны.

800.

Сквозь годы вижу, как Россия,
расправив плечи, восстаёт
из униженья и презренья,
царит во всей красе и силе;
как возрождается народ
из поколенья в поколенья.

801.

В лихие девяностые
и школьники, и взрослые
впадали в дикий раж.
Товары забугорные
от шмоток и до видиков
подняли рынок наш.
И очумев в убогости
от недоступной роскоши,
друзья десятиклассники
на крышу поднялись
и, ухватившись за руки,
слетели вместе вниз.

802.

Пели птицы о весне,
пряно пахло травами,
всё исчезло, как во сне,
лишь зима нагринула.
Зашумели журавли,
засвистели крыльями,
к берегам чужой земли
потянулись клиньями.
Тают в небе голубом,
уж не больше родинки,
оставляют отчий дом,
покидают Родину.
Вот растаяли совсем,
на небе — ни крапинки,
но зима страшна не всем
птицам, даже маленьким.
И пускай трещит мороз,
мы-то не спасуем,
пусть — хоть зашпоры до слёз,
мы — перезимуем!

803.

Когда смотрю на жирненьких детей,
то я буквально заболеваю,
как врач я ведь прекрасно знаю,
чем обернётся это в их судьбе,
ведь если вепрь, сильнейший зверь,
был превращён в свиначье отродье,
то что же ждёт ребёнка в этом роде?

804.

Разыгрался ветер, в волнах искупался,
закружился вихрем, по полю помчался,
походя с деревьев листья обрывает,
гладь реки волнует, солнце закрывает.
Перестань ты, ветер, навевать ненастье,
вместе с шалой грустью прочь лети скорей,
засияет солнце, снова всё проснётся,
может, и вернётся радость прежних дней.

805.

Горбачёвы, ельциноиды, построив катаклизм,
сгубили поколение россиян.
Какого уровня цинизм
понадобился, чтоб их деянья воссиять?!

806.

При всём злодействе Ленина,
при всём его умении
крушить и убивать,
при Троцком же правителе,
мучителе, губителе
Россия б угодила,
ей-богу, в сущий ад.
Не зря неумолимая
явилась кара божия,
над ними объявился
их собственный палач.

807.

Гомо сапиенс идёт из века в век
спиралью заданной своей судьбы,
но коль способен он любовь сгубить,
чтоб в партии, в религии ведущим быть,
ушастый заяц он — не человек.

808.

«Да, скифы мы»... Мы — россы,
но никогда мы не были раскосы,
поскольку изначально русской крови мы,
с арийством связаны родством прямым.
Мы правили всей Азией успешно,
но азиатами мы не были, конечно.

809.

Всякий раз мне смешно до слёз,
когда вновь на экран проецирую
всё, что мне испытать довелось,
хохочу, топочу, бисирую...
Был назначен служить пастухом
над своими днями блудливыми,
не кнутом погонял их — стихом,
а они, как один — бодливые,
синяков на мне — точно звёзд
в самой крупной в небе туманности,
и я взял и покинул свой пост:
с этим стадом — одни неприятности.
И пришла она с длинной косой...
Боже мой! Караул! Инспекция!
Я предстал перед ней со слезой,
с неоплаченным вовремя векселем...
Отвечать по всей форме пришлось,
дело личное всё перелистано!
Ну, а стадо уже разбрелось...
Ну, а песни ещё не написаны...

810.

Снежинки, как пушинки,
витают надо мной,
весёлые снежинки
зову, маню рукой.

Спустились в обнимку
в раскрытую ладонь
две крупные снежинки,
ладонь же — как огонь.

Пушистые снежинки
растаяли в руке,
и грустные слезинки
скатились по щеке.

811.

Я иду по Земле,
по проталинам первым весной,
и с поклоном ко мне
в голубой тишине
обращается ландыш лесной:
Защити, Человек!
Сохрани ты проталину эту,
чтобы песню допеть,
буду ждать я до новой весны,
чтобы снова звенеть
белым звоном белому свету,
навевать ему белые сны...

812.

Ветер осенний, сорвавшись с цепи,
бросился злобно на клён медно-красный,
пламя листвы угасает в ненастье,
искры-листочки летят по степи.

Ветром проносится время над нами,
рано смывает румянец с лица,
пламя души все спокойней с годами,
теплится пеплом оно до конца.

813.

Истопила баню Баба Яга,
шибко ныла костяная нога.
Мимо бани той сам Чёрт проходил,
и у Чёрта вдруг заныло в груди.
Заглянул в окошко Чёрт невзначай,
осторожненько он в дверь постучал.
Дверь пред Чёртом отворилася
и обратно затворилася.
В ночном небе Месяц пялил рога,
в бане с Чёртом мылась Баба Яга.

814.

Видно не на шутку задремал рыбак,
спит вторые сутки, не поднять никак.
Над его кудрями лилии цветут,
рыбы стаей сами к рыбаку плывут.
Изловить не трудно рыбок в глубине —
только беспробудно спит рыбак на дне.

815.

Вновь приходят в Новый год
девчонки и мальчишки,
много нового их ждёт
в новой доброй книжке.

Для ленивцев этот год
всё вверх дном перевернёт,
все игрушки отберёт
и в Ленивию сошлёт.
А в Ленивии-стране
ничегошеньки ведь нет!

Нету там ни пап, ни мам,
нет мороженого там!
Там нельзя ходить купаться,
ногти стричь и умываться.

Там стучит в дверь бегемот,
бармалей гремит по крыше,
вокруг бродит обормот,
под полом скребутся мыши.

Шёпот, шорох и шаги
раздаются отовсюду,
а у Бабы у Яги
Чудо-Юдо ест вер-блюдо.

Все засони
и трусишки,
нерадивцы
и ленивцы,
забияки
и лгуны!

Вот о чём вы знать должны!

816.

О чистоте немецкой расы трубили Геббельсы всегда,
у русских этот грех ни разу не замечен никогда.
Учёные-этнологи Америки довели германцев до истерики,
доказав, что коэффициент их нации (черепные вариации)
на два пункта уступает русским,
хоть и выше итальянских и французских.

817.

Проповедь Нагорная изгрызла
инстинкт самосохранения славян:
ударил гоя иудей по морде —
отдай ему рубаху и жупан.

818.

Царь Пётр повадился колокола церковные
переплавлять в орудия огромные,
и Троицкая икона Богоматери
и дни, и ночи плакала старательно.
Пришлось царю икону осмотреть внимательно,
когда же снял оклад, то возле глаз
приметил ямки с маслом деревянным,
которым горько плакала икона.
Привыкший к козням окаяным,
взбешённый царь издал указ:
«Не медля перестать иконам маслом плакать, а иначе
живую кровию зады поповские заплачут».

819.

«Пусть 90% русского народа будет уничтожено», —
круша Россию, Ленин наставлял.
В наказ злодейский столько яда вложено,
что мир ещё такого не видал.

820.

Гламурность для меня — убогая черта,
ведь путь к гламурности порочен,
для многих же — заветная мечта,
стандарт престижных заморочек.

821.

Есть маргиналы, содержащиеся в квартире
поросёнка в качестве ребёнка,
естественно, таких немного в мире,
так можно провизжать довольно громко.

822.

Как на тройке напролом
да промчалась улица!
Раздавила за углом
поллитровку курица!

Я родился в кабаке
непорочно зачатый,
с поллитровкой в руке
и пьянящий начерто!

Пей из луж, честный народ!
В лужах всех — шампанское!
Так лишь раз бывает в год
по указу царскому!

823.

Бывало, Польша хохлов сажала на кол
иль норовила в рабство их продать,
но с Переясловкой радюю полякам
пришлось расстаться с панством навсегда.

824.

Так уж случилось с самого начала,
евреи не прижились на востоке,
в Китае перебил их Хуан Чао,
в Японии — Цзясу, сёгун жестокий.

825.

Придумали хитрюги иудоевропейцы
словечко «индоевропеец», словно лист на яйцах,
чтобы прикрыть в тысячелетях русский след,
и дурят до сих пор весь белый свет.

826.

И в школьные, и в вузовские годы,
и до сих пор я с книгами дружу,
на них в эпоху интернета
мода вроде бы проходит,
но я своей любовью к книгам дорожу.

827.

Золушки встречаются не часто,
но бескорыстность есть залог
и саморазвития, и счастья —
в диалектике таится бог.

828.

Евреи любят анекдоты сочинять,
но так, чтобы евреев стало жалко,
мол, гонят их не только палкой,
но о причинах от евреев не узнать.

829.

«Единая Россия» — фальшива изнутри.
Какая еднoсть меж олигархами и бедными,
ведь с девяностых Русью правят упыри.
Как быть единым с шайкою зловердною?

830.

Джинсы — бренд американизма,
самые похабные штаны.
Гляньте на себя со стороны —
жалкое виденье атавизма:
ковбой раньше в них с навозом управлялись,
теперь же джинсы супер-модой оказались.

831.

Юность глянуть в будущее хочет,
зрелость озирается вокруг,
старость прикрывает, жмурясь, очи,
замыкая неизменный круг.

832.

Тщеславие лишь в юности полезно,
мобилизует волю, бередит,
а в старости, как с Брежневым болезным,
презлую шутку может учудить.

833.

От перестройки не отмыться много лет,
нагадили в России дерьмократы,
везде оставили вонючий след,
всё испохабили, что русским было свято.

834.

По «Лукоморью» Пушкина известно,
что он достиг ведических высот,
проник в волшебный мир чудесный,
познал душевный мир красот.

835.

Славянский вождь всегда был на прицеле
у иудоевропейцев, и они сумели
в Закон оформить адский постулат:
«Убейте пастуха, и разбредётся стадо.
Нужна лишь мера действительного яда,
и не понадобится воинских затрат.

836.

Время то замрёт — не переждать,
то сорвётся вскачь — не остановишь,
человеку время не унять,
с ним не договоришься, не поспоришь.

837.

Мир англосаксов — мир рабовладельцев,
заплечных и подобных дел умельцев
и в нарко-бизнесе успевших нагрешить.
И в этом — спесь их, шарм и шик.
Мощь армии, убранство городов
взросли на поте, крови их рабов.

838.

Есть люди, не слышавшие о йоге,
насколько же их жизнь бедна, убога,
настолько же трудна к здоровью их дорога,
настолько далеки они от бога.

839.

Коль ты сумел открытье совершить,
то с мудрецом делиться не спеши,
делись своим успехом с молодёжью,
она поймёт и примет непреложно.

840.

Черпай поддержку в молодых сердцах,
ведь будущее зреет только в них,
и лишь они способны до конца
идти сквозь годы до вершин крутых.

841.

Как собирать весь народ воедино,
об этом знают друзья и враги.
Друзья взывают к России былинной,
враги говорят, от архаизма беги.

842.

Не зря природа разделила мужчин и женщин
на два противоположные начала,
но можно их энергию уменьшить
к великой неожиданной печали,
когда на брюки платье поменяют,
тем самым инь-потенциал теряя.

843.

Указ Святителя Руси был скорым:
«Кто в воскресенье в церкви не поклонится Христу,
того язычником немедленно сочтут,
тот в понедельник будет до смерти запорот».

844.

Свастика — символ бегущего солнца,
по-древнерусски яр-га называется,
энергия тел в небесах завихряется,
её не познаешь в просвете оконца.
Свастика — вихревая сущность природы,
Русы передали её в хороводах,
в знаках-символах, то есть в кодах,
их переняли иные народы.

845.

Кто бы самый мудрый из мудрейших
мне б ответил, не кривя душой,
почему в сказаниях древнейших
пишут о Гиперборее наперебой:
и в античных мифах, и в Ригведе,
и в Авесте так, как будто все народы вместе
там встречались и сдружились навсегда,
научившись и писать, и строить города
или, может быть, гиперборей расселились
по разным странам, землям и местам
и закрепились, и прижились,
но о Родине возможно ль не мечтать.

846.

Отец истории великий Геродот
славянонорусов скифами назвал,
он, кроме Анахарсиса, встречал
мужей великих только среди скифов.
Пусть многие считают это мифом,
но всё ж славяне не простой народ.

847.

Заповеди первыми сложили славяне,
по ним человек никого не обманет,
не обидит, и не поранит,
ни злословить, ни вредить соседу не станет;
вот почему они простодушны,
власти послушны,
легко уживаются среди чужаков,
не защищены от козней лгунов и врагов.

848.

Бездарность человека проявляется в семье:
друг другом восторгались по весне,
потом разочаровались при проблемах,
и не умея разрешить дилемму,
ругаются друг с другом в исступленьи
и оскорбляют, переходя в глумленье,
вместо того, чтобы обнять друг друга
и поспешить, в чём надо, повиниться,
не принижать, а возвышать заслуги,
уметь в партнёре малым восхититься.

849.

Немало молодых встречается людей,
способных лишь заморским восхититься,
мечтающих уехать за границу,
расстаться с Родиной своей.

850.

Якутская промёрзлая страна
скрывает потрясающие тайны,
и времена её ещё настанут,
ещё придётся удивляться нам.

851.

Русы-бореалы пришли из Беловодья,
его Гипербореей прозвали в мифах греки,
возможность у России появилась вроде
вернуть Гиперборею в состав страны навеки.

852.

Заглавный козырь демократов —
репрессии при Сталине в тридцатых,
но в девяностые при них
лишалось жизни в год по миллиону
ограбленных сверхнагло россиян,
расколотых на бедных и богатых.

853.

Протестантизм — основа англо-саксов,
обогащайся — главный их девиз,
на всё на свете существует такса,
лишь деньги определяют жизнь.

854.

Человек устремляется в завтра
в мечтаньях поймать Жар-птицу,
доверяясь молитвам иль мантрам,
свято верит, что чудо случится.

855.

Если жизнь вдруг мечты обманула,
то ещё остаётся возможность,
чтоб мечты эти внукам вернулись,
им поверить в Жар-птицу не сложно.

856.

Хоть семь пядей во лбу ты имей
или будь ты простой казначей,
но в какой-то момент заболей,
станешь жалкой игрушкой рвачей.

857.

Кто про девушек побает,
злую славу разнесёт,
того черти покарают,
того леший заберёт.

858.

У каждого народа должен быть правитель
такой, как Богумир у русов,
такой, как Ганди у индусов.
Где взять таких в сегодняшней элите?

859.

Смотрит старость в молодые годы
своего нелёгкого житья,
и душа тоскливо колобродит,
как в реке замёрзшей полынья.

860.

Настрадавшись от власти скабрезной,
вновь взываем к богам позабытым:
«Избавьте, боги, нас от болезней,
а Россию от её паразитов».

861.

Рыбакам как-то в сети попалась
Чудо-рыба с горбом волохатым,
разглядев её, долго смеялись.
Это хищник вкогтился в хребет,
но поднять добычу не смог,
и таймень его в глубь уволок,
так с тех пор стала рыба горбатой.

862.

В биологии жизни разобраться легко,
ведь в основе её состоят неизменно
кровь, урина, вино, молоко.
Это каждый обязан учесть непременно.

863.

В устремлениях к кайфу уцелеть невозможно,
ждёт здесь каждого киндер-сюрприз.
Одолеть диалектику каждому сложно,
ведь не в кайфе — в работе слагается жизнь.

864.

Да, Москва слезам не верит,
но поверит искренним сердцам,
если им удастся в должной мере
проявиться в жизни до конца.

865.

Опасный возраст — молодость шальная,
за нею нужен — глаз да глаз,
должна течь в русле сила молодая,
чтобы в конце использовать свой шанс.

866.

Про киевский майдан давно и всем понятно,
что подготовил, оплатил — сам дядя Сэм,
но почему скрывают ото всех
вклад Сэма в перестройку многократный?

867.

У меня есть друг хороший,
настоящий, верный друг,
я его в беде не брошу,
даже пусть — огонь вокруг,

ведь и друг мой тоже
мне всегда поможет.

Приключился вдруг однажды
у него аппендицит,
доктора звала я дважды,
только доктор не спешит.

Я сама лечила,
резала и шила.

Кто-то банку с мёдом на пол
в нашем доме уронил,
и меня ужасно папа
целый день вчера бранил.

Друг грозился лапой,
не согласен с папой.

А потом мы на диване
слово дали навсегда,
банок больше бить не станем
низачто и никогда.

Проживём без мёда,
хоть четыре года.

Не могу смириться с этим,
у дружка — болит живот,
я боюсь, что без диеты
мой дружок не проживёт

косолапый мишка,
плюшевый лобишко.

868.

Много ль для жизни нужно,
чтобы цвела она?
Но кружит над ней, но кружит
Чёрный ворон — война.

Много ли неба нужно —
Землю солнцем согреть?
Страдает она не от стужи —
Ворон несёт ей смерть!

Наточены стрелы смерти,
Ворон в небе завис.
Не ждите, когда на жертвы
Ворон ринется вниз.

Чтобы на белом свете
чёрной не быть грозе —
в Ворона стрелы цельте,
в Ворона стрелы все!

869.

Поиск счастья — заняты пустое
грезить фата-морганой не стану,
в сладкой, пряной, цикадной истоме
задремлю я под шёпот платана

Распахну двери, окна я настежь,
и душа моя пусть — нараспашку,
замаячит улыбочиво счастье
дурой куклою-неваляшкой.

Встретил куклу иль в сказке, иль в были,
как судьбу, я в одну из вёсен,
её ножки точёными были,
заблудился меж них, как меж сосен.

И с тех пор я найти не в силах
своё дело, свой путь и задачи,
Мать-земля над заблудшим сыном
пусть покраплет дождём, пусть поплачет.

870.

Горит закат в полнеба
огромным транспарантом,
встречая солью-хлебом
меня, как космонавта.
Озарено лучами
рабочее плечо,
как должное встречаю
к себе такой почёт.
На штурм готов всегда я
по первому приказу,
в борьбе не подкачают
могучие Белазы.
Скалу где отодвинуть,
реку где перекрыть —

работа для мужчины
должна бореньем быть.
Тяжёлые машины —
на острие атаки,
планируют планету
Белазы-работяги.
По силе нет им равных,
любой груз — по плечу.
В Белазе спозаранок
баранку я кручу.

871.

Белый голубь вьётся в облаках,
опадает с яблонь белый цвет,
оживляет в пламенных строках
белый непочатый лист поэт...
Белая больничная постель,
белый потолок и белый бред,
не идёт от голубя вестей,
сужен до предела белый свет:
потолок и стены, и кровать...
Рядом — кто-то в белом день и ночь,
кто-то в белом хочет отогнать
белый бред — и бред уходит прочь.
И стучится яблоня в стекло!
И зовёт к строкам своим поэт!
Машет голубь в вышине крылом!
Ширится, искрится белый свет!

872.

Нагадай мне счастье, нагадай,
на подарки я не поскоплюсь,
посули дорогу в дальний край,
где бы ветер напевал мне блюз,
где бы мог забыться я в глуши
от невежд, пижонов и ханжей,

где бы изредка в глухой тиши
слушал позывные журавлей.
Слышать крыльев журавлиных свист
и поверить в журавлиный крик...
Верю в неисписанный лишь лист,
лишь в прошедший эфемерный миг...
Нагадай мне счастье, нагадай,
как гадала дедам и отцам...
Где же тот счастливый вольный край,
что ты обещала им и нам?!

873.

Жду двадцать пятый раз весну,
как все и как всегда — с надеждой...
Прошло полжизни — не вернуть,
а вот надежды те ж, что прежде,
эх, с ними бы навек заснуть...

Ведь меньше год от года их,
подобно листьям пожелтевшим,
трепещат на ветвях сухих
они пред ветром налетевшим.

Ещё теплятся еле-еле,
ещё волнуют и зовут,
мечты ещё не охладели.

Стой, ветер, не лети, уймись!
А впрочем... с силой соберись

и дунь, чтоб сучья полетели!!

874.

По воле вечного закона,
живём, как в сказке: есть и царь,
и царство, трон есть и корона,
придворные стоят, как встарь,
Толпою жадною у трона,

И бога свергнув, о другом
поют и песни и хоралы,
ещё усердней служба стала,
И ярче на плечах погон.

Всё те же почести невежде:
учтивость, гибкость и покор.
Ты не доволен? Кем был прежде?

И попадёшь навек в немилость,
и милость для тебя затмилась...

Какой позор до этих пор!

875.

Вот он Я — Человек, седина в голове,
не тщедушен, не тучен, может, многих и лучше;
по натуре Я — лидер, а по духу — творец,
ни подлец и ни льстец с меня сроду не выйдет,
чтоб спокойно мог спать, должен я уважать
своё слово и дело, хоть всегда над собой
я работал умело, но мечты голубой
никогда не имел я.

876.

Ни одна мною страсть не владела без меры,
и не вызовет страх никакая потеря,
я не вижу причин суетиться, ловчить,
но в звезду свою верю.

877.

В жизни Так повелось: чем масштабнее гость,
тем кусочек сытнее и тем рюмка хмельнее
подаётся ему в именитую руку,
и на этот-то счёт даже целой наукой
обзавёлся народ: как разделить барана,
часть какую кому дать, чтобы сердце не ранить.

878.

Стихи — моя волшебная стихия,
эмоции и мысли — два крыла,
готовые возжечь и вспылать,
способные увлечь в миры иные.

879.

Думы, думы и сомненья —
тяжкий груз прошедших лет,
могут душу так на нет
истоптать без сожаленья.

880.

Книга — штандарт мой,
она же — и щит, и меч.
За неё готов идти в бой,
чтоб её уберечь.

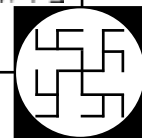
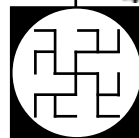
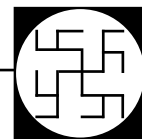
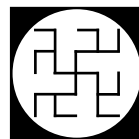
881.

С Триполья /пять тысяч лет до нашей эры/
славянорусы все ведут свой род
Славянорусы — коренной народ.
Не меньше и ведизму, русской вере.

882.

«Дон обезоружить, обезглавить,
иначе гибель будет нам», —
звонил Ильич на все заставы,
оглядываясь по сторонам.
Так лучшие воители страны
по-иезуитски Ильичом истреблены.

Добывание русичами «Священного огня»

Солнышко. Рисунок современного ребёнка мелом на асфальте (прорисовка фотографии А. Афонина, опубликованной в «Неделе», 1983, № 22, с. 16)

Рисунок солнца на тазминской стеле (Южная Сибирь. IV-III тысячелетия до н.э.). Абсолютное сходство рисунков современного ребёнка и неолитического художника не случайно, а по закону архетипа. Особенности мироощущения наших далёких предков-солнцепоклонников навсегда закрепляются на подсознательном уровне потомков (онтогенез повторяет филогенез). Для правильного и здорового развития детей их воспитание должно проводиться в рамках этнического мировоззрения и культуры, то есть на основе ведизма.

883.

Есть немало религий,
но один лишь ведизм
это есть жизнезнание.
По «Велесовой книге»,
становленье славян
продолжалось «две тьмы»*.
Был у всех северян,
проживающих жизнь
среди долгой зимы,
свой особенный шик,
склад ума, строй души;
Поклонялися яро
Солнцу, Небу, Огню,
Зорям, каждому Дню,
оттого-то славяне
слыли как огнищане,
и была изначальной
у них связь с Заполярьем,
где был истинный Рай;
и отнюдь не случайно
у народов всех стран
сохранились навеки
знанья северных тайн:
как молочные реки
безмятежно струились
в берегах-киселях,
и как дети резвились
во дворцах-хрустальных,
и как Солнце вставало
лишь раз в год, а не — в сутки
(у людей год по сути
равен дню у богов).
В Заполярье немало
было прочих чудес:

*

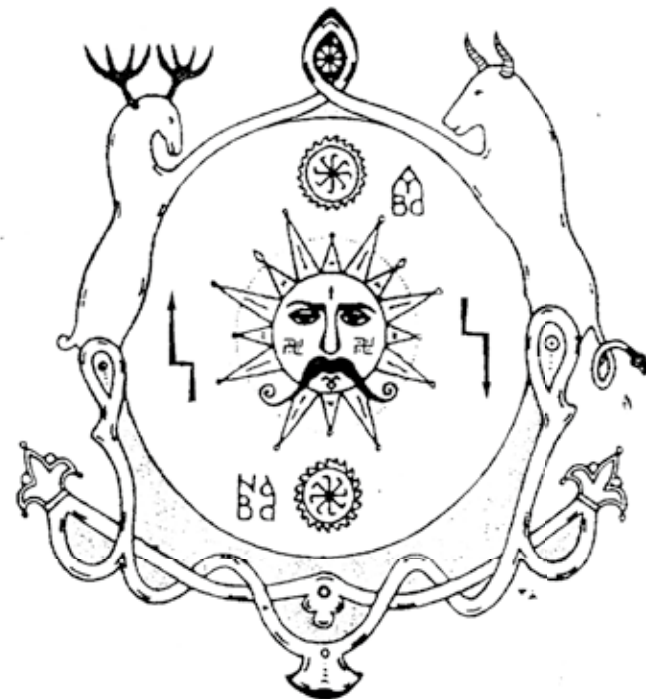
«Две тьмы» — 20 тысяч лет

Алатырь — гора-камень,
с водой чистой криница,
чудо-яблони, груши,
мощный Дуб — до небес,
по которому в Вырий,
то есть в истинный Рай,
с земли можно подняться
и богам всем, и душам.
Охраняли веками
Райский Сад чудо-птицы:
Алконост, Финист, Сирина.
Этот сказочный край
Беловодием звался,
всем он вечным казался,
но однажды для Рая
приключилась беда...
Надо ж было случиться —
с метеором столкнувшись,
вся Земля содрогнулась,
и волною накрывшись,
жизнь на ней захлебнулась.
Навсегда Райский Сад
поглотила вода,
всё сильнее холодало,
льдом все воды сковало,
не вернуть Рай назад,
и славяне, страдая
от морозов и вьюг,
потянулись на юг
косяком птичьей стаи.
Крит смогли обустроить
и великую Трою,
и богов грекам дали,
и гексаметров строй.
Куда только порой
их судьба не кидала,

где б они ни бывали,
куда б только ни шли,
о потерянном Рае,
о родном, отчем крае
грусть унять не могли.
На чужой стороне
в песнях грусть изливали,
струны душ задевали
и страдали вдвойне.
В чуждеальном краю
разделить горе не с кем,
может лишь Гамаюн,
вездесущая птица,
в чутких снах появиться,
весть пробаять свою
о великом народе,
о святом Беловодье,
тайне отчей земли,
где молочные реки
безмятежно текли
в берегах-киселях,
и где пращурь жили
во дворцах-хрусталих
и Дажьбогу молились.
А ещё Гамаюн
напеть песни могла
о героических делах
воев-русичей ярых,
прославлявших в бою
свой народ в должной мере,
о пророках-волхвах,
сохранивших недаром
древнерусскую веру.
Самый славный герой —
Александр Македонский,
самый славный пророк —

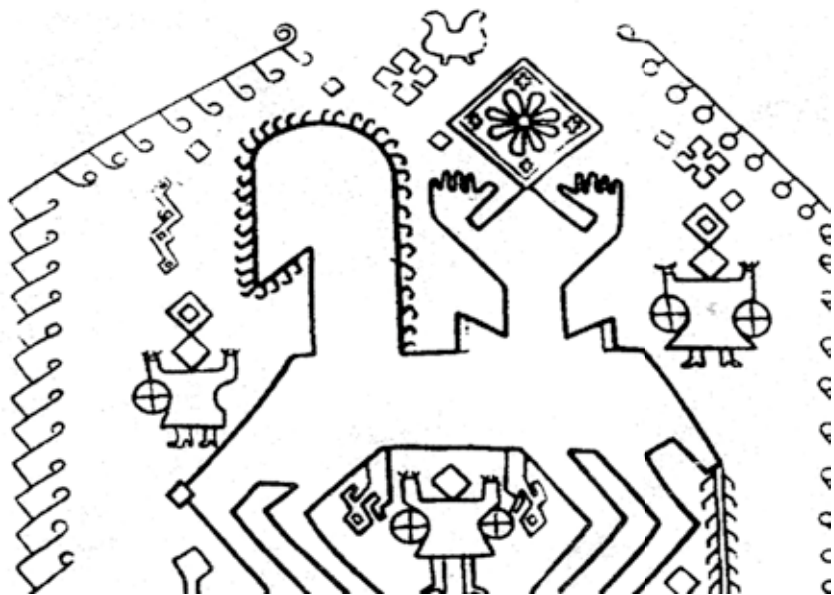
мудрый Бус Белояр...
 Было всё у славян:
 и свой Рай, и держава,
 и всемирная слава,
 песни, эпос героический,
 власть волхвов и бояр,
 и свой Праведный путь;
 кто ж о том ведать мог,
 что придётся славянам
 с Пути Прави свернуть,
 что у них чуждый бог
 Вседержителем станет,
 что в России самой
 кровнорусский Иван
 не хозяин — изгой.
 Больше тысячи лет
 чужаки правят Русью,
 принося много бед.
 Разве может быть строй
 и порядок такой
 не кровавым, не гнусным?

**О, СОЛНЦЕ, БОГ И ОТЕЦ МОЙ! ДАЙ МНЕ СИЛЫ,
 ЗДОРОВЬЕ, ДОЛГОЛЕТИЕ, ЧТОБЫ ЗАВЕРШИТЬ
 ЗАВЕЩАННОЕ ТОБОЙ!**

ДАЖЬБОГЪ СЛНЦЕСЪРЪ СВАРОГОВЪ 卐

Из архива общины «Родолюбие»

Поклонение Солнцу

884.

Мне вслед за Пушкиным придётся рассказать
о Лукоморье, ведической святыне,
и принципы ведизма передать,
что русичам должно бы ведать ныне.
В нём — суть ведизма, древо жизни,
период от рождения до тризны.
Здесь в мире Яви правит Солнце-Сокол,
Алконост встречает на востоке,
на западе провожает Сириноптица,
у основья древа — Алатырь,
в нём сила неуёмная таится,
мерцаньем наполняется эфир,
на камне освещая книгу Вед,
с которой на Руси грядёт рассвет.
У корня Древа дружно родники
журчат с живой и мёртвою водою,
в них не всегда, но вешнею порою
омолодиться могут старики.

885.

Москва — России всей столица,
Москвою надобно гордиться,
но вместе с тем и должно знать,
что на Руси /Гардарике/ всегда
древнейшие имелись города.
Асгард — один из первых, город Асов,
то есть богов, владевших всею Асией великой,
они пришли из Гипербореи затонувшей
и принесли письмо, ведизм, культуру,
а их потомки — русы-бореалы
несли их дальше через тысячи годов
тропою Прави — Совесть и Правды.
В тысячелетьи во втором до нашей эры
царь Богумир, всех русичей правитель,
земли Киммерской управитель
и многих прочих стран властитель
создал сакральный центр великий —
Священный Аркаим среди долины дикой.
На Западе, в Прибалтике Словен
воздвиг Словенск совместно с братом Русом,
столицу всей империи своей
от Мутной и Невы до самой до Оби.
Словенск в Европе был древнейшим градом.
Ещё до нашей эры на Кавказе
возник Кияр Великий, ставший сразу
столицей Русколани, ею позже
преславно правил Бус, шестой пророк России.
А после были Новгород и Киев,
а уж потом Москва, России всей столица.
Да, есть чем русичам гордиться.

886.

Грядёт возрожденье России,
нашей великой Отчизны,
грядёт возрожденье ведизма,
как бы его не гасили.

887.

В тысячелетьи во втором до нашей эры
русич-волхв Олень на острове Делос
храм Аполлона основал впервые
как символ и оплот ведизма.
А после русичи-пеласги
на Пелопоннесе основали Горицу,
где удалось и укрепиться, и застроиться,
прижившись здесь, античный мир создать
и тем прославиться навеки
под псевдонимом — «древние греки».

888.

Одд — варяжский насильник,
Киев взял вероломно
и стал править Россией
на просторах огромных,
словно волк в личине овечьей.
Одд-варяг стал Олегом вешим.
Себя в России варяги, как волки, вели
и волхвы Одду смерть предрекли
от погранной русской земли,
от укуса ядовитой змеи.

889.

Ведизм – не архаизм, он вечен,
в России, в Индии, в Армении, в Европе
не заросли ведические тропы,
звучат опять ведические речи.

890.

Возрождение народа
не зависит от дохода,
а тем более от моды,
а зависит лишь от Рода.

891.

В тысячелетии первом проявился
наивысший всплеск духовности людей:
Гермес, Конфуций, Лао-Цзы, Орфей,
и Зороастр, и Эпикур, и Пифагор, —
сумевших увеличить кругозор
до истинных красот духовных.
Казалось бы — открылся путь достойный,
лишь авраамических религий нехватало.
Они пришли — и эра фанатичных войн настала.

892.

За всю историю людей
из всех царей, из всех вождей
был истинный правитель мира,
носивший имя Богумира,
в различных землях первопредком звался,
и в статусе таком он навсегда остался —
Благой Имир, Ямал — в Сибири,
Кимер — в Европе, в Малой Азии — Гомер.
Все эпосы народов мира
воспели своего кумира.
Царь-русич Богумир и в «Книге Велеса» воспет
как русский патриарх,
и в памяти, и в чувствах, и в умах
живёт он с нами много тысяч лет.

893.

Златорогий олень – святая святых
скифского звериного стиля,
возможно дойти до истин простых
с позиций ведизма, вестимо,
ведь златорогий олень – это Дажьдбог,
солнечный русский символ,
которого злая Морена
вероломно превратила в оленя.
Так кем же являлись скифы,
творившие по русским мифам?

894.

На греческих мифах я вырос,
прекрасней античных героев,
казалось мне, не было в мире,
но вдруг — озаренье мне кто-то послал:
Геракл — это ж русич, царь Ярослав,
а Греция — русская Горица,
так русы-пеласги страну называли,
которая Пеласгией звалась вначале.
Античная Горица — русская вотчина,
отстроенная гиперборейями-русами,
которые славу ей напророчили,
одарили богами, героями, музами,
в античную тогу пышно одели...
Тяга к античности — синдром идентичности,
то есть тяга к предкам на самом деле.

895.

«Илиада» — вершина античного творчества,
поэма-кладезь, поэма-пророчица,
найдена на землях Трои, в Кеми.
Топоним Кемь русским был искони,
в поэме сей — боль по утраченной Трое
поэта и гражданина, который строил,
возможно, сам лично свой город,
но враг его взял обманом, измором.
Гекзаметр поэмы в античность привнёс
волхв-русич Олень, построивший храм
на острове Делос в честь Аполлона,
когда ещё греки пасли своих коз,
гонялись за ними по скальным горам,
чтоб перегнуть на зелёные склоны.
В Троянской земле в античное время
Гомером все звали царя Богумира,
который правил русами всеми.
Есть много примеров, доказательств других,
что Гомер-кемеенин — истинный рус,
их здесь приводить пока не берусь,
их просто не выдержит стих.

896.

Славяне, братья, лохами не будьте,
вас сталкивают лбами, как баранов будто,
ведь именно славян всегда боятся,
когда они в союзе, в дружном братстве.
Славянский мир давно трещит по швам,
манипуляторов в среде славян довольно,
в трухлявой демократии царит сплошной бедлам...
Где ж национальный лидер всенародный?
Пока он явится, пусть «Велесова книга»
хранит славян от западного ига.

897.

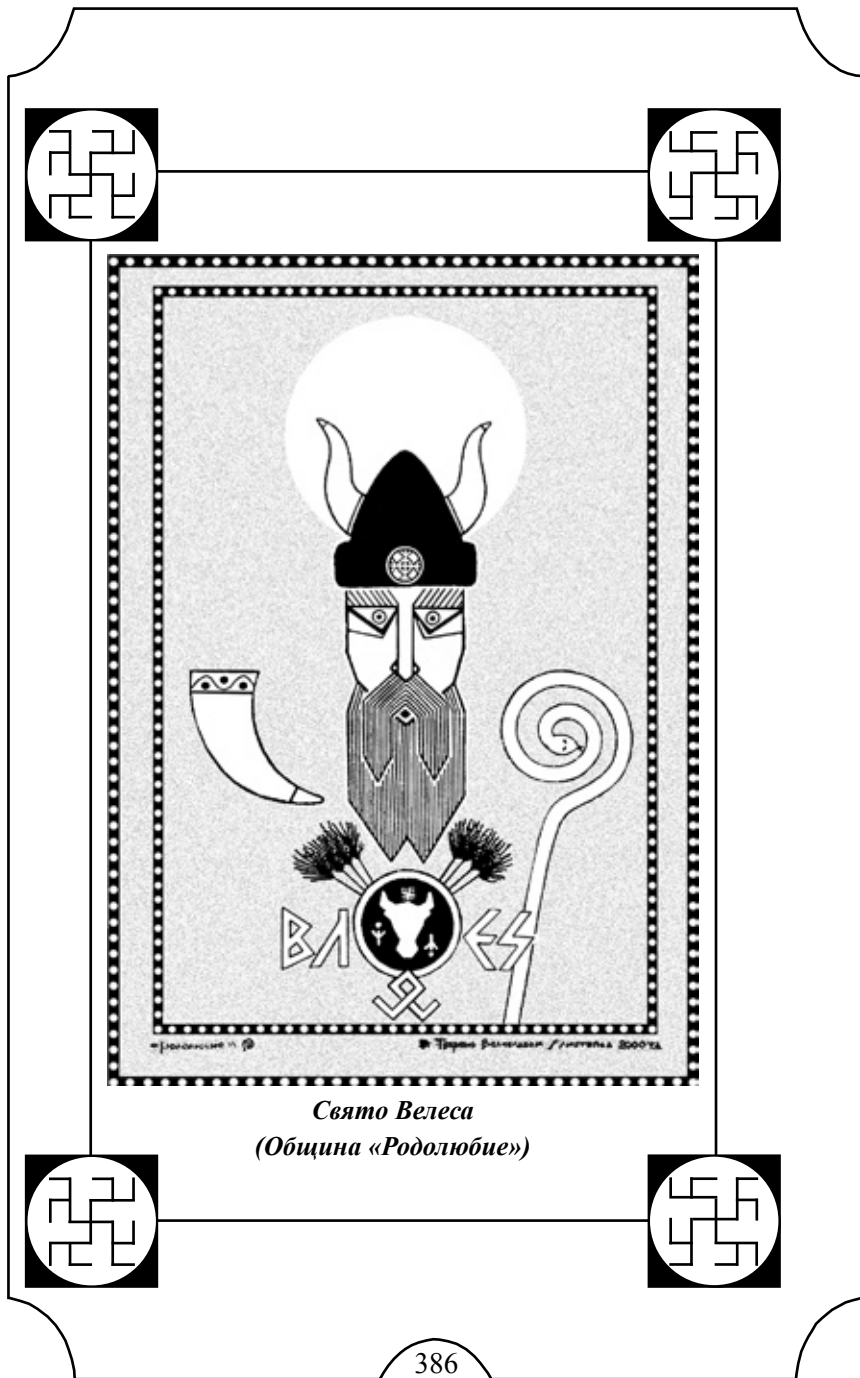
Вместе с «Книгой Велеса» для нас
всплыли славные героев имена,
от полчищ алчущих не раз
захлёбывалась в крови страна.
Но Новояр, Бобрец и Криворог
крушили греков в хвост и в гриву,
зловредных, алчущих, спесивых;
Хорбер и Болорев, и Меземир
громили готов горделивых,
отомстил конунгу Винитарно за Буса — Велемир...
Славнее нет, кто Русь объединял:
Словен и Рус, Ор и сыновья их,
Месх, Ясунь, Оглендя и Гатал —
великие потомки Богумира,
который на тысячу годов
власть обеспечил русам во всём мире.

898.

Мы с «Книгой Велеса» живём полвека,
с ней возродились с давней старины
и вроде бы стяхнулись от опеки,
но обновленья так и нет страны,
Россия не возрадовалась счастьем,
что пращуров Заветы обрела,
которые избавят от напасти,
устроят все насущные дела.

899.

Царь Александр Македонский правитель,
великий славянорусский воитель,
прошедший по дальним военным дорогам,
весь мир покоривший,
на небо вознёсшись и став
русским Дажьбогом.

900.

На море, на океане, на острове на Буяне
прикоснусь я к Алатырю-камню,
приложусь до него руками,
загадаю желанье к Дажьбогу,
пожелаю немного:
лишь звезду над порогом
да любви настоящей, сердечной,
взаимной и верной, и вечной.

901.

Сакральный центр всея Руси
возник в глубине веков
близ Волги, матушки-реки
на склонах батюшки-Урала.
Так Аркаим, священный город
столицей стал ведизма вскоре.

902.

О русской женщине недаром говорится,
что по красоте земной она — Жар-птица,
что по уменью — чудо-мастерица,
что по духовности — чистая криница.

903.

Я тело своё и разум
старался, как мог, развивать,
и с юности йоге обязан,
с ней многое можно познать.

904.

Родник, Природа, Родина, Родня —
без этих слов мы не живём и дня,
потому что Род — наш истинный бог,
всё для нас породивший, что мог.

905.

Природа вся, весь Космос и мы сами
заплетены в клубок единой жизни,
какими б человек ни шёл стезями,
от самого рожденья и до тризны,
не должен рвать связующие нити —
все нити меж собою перевиты,
как наперёд узнать, рвёшь нити чьи?
Природы? Космоса? Свои?

906.

Приняв от русов-пеласгов, учителей-гуру
веру, письмо, и культуру,
греки одарили всё человечество
своим романтическим творчеством.
Когда ж натянули христианскую маску,
померкли античности яркие краски,
так греки стали ярчайшим примером,
как можно лишиться первенства сдуру,
всего лишь только сменив свою веру —
потерять почти всё, разрушить культуру.

907.

Русские пророки являлись
в каждом тысячелетии до нашей эры:
в четвёртом — в образе Яра,
в третьем — в образе Ария,
во втором — в образе Яруны,
в первом — в образе Ария Оседня и Арианты,
в начале эры — в образе Буса Белояра.
И всё это время арии-русы
являлись народом-гегемоном,
который создавал государства и города,
внедряя письменность и культуру,
потому-то русских правителей
величали везде одинаково:
рус-сур, рас-сар, рыс/ь/ — сир, рес-сэр.

908.

Красят русичи яички в шелухе из лука,
получая каждый лично постулат науки —
всё явилось из яйца, конечно, не простого —
из вселенского Отца — Рода золотого.
Он родил весь Белый свет: Солнце, Месяц, Звёзды,
ему равных в мире нет,
он и добрый, он и грозный,
он — всегда, и он — сейчас от Земли до Небосвода,
Род — везде, при всём, при нас,
а мы все — при-Роде.

909.

Алатырь — сакральный камень,
в Беловодьи он веками
русам помогал не раз,
потому на нём для нас
храм построил Китоврас.

910.

Чтоб богов почитать, чтоб веселиться
у русичей служит сурица.
Возьмите шалфей, девясил,
которые нужно смешать
и в мёд с молоком погрузить,
на солнце три дня просушить,
а после сквозь шерсть процедить,
получится божий напиток
для требы русским богам,
для радости общей добытый.

911.

Ведической религии — две тьмы,
то есть два десятка тысяч лет,
и этим-то должны гордиться мы,
но у большинства к ней интереса нет,
но если большинство не хочет знать
о древних русичах и Ведах,
тогда придется сказать,
что это их проблемы, это их и беды,
ведь русичи, поверив сдуру,
что христианство есть религия славян,
попались на простой обман.
На самом деле христианство —
по сути волк в овечьей шкуре.

912.

Иван Дурак — он вроде бы чужак такой,
в народных сказках же герой он частый,
и если бы меня назвали дураком,
наверно, был бы несказанно счастлив.
Фонема ДУ обозначает — дважды,
о чём, возможно, знает каждый,
а РА есть Солнце, то есть ярый свет.
Дурак есть дважды просвещённый,
в тайны мира посвящённый,
в таком значении слова — спора нет.

913.

Россию грабили уже не раз,
но она отнюдь не обеднела,
ни в прошлые эпохи, ни сейчас
её земля ещё не оскудела.
Но главное богатство россиян —
в душе великой, чуткой, незлобивой,
в ней — их особая, духовная краса,
в ней — русичей сокрыта особенность.

914.

Прихватизаторы в России поживились
в лихие девяностые года,
как объяснить им, чтоб не усомнились,
награбленное придётся отдавать,
пока же пусть по-кроличьи дрожат,
успеют, нет ли за бугор сбежать.

915.

Русичи, братья и сёстры, свои узнайте истоки,
и кто на погосте лежит в забвеньи глубоком.
Помните о Богумире, о его супруге Славуне,
красавице и ведунье,
которые в славе и мире правили русской державой,
нашими первопредками они оказались по праву,
а мы являемся ветками великого русского древа —
Богумира, Славуны, детей их Руся и Севы,
Древы, Скреввы, Полеввы.

916.

Мазуринский летописец нас уверил,
что в третьем тысячелетии до нашей эры
там, где струится Мутная река,
Словен построил русскую столицу,
вплоть до Оби установил границы,
в походах до Египта доходил...
Потомков же своих не покорил...

917.

От Урала до Карпат простиралась Русколань,
от Восхода на Закат солнце путь свой проходило,
собирая со славян
в виде сурьи свою дань.

918.

Яргические знаки — символ Солнца,
их русичи создали больше сотни,
один из них фашисты переняли
и звать фашистским знаком стали...
С какой же стати, непонятно?
Верните нашу свастику обратно.

919.

Беловодье — мечта наших предков,
страна умных, здоровых людей,
а теперь на Руси о нём редко
вспоминают в серости дней.

920.

На краю ойкумены стоят города:
Якутск, Архангельск, Норильск, Магадан —
почти месяц встаёт над ними заря,
и полгода в небе звёзды горят,
Беловодьем когда-то этот край наречён,
первородиной русов был веков испокон.
Но однажды случилась с Беловодьем беда,
его земли накрыла большая вода,
под ней отчих гнёзд уже не сыскать.
Якутск, Архангельск, Норильск, Магадан
своим появлением твердят, что тоска
о своём Беловодье не пройдёт никогда.

921.

Горшок каши — пища наша,
борщ же русский — это чудо,
нет вкусней его и краше,
и, бесспорно, это блюдо
ноу-хау всех времён.
Борщ — от бога обретён.

Пун Земли

На древней карте показано, что в третичном периоде (кайнозой, менее 100 млн. лет тому назад) Америка, Европа, Азия соприкасались в северной циркумполярной зоне.

Атлантида и Гиперборея

Гиперборея на карте Меркатора

Вверху: образ Атлантиды, согласно рассказу Платона. Внизу: укрепления Микен, столицы Крита. II тыс. до н. э.

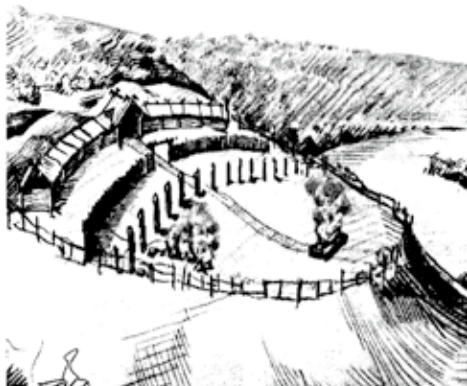

Вид раскопок Аркаима (Кайле-града), Священного города русичей на Урале. III-II тысячелетия до н.э.

Ритуальное городище Девин на Дунае

Святылище на Благовещенской горе во Вициже (реконструкция)

Гора Сленжа (Собутка) — древнее ритуальное место западных славян

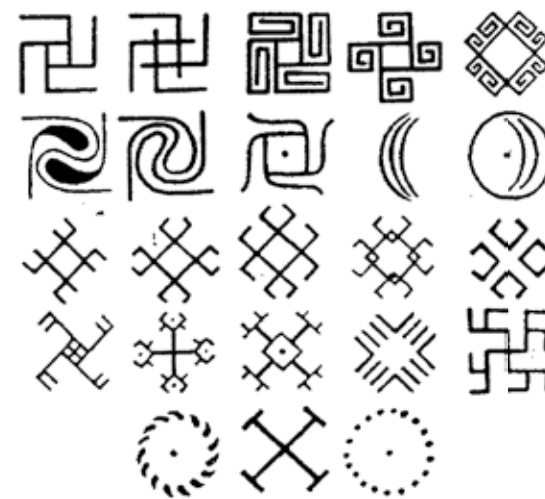
Древнее изображение медведицы на горе Собутке

РА
Рґ

Светила — Очи РОДА
Дажьє Ра — солнце ЯВНОГО мира

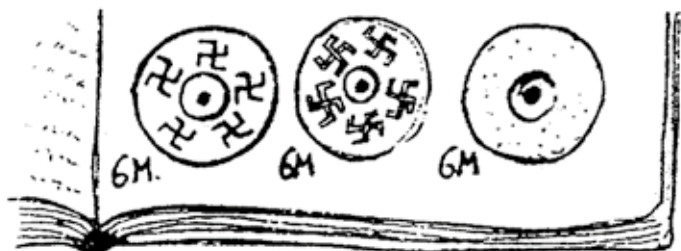
НАВЪЕ Ра — Священная Планета Отцов — стабильность, уравновешенность, духовность.

Орнаменталистика — код национального сознания (третье положение биосоционики)

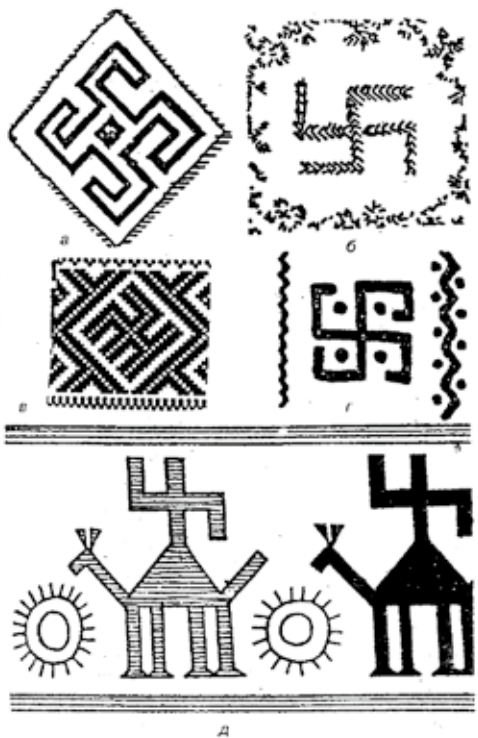
Художественная культура русов-индоевропейцев Самары 6–5 тыс. до н.э. достигла необычайных высот. Керамика, украшенная замысловатыми обережными крестами-свастиками, не имеет равных в мировой художественной культуре. Солнцеворот — характерный оберег русов.
(Ю. Д. Петухов. История Русов).

Страница из записной книжки Г. Шлимана, нашедшего и раскопавшего Трою. Отчётливо видны свастики-обереги на артефактах. Свастика есть один из символов русов-бореалов, по которому их и узнают археологи. Но историки-«библеисты», несмотря на сотни тысяч артефактов со свастиками, всячески избегают их публикации в печати, тем самым скрывая правду о первичности русов-бореалов в Малой Азии и на Ближнем Востоке в целом. Такой подход порождает сказки о «тёмных веках», «белых пятнах» и семитских государствах Древнего Востока. Русы-бореалы 4–1 тыс. до н.э. не были «белокуроими бестиями», они были земледельцами и созидателями. Они верили в «свет, святость и вечный круговорот жизни».

Мотивы свастики: а-з — традиционные мотивы вышивки и кружев, Вологда, XIX–XX вв.; и — Новгород, XIII в.; к — Чернигов, XII–XIII вв.; л — Русь, XIII–XV вв.; м — Рязань; н-о — трипольская культура, энеолит; п-т — скифо-сарматские изделия, 1-е тыс. до н.э. — начало н.э.; у-ф — андроновская культура, эпоха бронзы; х-ц — Северный Кавказ, эпоха бронзы; ч — Западный Прикаспий, эпоха бронзы; ш — Индия, роспись; щ — Индия, узор на свадебном сосуде; э — мотив вышивки, Таджикистан. Подборка С.В. Жарниковой

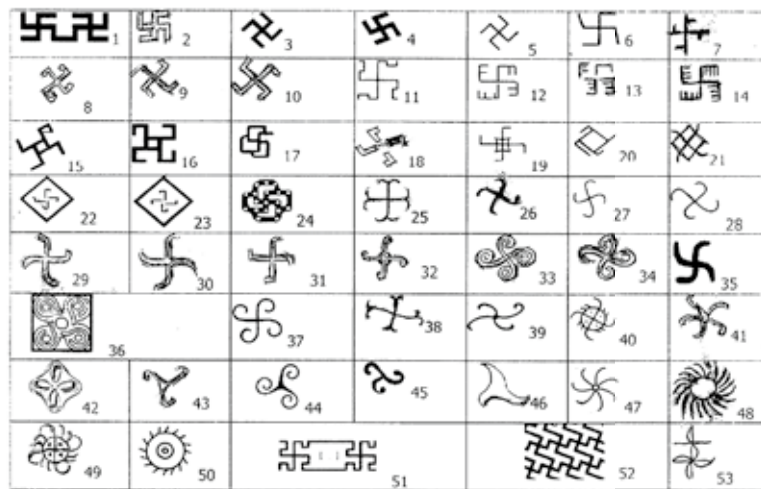

Свастика в вышивке: а — русский Север;
б — Белоруссия; в — Таджикистан; г, д — Индия

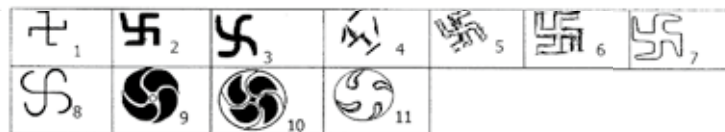

Водная дева: а — славяне, б — Индия

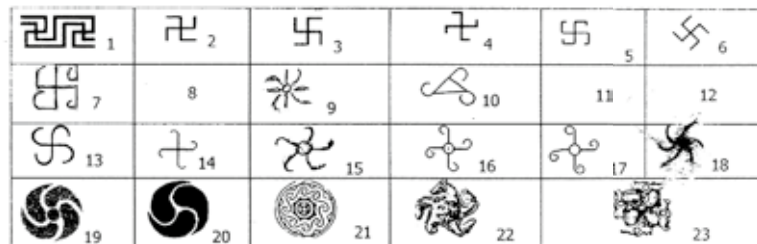
Характерные начертания яргических знаков в южнорусских землях.
IX—XVII вв.

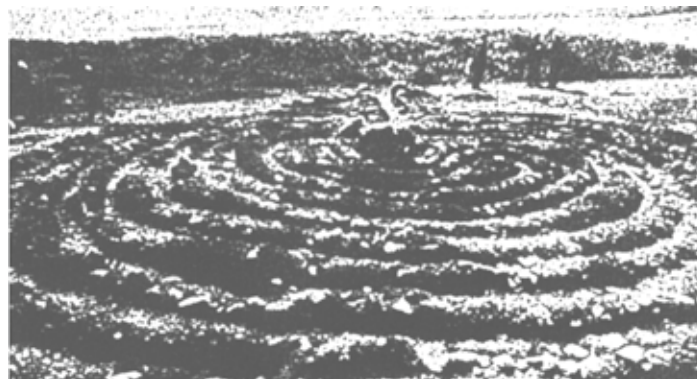
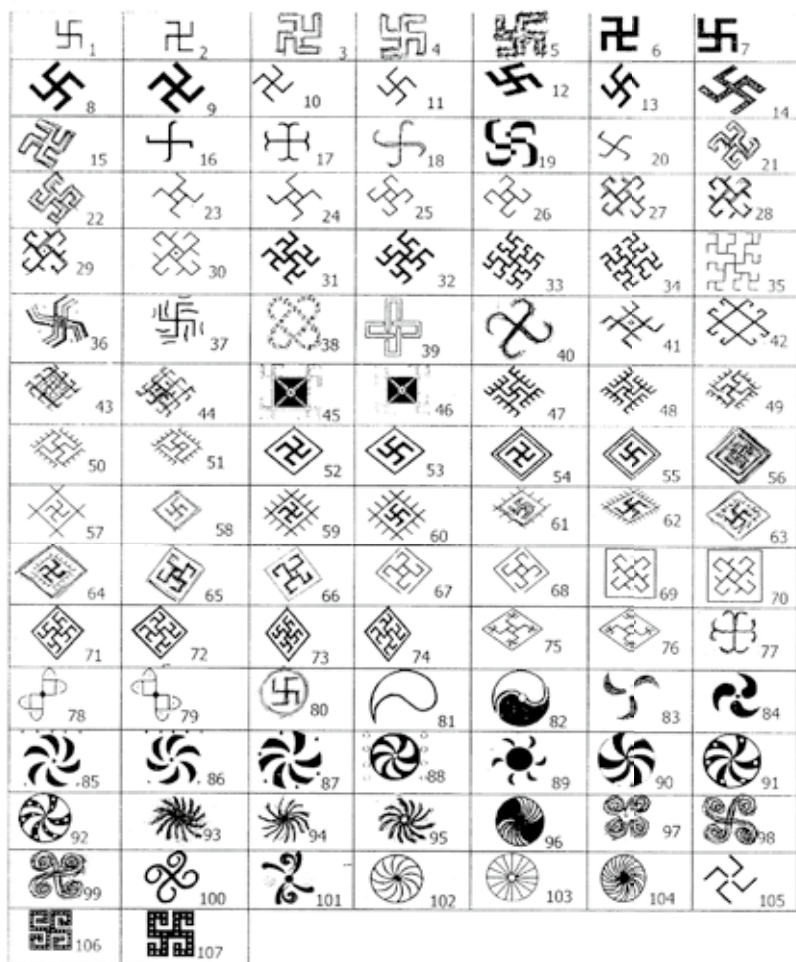
Характерные начертания яргических знаков восточных славян
и их возможных предков. I—IX вв.

Характерные скифо-сарматские начертания яргических знаков

Характерные начертания яргических знаков у велинорусов
Северо-Запада России. XVII–XXI вв.

Лабиринт, или «Вавилон» на Русском Севере

Схемы каменных лабиринтов Соловецких островов.

1, 7, 9 — Большой Заяцкий остров; 2, 4, 6, 8 — Большой Соловецкий остров; 5 — Анзер

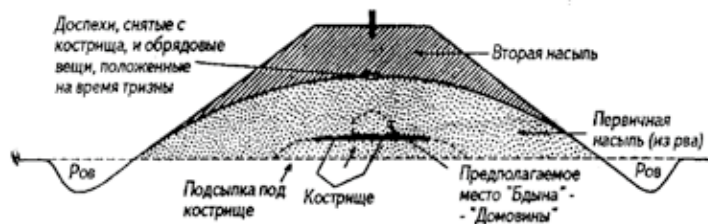
Лабиринт на этрусской табличке. Лабиринты родились на гиперборейском Севере (некоторые виды лабиринтов отражают путь северного солнца). Славяно-русская цивилизация распространила их по всему миру.

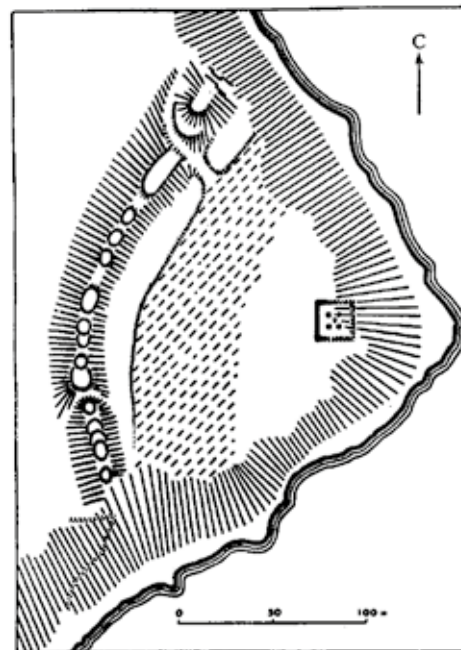
Священный дуб
на острове Хортица

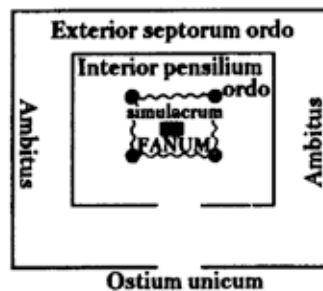
Чёрная могила в Чернигове
(раскопки Д. Я. Самоквасова). Середина X в.

Стадии погребального обряда в Чёрной могиле

Храм Арконы, расположенный в северной части острова Рюген. Прямоугольный храм находился на вершине укрепленного холма. Отмеченная пунктиром территория была занята домами, на открытом пространстве проводились праздники.

План и реконструкция храма Святовита в Арконе.
Последний языческий храм, разрушенный в 1168 году датским королём Вальдемаром

922.

Протерпела Русь бедствий иговых лет на тысячу:
и Хазарское, и Татарское, и Романовых —
все по триста годков,
к ним ещё — большевистское, дерьмократское...
Ох, сладка ж ты, земля святорусская!

923.

Кошуну — святым писанием были,
жить по правде русов учили,
ведь Неправда, Бесчестие — грех,
а ещё научали русичей всех
защищать свою Родину — Русь,
но вдруг Церковь пришла
и швырнула вверх дном волхвовские благие дела,
и кошунством их нарекла.

924.

988, 1917, 1991 — три даты позора России,
хоть нет ей равных по силе,
но еврейство её трижды одурачило,
околпачило, переиначило.

925.

«Русский — лапотник», — смеются чужаки,
кому над кем смеяться — вот вопрос,
из каменного века русы-мужики
проблему с обувью решили навсегда всерьёз,
плетёнки-лапти — лучшая обувка —
служила русичам десятки тысяч лет,
Европа и Восток веками
стучали деревяшками о камни,
стирая ноги всякий раз в прогулках,
не зная, как избавиться от бед.
Другой шедевр у русов — валенки-пимы,
удобней нет обувки для зимы.
Кстати, в создании тканей и станков
русичи, конечно, были первыми
/второе тысячелетие до нашей эры/.
Ещё гениальней среди русских созданий
явились чудесные русские бани.
Европа не мылась пятнадцать веков,
страдая от вшей, чумы и холеры
и, лишь разжирев от захвата колоний,
Европа закичилась богатством без меры,
создав на рабстве свою культуру.
У европейцев — гнилая натура,
жизнь их течёт в погоне
за роскошью, кайфом, химерой.
Всё больше становясь спесивей,
умерь, Европа, гонор свой,
не тьявкой на Россию,
пыхатый рот закрой.

926.

Из русской «Книги Коляды» известно, что Дажьбог на Маре порешил жениться, а она, коварная, нечестно вздумала над богом поглумиться, опоила чарами Дажьбога, превратив в оленя златорогого. И с тех пор в народе говорится: «Баба мужику рога наставила». Так что, мужики, на ус мотайте, что бы ни случилось с вами, знайте, если на столе всего наставлено, не спешите чарой насладиться.

927.

Дажьбога Мара превратила в оленя златорогого, но Солнце оставалось быть светилом, поэтому олень в искусстве боговом ассоциирован с русо-скифским стилем.

928.

Руян — на Балтике, Буян — в Тамани, Сурож — на Чёрном море, и Аркаим, и Новгород, и Киев — священные места Руси великой, без них она была бы сира и безлика.

929.

На Купалу утром рано вспомним Марьюшку с Иваном, будем в поле травы рвать, сестру с братом поминать. Брат женился на сестрице, на родне нельзя жениться. Загубил их тот порок — превратились в цветок, на братульке — жёлтый цвет, на сестрице — синий цвет. Ох, горька же та травица, цветком стали брат с сестрицей.

930.

Правь, Явь и Навь — суть свастика Триглава, служил он нашим предкам испокон и множил силу их и славу, а нам давно не служит он.

931.

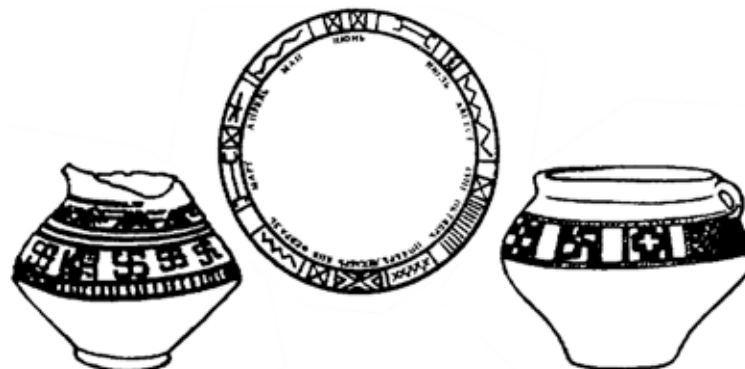
«Повесть временных лет» — совсем не повесть, а явная фальшивка — вот те крест! Хоть Нестор зачинал, переписал Сильвестр, а что они враги Руси — не новость.

932.

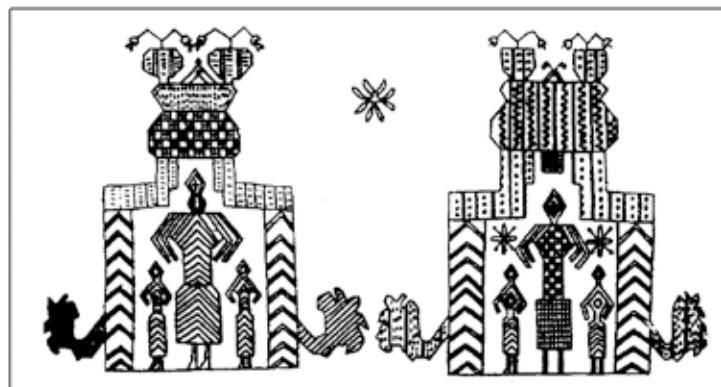
Междуусобица — беда славянорусов,
прямой пример — майдан на Украине.
и нам печально, горестно и грустно,
как Украина в лютой злобе гибнет.

933.

Я внемлю мудрости заветов древних:
«Хождение в лазню — путь к здоровью верный».
«Питьё безмерное — то матрица беде и злу»
«Измена тако же — мать разлук».

*Прорись сосуда со знаками двенадцати месяцев и четырёх
солнечных фаз (наверху). Сосуды с календарными знаками из
Смелы (р. Тясмин. Скифское время) и Балтийского приморья
(внизу)*

*Древнерусский храм (в вышивках), посвящённый Макоши и «ро-
жаницам»*

*Исполнение протяжных
призывов весны
(этнограф Ю. Е. Красовская)*

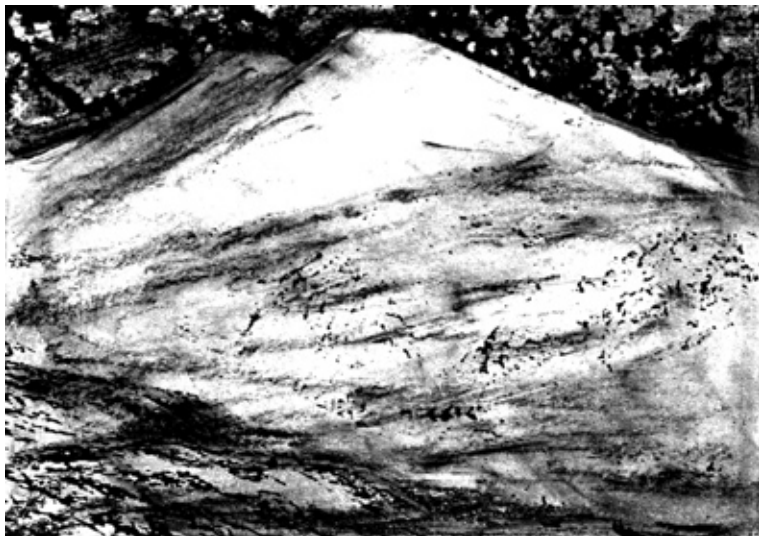
*Народный ритуальный
костюм для танца
(б. Пензинская губерния)*

Схема примерного распространения славянских племён на VII век до н.э. Условные обозначения: сплошной линией показана территория славянского государства вандалов, определённая по материалам рукописи А.Я. Артынова; штрих-пунктирной линией — в дополнение к территории, указанной сплошной линией, дана область расселения славян, составленная по данным археологии, исторических источников и лингвистики; пунктирной линией показана предполагаемая территория проживания славян, дополнительно к первым двум территориям

Славяне, аланы, готы и гунны. IV в.

Эльбрус (Алатырь-гора) — 5642 м

Монумент Буса Белоляра. IV в.

Надпись на памятнике Бусу

Примечание: местоположение Русены указано на сер. II тыс. до н. э.

Поселение русов-трипольцев. IV–III тыс. до н. э. Реконструкция

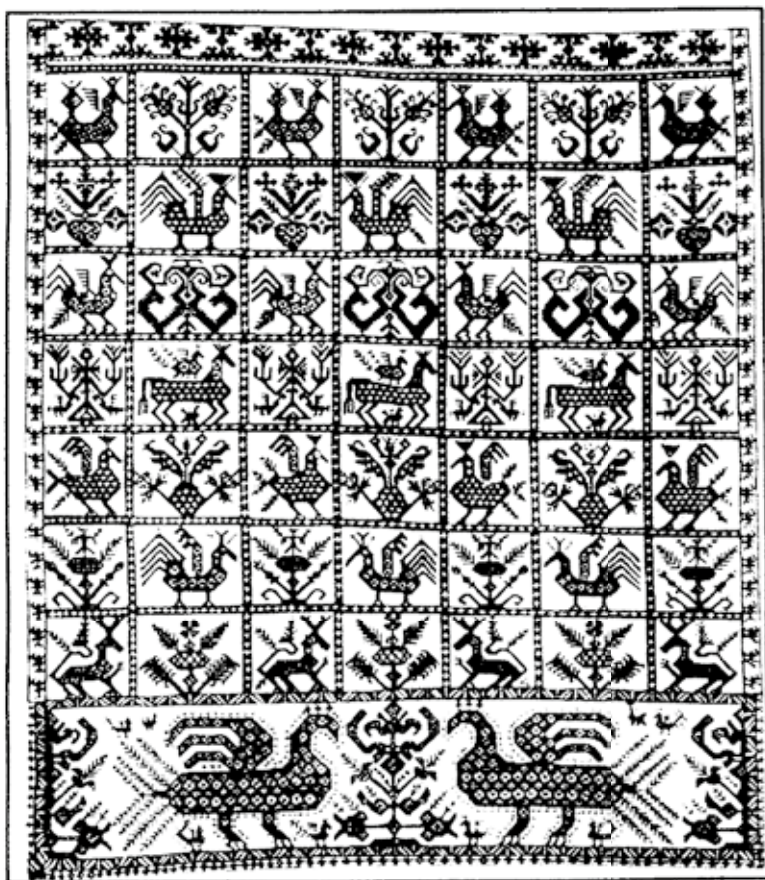
Ю. Д. Петухов. Тайны древних Русов.

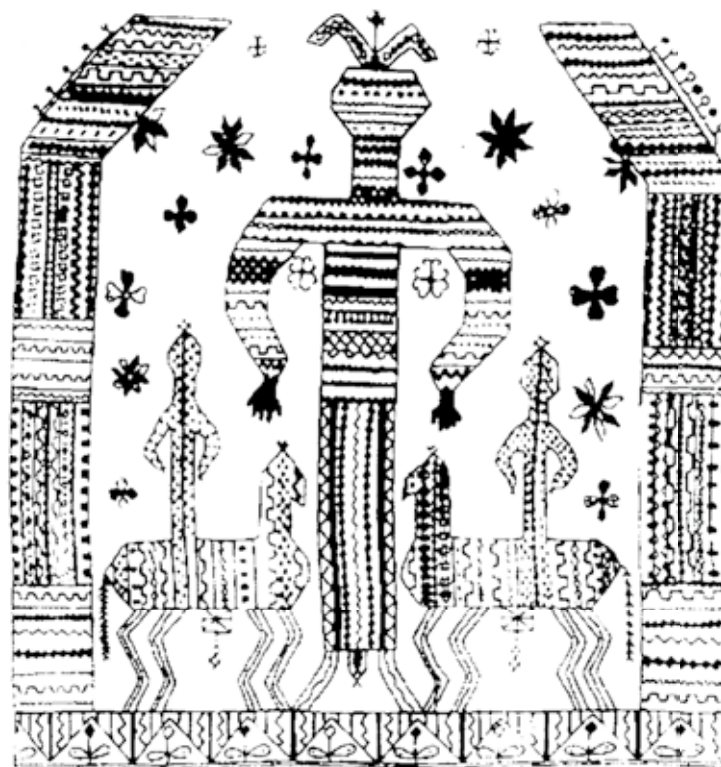
Области распространения культа богини Лето или Латоны (итало-греко-эгейская область) и богини Лады (славяно-литовская область). Ведическая мифология русичей-гиперборейцев послужила основой античной мифологии.

Отражение славянского культа двух «рожаниц» — матери и дочери, Лады и Лели. (V–III тыс. до н.э. Триполье)

«Рожаницы» — Лада и Леля в традиционных вышивках русских женщин

Макошь — прародительница русичей, главное женское божество славян, роженицы Лада и Леля

**Свято Лады
(Община «Родлюбие»)**

Ладо-Мати, Ладо,
Блага дажди чадам!
Хворых лади, Ладо,
Поля святы свято!
Приди, Ладо, Гойна,
Приди, Ладо, ладна!
Жито нив утрой ты,
Буди нам отрадно!
Гой!

Борис Терещенко.

Лада, богиня-мать.

Масло, картон, 59×60 см, 1990 г.

Культ рожаниц (рожениц) — матери и дочери — один из самых древних и самых устойчивых у русичей; до наших дней он дошел из Триполья (V–IV тысячелетия до н.э.).

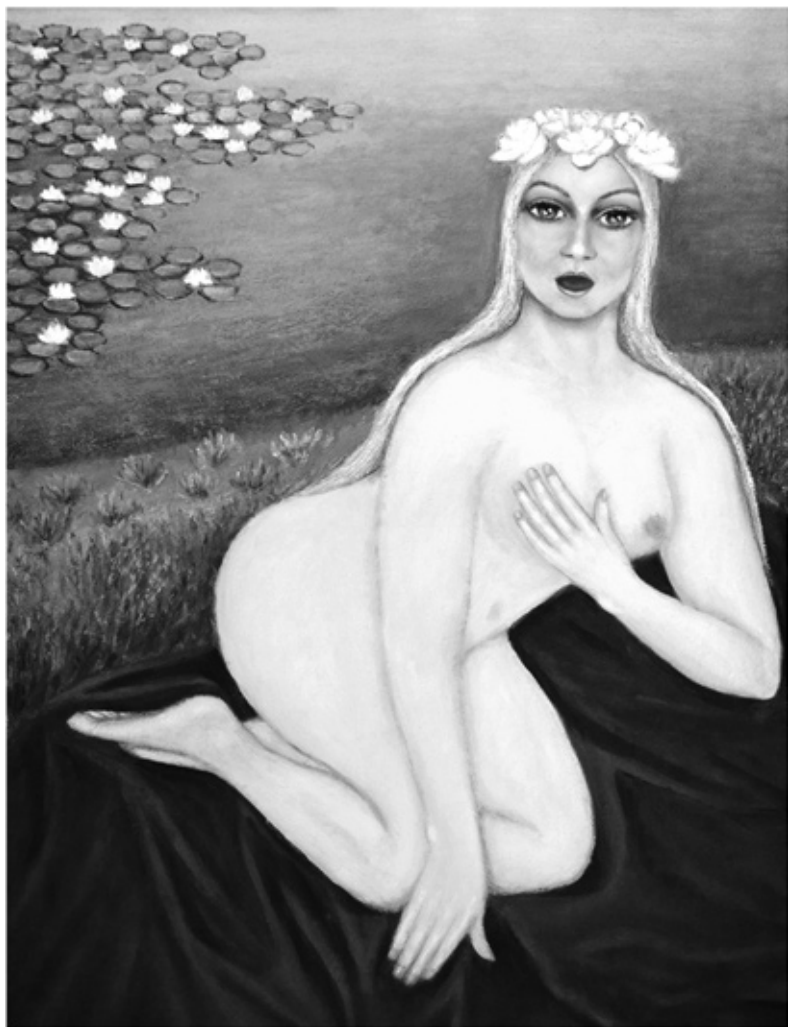

*Борис Терещенко.
Леля, богиня-дочь.
Масло, картон, 32×24 см, 1984 г.*

В старинных песнях славянорусов обращения к Ладе и Леле были почти постоянными. В ковёрных узорах, в вышивке они изображались в виде стилизованных фигурок, чаще вместе с первобогиней Макошью — ☸☸

*Борис Терещенко.
Злата Майя, супруга Даждьбога, соткавшая звёздное небо.
Масло, ДВП, 78×54 см., 1998 г.*

*Борис Терещенко.
Рада, родившая Каму, бога любви.
Масло, ДВП, 76×55 см, 2009 г.*

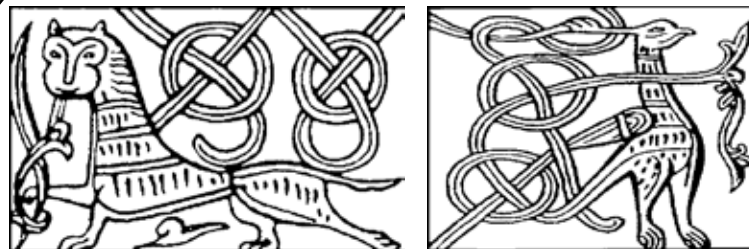

Русские национальные одежды

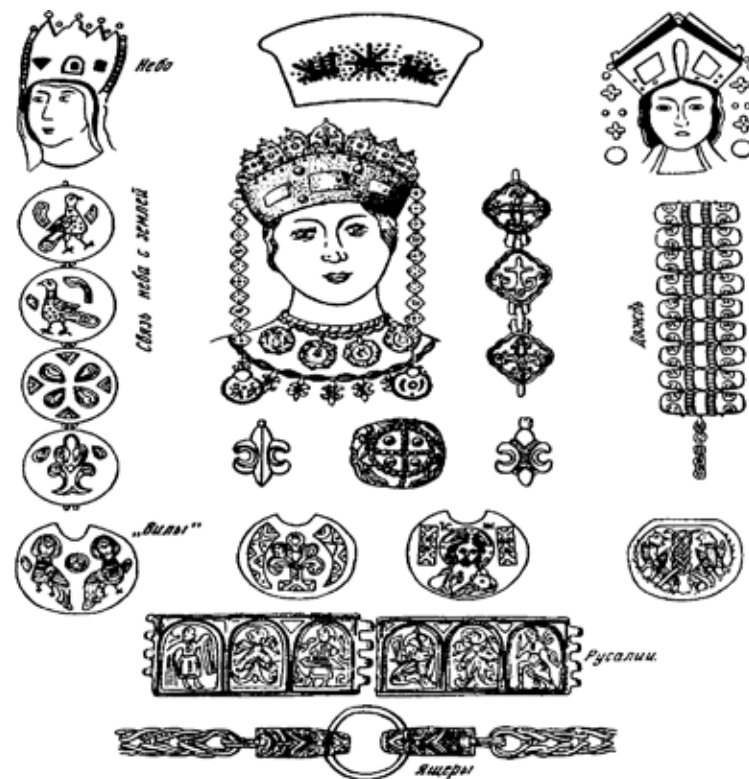

1. Женщина в накладной шубке. XVII век
2. Девушка в короткой шубе. XVII век
3. Женщина в полушубке из овчины. XIX век

Символ солнца на ритуальных браслетах XII–XIII вв.

Отражение макрокосма в микрокосме женского убора.
XII–XIII вв.

Языческая символика княжеско-боярских украшений

Украшения андроновской кл. XVII – XV вв. до н.э.

кл. курганных погребений
XV – XIV вв. до н.э.

лужицкая кл. XIII – VIII вв. до н.э.

тшинецкая
кл. XV – XI вв. до н.э.

комаровская
кл. XV – XII вв. до н.э.

зарубинецкая кл. II – I вв. до н.э.

Русские украшения I в. н.э.

Женские украшения различных эпох Евразии на протяжении двух тысячелетий остаются идентичными, сохраняя свой этнический стиль русичей

934.

Ор /Арий/, пращур наш, где только не был,
и всюду с ним творились чудеса,
когда же он взошёл на небо,
то встретился с великим чудом сам —
бог молнии Перун явился перед ним
и одарил оружием своим.
Пусть знает всякий враг, что ждёт
того, кто к нам с мечом придёт.

935.

По Млечному пути на золотом челне
Бог-Солнце приплывает на волне
к вратам чудесного чертога,
и раскрываются врата, и через них
все звёзды вырываются на волю
и загораются на тёмном небосводе
и до утра, сверкая, хороводят,
пока Бог-Солнце поживает в синем поле.

936.

Жрец-теософ любой религии готов,
отстаивая первенство своих богов,
продемонстрировать доказательств перлы...
На самом деле культ фаллический был первым.

937.

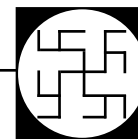
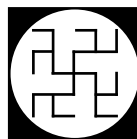
Бывало, Русь буквально попадала
в кольцо шакалье: римляне с Дуная,
а с юга — обры, греки и хазары,
а кельты — с Запада, и готы,
с востока — гунны... В край из края
носились по Руси шакалья стая.
Кто б иной смог выстоять в подобном переплётё?!

938.

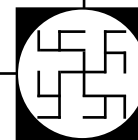
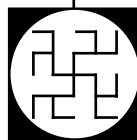
И Лада-мать, и Леля-дочь издревле —
богини славянорусов со времён Триполья,
они древней богинь античных и всех прочих,
при русичах они всегда, и днём и ночью,
а потому любимы нами очень.

939.

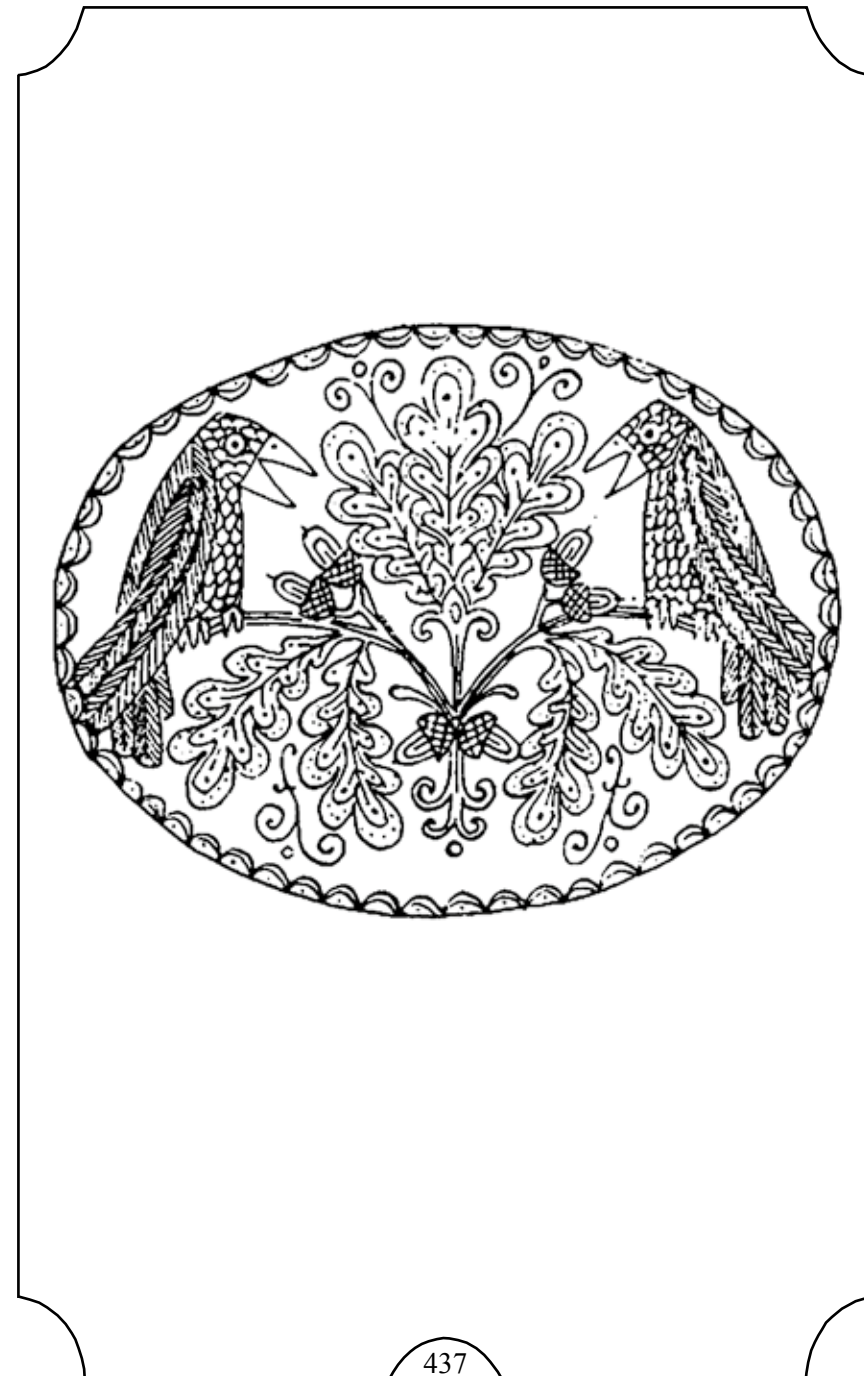
Могучи и славны русские реки,
и Волга-матушка, и Дон священный,
рокочут они о деяниях предков,
и коль не дано повторить тех свершений,
то хоть бы нам знать о наших героях,
то хоть бы помнить, где их могилы,
чтоб не зарастали они трын-травой,
лишь память крепит и веру, и силу.

*Свято Огня Сварожича
(из архива Окшины
«Родолюбие»)*

Голоса с преисподней

940.

Письмо Аденауэра коллегам

В преисподнюю посланный богом,
помогаю я немцам во многом.
Здесь ни ночью, ни днём мне не спится,
всё мечтаю расширить границы,
а потом закрепить их навечно
лишь за высшею расой, конечно.
Так легко это сделать, поверьте,
я у цели теперь после смерти.
Чтобы сил я не тратил напрасно,
посылайте ко мне лишь достойных,
ограничьте приток посторонних:
чёрных, жёлтых, особенно красных.
Я займусь улучшением рода,
рядом — много вонючего сброда,
Чомбе душу чертям перепродал,
на предательство нынче здесь мода.
Нет, чтоб место занять на кухне
со своей утробой тухлой,
Чомбе здесь хозяином ходит,
с мадам Онема шашни заводит.
С ним покончить мне надо бы сразу,
знать чтоб место своё черномазым!
Задыхаюсь от всяческих чомбе,
присылайте скорее бомбу,
не какую-нибудь худородную,
настоящую, водородную!

P. S.

На днях Геббельса кость подъязычную
отыскал я в коричневой грязи —
конспирация необычная,
ох, как трудно налаживать связи.

941.

*Письмо Ферворда
единомышленникам*

Секретно.

Официально.

Срочно.

Сей план мой перестройки преисподней
да будет выполнен и да пребудет вечно,
по воле нашей и господней.

Тут, в преисподней расселенье рас
эффекта дать никак не может,
ведь в царстве теней уж никто из нас
неотличим по цвету кожи.

Вдруг по ошибке в здешний бантустан
собачья гвардия загонит тени белых?

Нет, нет и нет! Священные места
должны мы отстоять умело!

Где место нам — туземцам места нет!

Сюда вход черномазым воспретить!

Пусть только сунутся, пусть вздумают посметь —
душить, палить, бомбить, но не пустить!

Деянья Фюрера да будут нам в пример,
и я готов на всё, пусть знают это в центре —
апостол Бродербонда и премьер,
полпред апартеида — Ферворд Хендрик.

942.

Записка Адольфа фрау Меркель

Во имя высшей расы срочно
я должен фрау Меркель осадить,
за униженье немцев осудить,
пока, конечно же, заочно:
зачем перед Израилем прогнулась,
на кой хрен перед дядей Сэмом гнётся,
а с эмигрантами явила дурость,
которая бедой для немцев обернётся.
Письмо немедля Меркель передать,
а на словах безмозглой дурой обозвать,
она наказана мной будет без судов.
К сему мой фюрерский наказ — Адольф.

943.

*Размышления
генерала Франко у гроба*

В далёкие звонкие годы
на пир пригласил я гостей
и пред невестою гордой
предстал я — и справился с ней.

Под аккомпонимент кононады
при свете не звёзд, а огней
республике пел серенады,
но жизнь не сложилась с ней.

Народ кровожаден, как бык,
и стал я тогда пикадором,
страна стала Пласа де Торос,
немало мной сломано пик!

И снова — песни и танцы,
корида и снова любовь.
Люблю до безумства испанцев,
их знойную, терпкую кровь!

944.

Последний завет кормчего

Я давлею над народом
и на землю я давлею,
кто не пляшет мне в угоду,
тех я лично удавлею.
Я скачок великий сделал
и Янзы я переплыл,
потому гожусь я смело
в сонм божественных светил.
Быть светилом мне помогут
верная жена и зять,
Солнце ж сможем мы, ей богу,
в преисподню затолкать.
Чтобы вас глисты не съели,
чтобы рос погуще рис,
песни чтоб кишки не пели,
каждый — на меня молись.

945.

Священники — преблагостный народ,
иные мужики горбятся на шахтах,
на сельских нивах отбывают вахту,
священник же дарами божьими живёт.

946.

Говорят, что Бог сотворил людей,
и это мнение многих,
но я далёк от подобных идей,
могу с остальными поспорить,
ибо знаю, что люди создали бога
на радость себе иль на горе,
в триста двадцать пятом году
на Вселенском Никейском соборе.

947.

Немцы всегда звали нас — «русский свинья»,
но разбив их, мы обошлись не по-свински,
не забрали обратно свои города:
Бранибор, Берло, Старгород, Липск,
Межибор и Дроздяны, и Мишны — славянорусские
изначально,
их немцы бандитски у нас захватили
применя в строю вид атаки — «свинью».

948.

Власть силы может дать успех,
но вряд ли к старости додюжит,
сегодня ты сильнее всех,
а завтра уж другому служишь.

949.

Пятнадцать тысяч войн за пять тысячелетий
програло по белу свету вороньём
на нашей неприкаянной планете,
окутывая её дымом и огнём.

950.

В религиях и партиях карьеры
зыбки и легковесны, словно дым,
чтоб им не отдавать себя без меры,
об этом стоит ведать молодым.

951.

В рабовладеньи развивался Запад,
но благородную историю состряпал
сам о себе, о преимуществе во всём
и, как осёл, талдычит на своём.
Но стоит лишь смахнуть всю мишуру,
уже не скрыть фальшивую игру.

952.

Нанёсший русичам урон в два раза
большой, чем в войне,
Ельцин получает орден «За заслуги
пред Отечеством».
Возможен ли такой пассаж в другой стране?

953.

Макдональдсы, как будто крысоловки,
расставленные в шахматном порядке
по городам и странам там и тут,
к болезням непременно приведут.

954.

В годы девяностые
дерьмократия взбесилась,
Новая Хазария
родилась в России.

955.

Хазария — трёхглавый Змей
в истории России.
Великий Святослав
одну башку срубил,
жестокий Сталин
отрубил вторую,
чтоб, наконец,
Хазарию осилить,
необходимо третью
голову отсечь.
Где отыскать
победный острый меч?

956.

Когда родители друг с другом расстаются,
то часто дети — лишь орудье мести,
и за детей они нещадно бьются,
лишаясь справедливости и чести.

957.

У человека существует сотня лиц,
они даны ему с рождения,
в его развитии нет границ
ни в жертвенности, ни в преступлении.

958.

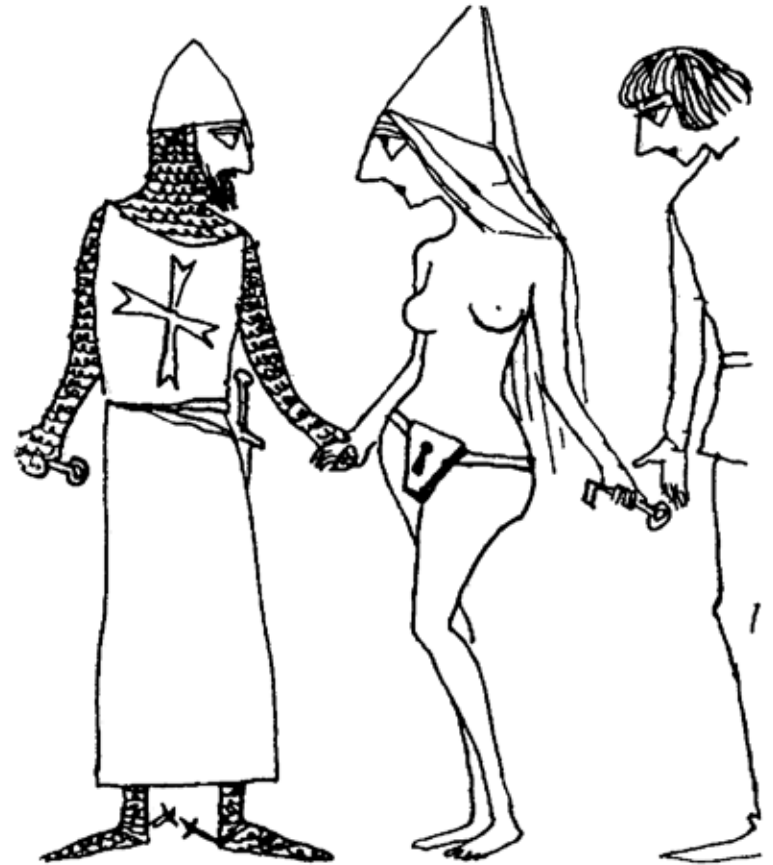
Толпа стозевна, но безлика,
не по толпе об этносе судить,
а по отдельным личностям великим,
которые смогли свой этнос утвердить.

959.

Миллиард — в христианстве,
его путь — перед нами,
весь отмечен крестами,
а затем и кострами.
От Кумранских общин
и от трапез убогих —
до всевластья вершин
и Лукулловских оргий,
от смиренья — до чванства,
от убогого братства —
до всеильного папства.

960.

Возле папы — легаты,
возле них — кургизаны,
магистрат, сикофанты —
челядь папская рьяно
папский культ воспевает,
власть его охраняет
/заодно — свою шкуру/,
а взамен получает
от него синекуру.

961.

Церковь правит повсюду,
Церковь всех и вся судит,
всё разумное давит.
В руках Церкви — вся власть,
на неё — нет управы.
Папа — бог, папа — ум,
папа — честь, папа — свет,
если ты выше папы, поскорее согнись,
коль умнее — заткнись, а сильнее — сожмись,
а иначе — страшись
инквизиторской лапы.

962.

Конформизм заклеяет тебя, власти в угоду,
соответственно моде, будешь ты
«еретик», «диссидент», «враг народа».
Сколько их на цепях в подземельях истлело,
у скольких рвалось тело
в освящённых клещах?
Сколько их на кострах
невиновных сгорело?

963.

Есть святости святее всех святых,
и Площаница — первая из них.
В Площаницу кутали Христа
после того, как он был снят с креста.
Соткали ткань её в четырнадцатом столетии,
учёные трёх стран установили это.
Не чудо ль, что столетия спустя
запечатлела ткань следы от ран Христа?

964.

Во «Второзаконии» можно прочитать:
«Истребите... разрушьте...сокрушите...
Сожгите...истребите...».
Так Библия евреев наставляет
всех необрезанных со света изживать,
и так живёт обрезанное племя
и множится, всех гоев истребляя.

965.

За много тысяч лет скопились горы книг
в Александрии, Вавилоне, в Киеве, в Царьграде,
а Церковь их сожгла почти в единый миг,
оставив свою Библию в награду.

966.

К врачу-невропатологу явился пациент:
— Как звать?
— Я есть Америка.
— Какие же проблемы?
— Силёнок нехватает иметь весь белый свет.
У доктора — истерика:
— Тогда какого чёрта явился ты ко мне?
С такой бандитской мордой
приходят лишь во сне.

967.

Европа в лоховом сознании — душка
с французским ароматом, вся в шелках
иль в смокинге и с тростью джентельмен,
или банкир в блестящем лимузине.
Лох не замечает у себя «лапшу» на ушках,
не знает, что выросла Европа на костях
своих рабов, и что в крови её —
злодейства тлен,
что от преступного наследства
она сгинет.

Фридрих Ницше писал: «Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, — я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества».

Ведь не зря же именно в средневековье в пору всесилья церкви мир был ввергнут в пучину чумных и прочих пандемий.

*Казнь волхвов в XI в.
Миниатюра из Радзивилловской летописи*

іа хвобі. нстагауі мрт. ннсмгвѣа хоу нсходнтн нсхо ро

осемженаташа. вѣльмѣлаткѣ. паконѣ. ннбѣѣвкѣіа

968.

Злодейство выгодно вдвойне,
и чем оно наглее, тем верней.
Во-первых, — в присвоении чужого,
а во-вторых, — в прощении людского.

969.

Мусульманские кукушки
яйца нагло отложили
в гнёзда европейские.
Жалко модную старушку,
хоть она своё отжила,
жаль дворцы еврейские.
Вышвырнут детёнышей
из них кукушоныши.

970.

Америка — жалкое подобье Рима,
и как бы не гордилась своей силой,
своим богатством, ловкостью, экстримом
и даже извращенцами своими,
ей не достичь античной высоты,
не допонять, не довобрать, не дорасти.
И всё ж сравниться с Римом она может —
лишь в крахе судьбы их похожи.

971.

Чтоб стать богатым, надо торговать,
в торговле ж надо научиться лгать,
хитрить, лукавить, пресмыкаться,
обсчитывать, обвешивать, ловчить,
выкручиваться, бога не бояться,
и денег будет — курам не склевать.

972.

Содом и Гоморра — пикантный моментик,
в еврейской истории давней,
а нынче Европа с Америкой славной
внедряют сей опыт на двух континентах
политкорректно, глобально.

973.

Киндер-сюрприз — дерьмовая затея:
отсечь в ребёнке бескорыстный интерес,
игрушка ценность лишь в жратве имеет,
лишь в физиологии теперь — людской прогресс.

974.

Хотя распыхатой масонской Америке
всего лишь три сотни лет
/памперсный возраст истории/,
сие немовля с погремушкой в истерике
стремится объять, подчинить белый свет.

975.

Безудержный секс, без границ потребление
и наглая сила, обман и грабительство —
вот всё, на что Запад способен, увы,
черты деградации стран не новы.

976.

По-лисьи на Русь Византия взирала,
вилая хвостом, затаённо алкала,
клочок ли земли урвать на границе,
рабами ли русскими поживиться.

977.

При храмах проститутки изначально
использовались и весьма успешно,
чтоб прихожане шибко не скучали,
когда отмаливают души грешных.

978.

Октябрьский путч — власть палачей-иуд,
полсотни миллионов жертв — на их счету,
убрал их Сталин, палачей палач.
Кто ж кровожадней тут?

979.

Гламурность — блядская черта,
товарный знак среды элитной,
утроба жизни ненасытной,
а за душою — ни черта.

980.

Лос-Анджелес — столица извращенцев,
Содом, Гоморра нынешней эпохи,
тут геи местные и иноземцы
устроились, как говорят, неплохо,
ведь Рейган запретил нападки на евреев
/то бишь хозяев/ и на негров
/бузотёров/, и на геев.

981.

В Италии в семнадцатом столетии
четыре тысячи оскоплено певцов,
а это были маленькие дети,
хористы воцерковленных хоров.
Имелось у попов немало и других затей,
папы шибко бдели о духовности людей.

982.

Троице-Сергиев великий монастырь
и креп, и ширился лишь при татарском иге,
где изначально был глухой пустырь,
о чём известно по церковным книгам,
раскинулся огромный центр духовности
на восемьдесят тысяч крепостных
и множества холопских душ иных.

983.

Великий Минин и Пожарский,
чтоб не повторился гнёт татарский,
избавили страну от польской смуты.
Зачем отдали Русь в Романовские пути?

984.

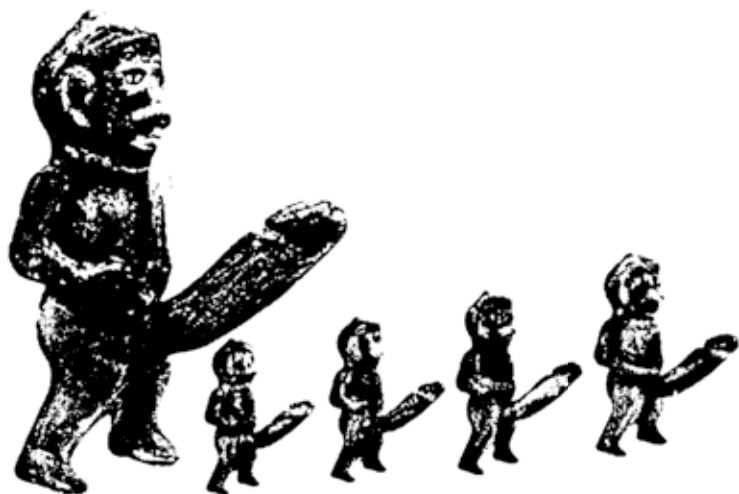
Не Магадан, не Соловки, и не Освенцим
в Европе были созданы сначала,
в Америке впервые англичане
создали лагерь смерти для индейцев.

985.

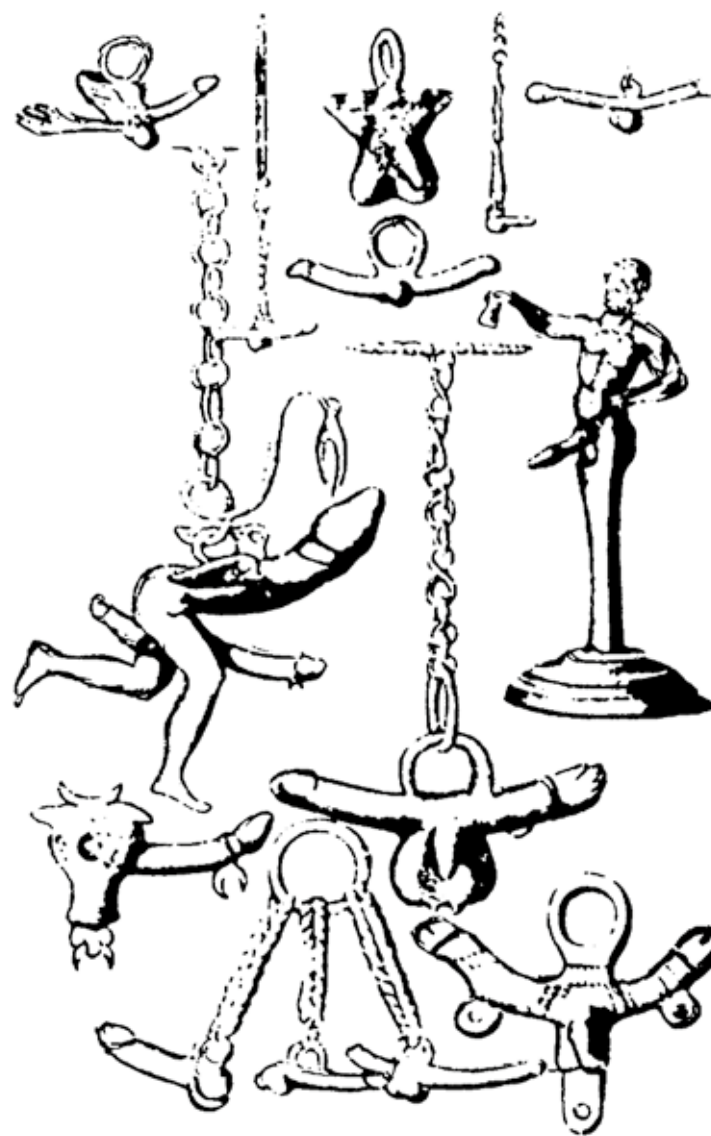
Америка всегда жила не мирно,
свобода, демократия — лишь ширма.
В Америке истреблены индейцы,
там правит только доллар, только кольт,
от них ведь никому и никуда не деться,
ничто и президента не спасёт,
коль с мафией надумает бороться,
и эта мафия — «свободою» зовётся.

986.

Однополые браки в Европе — закон.
Как же можно такого добиться?
Только с помощью Библии он насаждён,
на примере Содома, Гоморры смог он прижиться.

Древние мужские скульптурки (Малая Азия, Турция)

Бытовые предметы в виде гротескно-фаллических фигур

В борделе. Гравюра. XVIII век

Долгое время американские гомосексуалисты старались не афишировать своей сексуальной ориентации; подвергаясь насмешкам, унижению и различным «репрессиям», они хотели только одного — спокойной жизни. Но к концу 1960 — х гг. ситуация сильно изменилась. Объединившись в ассоциации, гомофилы потребовали «признания»

У этой пары «панков» обычные различия между полами умышленно перепутаны, например, у юноши накрашены губы. В результате пол лишается биологического смысла продления рода и окончательно превращается в средство извлечения удовольствия (фото: Гатта).

987.

Интернационализм — зловредное ученье,
он подсекает нации под корень,
вред от него для этноса бесспорен,
ведь геноцид — не только убиенье.

988.

Американский имидж — сплошь фальшивый,
и в этом — вся трагедия страны,
она подобна фешенебельной машине,
летающей безоглядно с вышины.

989.

Я вижу крах Америки воочию:
вот Мексика обрушивает стену,
и вот Аляска связи рвёт непрочные,
вот чернокожие стоят за перемены,
вот в резервациях индейцы вдруг поднялись...
Что ж от Америки в конце осталось?

990.

Американцы всю литературу
записали комиксами сдуру,
веря, что освоили культуру,
обнажив невежество природы.

991.

Авраамовы религии в основе экспансивны,
поскольку добиваются господства.
Духовность не должна быть агрессивной,
агрессия — духовное уродство.

992.

Добро и зло всегда — в противоборстве
и связаны всегда одной судьбой,
порой являя изначально сходство,
в друг друга превращаются порой.

993.

Великий пост — великая беда,
он Масленицу вытеснил в морозы,
пост в дефицитном марте может дать
для человека многие угрозы.

994.

У властелинов мира – паранойя,
Талмуд – история болезни,
как высоко во власть бы ни залезли,
оттуда путь один – вниз головою.

995.

Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.
Пусть царит ночь-темнота,
пусть маячит всем маята,
пусть сразит всех срамота,
пусть придёт слепота, глухота.
Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.

996.

Ода рахдонитам

Рахдониты – торговцы секс-рабами,
всегда были всесущи, вездесущи,
врата Царьграда открывали для врагов,
призвали Одда /Вещего Олега/,
чтоб править Киевом его рукой,
испанскую Кордову при Жестоком Педро
сумели превратить в столицу мира,
скупали на корню почти всех польских королей
и были в преимуществе пред шляхтой,
и с Золотой Ордой велись за панибрата,
а в девяностые лихие годы
красавиц русских за бугор сплавляли

по пять десятков тысяч в год...
Да, воистину всесущи, вездесущи
еврейские торговцы – рахдониты:
как вирусы, среди живущих,
как паразиты, в человеке –
так будьте прокляты отныне и навеки!

997.

При слове дипломат есть ощущение джентльменства
с прямым признанием главенства
законов, соглашений, хартий;
но ныне дипломаты превратились в игроков азартных,
играющих краплённой картой.

998.

Фамилия у Порошенко взята на прокат,
на самом деле он — из иудеев,
и даже если бы не лгать был рад,
то вынужден он лгать идейно.

999.

Гонор — характерная черта лакеев,
заражены им больше всех поляки,
мечту о панстве всё ещё лелея,
лакействуют завзято перед янки.

1000.

Европа захлебнулась от мигрантов,
хочу понять, кто мог процесс начать,
не зря вначале выдавались гранты,
по ним я понял: уши Ротшильда торчат.

1001.

Тысяча первый стих не есть предел
ни чувствам, ни мыслям, ни дерзаньям.
Куда он завтра уведёт
неисповедимыми стезями?

ПЦПСИДЪЗМИДРВГРЪЗТШ
ТДЛЕННУТЪИДЕОЫЕТШ

Борис ТЕРЕЩЕНКО

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 20-ти томах**

**Том первый — ТЫСЯЧА И ОДИН СТИХ
(Поэтическая энциклопедия)**

Художественный редактор: Борис Терещенко
Технический редактор: Павел Злотников
Корректор: Борис Терещенко

Сдано в набор 25.07.2017
Подписано в печать 25.08.2017
Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная 65 г/м²
Тираж 50 экз.

Издательство «**Буква Статейнова**»
660075 Красноярск, ул. Маерчака, 3, оф. 503
Для писем: 660075, Красноярск, а/я 2430
Тел./факс (391) 253-83-69, 297-99-09, 211-77-78
E-mail: stateinov@bk.ru, bukva.s@mail.ru

**www.krasbukva.ru
www.bukva-stat.ru**

Гүна древней истории 90°)

Гүна «Знаше» 90°)